

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОМАНИЯ

Выпуск 3

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

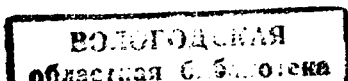
Межвузовский сборник

Посвящается памяти
доктора филологических наук
профессора А. А. КАСАТКИНА

1027844

Ленинград
Издательство Ленинградского университета
1985

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

Сборник посвящен памяти основателя данной серии филологических исследований, заведующего кафедрой романской филологии Ленинградского государственного университета, доктора филологических наук профессора Александра Александровича Касаткина (1919—1983). В статьях рассматривается романская филология как единая комплексная наука, разрабатываются на материале романских языков вопросы ономастики, модальности, системности аффективного синтаксиса, семантической метаструктуры фразеологических единиц и др. В сборнике представлены статьи, посвященные проблемам грамматики и лексики современных испанского, итальянского, португальского, румынского, французского и других романских языков, вопросам их исторического развития, общим проблемам романистики. Включена также статья по истории итальянской литературы.

Сборник рассчитан на филологов-романистов — преподавателей, аспирантов и студентов, а также на филологов других специальностей, изучающих историческое развитие литературных языков и их современное состояние.

Редакционная коллегия:

чл.-корр. АН СССР *Р. А. Будагов*, проф. *О. К. Васильева-Шведе*,
доц. *Е. Д. Панфилов*, проф. *Т. А. Репина* (отв. ред.), акад. *Г. В. Степанов*

Рецензент проф. *Б. И. Ваксман*.

Т. А. РЕПИНА

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА КАСАТКИНА

Научный путь А. А. Касаткина в области романской филологии начался с подготовки и защиты им в 1951 г. в Ленинградском государственном университете диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.¹ Исследование было посвящено изучению способов образования и внутренней смысловой структуры итальянских существительных, создаваемых путем словосложения (*pescesane* 'акула', букв. 'рыба-собака', *capotreno* 'начальник поезда', *batticuore* 'сердцебиение' и т. п.), выявлению тех устойчивых образцов, на основе которых происходит сложение слов в итальянском языке. А. А. Касаткина заинтересовали вопросы, связанные с экспрессивностью сложных слов и их внутренней образностью. Он приходит к выводу о том, что «в развитии сложных слов как весьма характерного терминологического средства наглядно обнаруживается непосредственная связь языка с производственной деятельностью человека».² Одну из линий исследования кандидатской диссертации составили итальянские слова, заимствованные из русского языка. Эта тема нашла отражение в последующих публикациях автора.³

В дальнейшем научные интересы А. А. Касаткина сосредоточились на истории итальянского языка, лингвистических проблемах Италии в разные периоды ее истории, на критической оценке деятельности итальянских ученых, в частности их отношения к спору о единой общеталианской норме (*questione della lingua*).⁴ Все эти вопросы рассматривались на широком историческом фоне, с учетом своеобразия соответствующей эпохи.

Среди многочисленных проблем, разрабатываемых А. А. Касаткиным, особого внимания заслуживают следующие проблемы общетеоретического и методологического значения.

Проблема взаимосвязи понятий «язык» и «право». Первыми памятниками итальянского языка (*volgare*) явились документы,

представляющие собой записи свидетельских показаний: Carta Saruana (960) и ряд аналогичных записей, относящихся к 963 г. Оценивая значение этих первых письменных свидетельств итальянского языка и опираясь на тот факт, что это были не только документы истории языка, но и документы истории права, А. А. Касаткин развивает мысль о наличии непосредственной связи истории языка с историей права. Он ставит на обсуждение вопрос о целесообразности их сопоставительного изучения. Связь этих понятий выражается в том, что сама история распространения латинского языка на территории, выходившие далеко за пределы области его возникновения (романизация), была в значительной степени связана «со стимулирующим действием правового фактора — распространением прав римского гражданства».⁵ По мере ослабления правовых институтов Римской империи и снижения роли римского гражданства создавались благоприятные условия для языковой дифференциации, движения от латыни к романским языкам. Тот факт, что первые письменные свидетельства не только итальянского, но и ряда других романских языков, например французского: «Страсбургские клятвы» 842 г., относящиеся к сфере государственного права; португальского: акт о разделе имущества 1192 г., представляющий область гражданского права, и другие, являются документами регламентирующего (правового) характера, по мнению А. А. Касаткина, не может рассматриваться как случайность. Это одно из убедительных доказательств неразрывной связи истории языка и истории права. Именно правовые вопросы нуждались в письменной фиксации на языке, понятном широким слоям общества.

Другим доказательством связи истории языка и истории права является государственно-правовое воздействие на процесс формирования национальных языков. В этом отношении, пишет А. А. Касаткин, особенно показательна история Франции, которой, начиная с 1510 г., известны многочисленные ордонансы, предписывающие использование французского языка во всех сферах деловой жизни, в первую очередь именно в области правовых норм. Языковая политика французского государства стимулировала развитие единого языка.⁶ Правовые акты закрепляли этот процесс и способствовали его успешному осуществлению. Слабая государственно-правовая поддержка развития единого языка в Италии, отсутствие официального противодействия «диалектной стихии» имели следствием наряду с другими факторами сохранение более значительного удельного веса диалектов в истории итальянского языка. Таким образом, политика государства в области правового регулирования развития языка имеет определенное значение для его истории и, следовательно, история языка должна изучаться с обязательным учетом истории права.

Проблема языковой нормы. Изучение истории формирования

нормы литературного итальянского языка составило предмет докторской диссертации А. А. Касаткина.⁷ «Формирование нормы литературного языка — узловая проблема его истории. Весь ход истории литературного языка может быть рассмотрен как его нормативное развитие, как процесс возникновения и изменения, распространения и утверждения общеобязательной языковой нормы».⁸ Нормативность есть имманентное свойство языка, однако в качестве социально осознанной категории норма языка складывается лишь в определенный период истории общества его носителей. Для истории итальянского литературного языка особенно важным в этом отношении является период XVIII—XX вв., поскольку именно в этот исторический отрезок времени происходит становление итальянского языка как национального языка Италии. Вместе с тем, отмечает А. А. Касаткин, история формирования нормы литературного итальянского языка уходит корнями в значительно более ранние периоды истории итальянского языка и его письменности. Уже первые письменные памятники *volgare* содержат определенные признаки зарождающейся нормы. Вся дальнейшая история итальянского языка ярко и убедительно иллюстрирует диалектический характер языковой нормы, представляемое ею диалектическое единство устойчивости и изменчивости.

Изучая языковую норму, А. А. Касаткин уделяет особое внимание проблеме ее социальной значимости. «В системе духовных ценностей общества она является духовной ценностью особого рода, сочетающей в себе признаки экзистенциальной (наличной) и идеальной нормативной ценности».⁹ Через призму философской категории ценности могут быть по-новому интерпретированы такие важные моменты в истории литературных романских языков, как «защита и прославление» родного языка, движение за культуру речи и многие другие. Языковая норма является в известном смысле эстетическим идеалом общества. Эстетический и нормативный аспекты языка находятся и развиваются в тесном диалектическом единстве.

Атрибутами языковой нормы являются всеобщность, обязательность, однозначность, устойчивость, при одновременном условии ее общественной регламентации. Атрибуты языковой нормы выдвигают ее в разряд правовых категорий и сближают с нормой права. Обе нормы представляют собой разновидности социальной нормы, что делает правомерным их сопоставительнотипологическое изучение. Опираясь на теорию права, в соответствии с которой правовая норма рассматривается как трехчленная структура (гипотеза, диспозиция, санкция), А. А. Касаткин выявляет те же составляющие и применительно к языковой норме.¹⁰ Гипотезой при этом является определенная жизненная ситуация, вызывающая высказывание, порождающая потребность словесного оформления мысли; диспозицией выступает само высказывание; санкцией (осуждением) или ретрибуцией

(одобрением, вознаграждением) будет в этом случае реакция на речевой акт. К возможным параллелям между языковой нормой и нормой права А. А. Касаткин относит также сопоставительное изучение в их отношении к санкции «абсолютных и относительных новшеств», постоянно возникающих в процессе функционирования языка, в том числе при его использовании писателями, выявление типологии самих санкций, как языковых, так и внеязыковых, сопоставление понятий «адресат нормы», «пробелы нормы», заимствованных из юридической науки, и др.

Проблема взаимодействия литературного языка и диалектов. Для Италии, страны классического диалектного многообразия, эта проблема вплоть до настоящего времени сохраняет особую актуальность. Ее решение осложняется различным соотношением языка и диалекта в разных областях страны, явившимся в свою очередь следствием исторически сложившегося неравенства отдельных областей Италии, разных темпов и разного уровня их экономического и культурного развития. Именно поэтому, пишет А. А. Касаткин, столь важную роль приобретает изучение конкретных форм взаимодействия языка и диалекта в условиях современной Италии. Учитывая сложность и актуальность вопросов, связанных с проблемой взаимодействия языка и диалектов, А. А. Касаткин посвятил им специальную главу («Язык и диалект в современной Италии») своей известной монографии по истории литературного итальянского языка.¹¹ В этой главе он останавливается на проблеме «живучести» диалектов Италии, на возрастании в современных условиях роли римского диалекта как диалекта столицы, на отношении прогрессивных сил Италии к диалектному многообразию. К вопросу о взаимоотношении языка и диалектов в более ранние периоды истории языка и истории общества он обращается и в двух других разделах монографии («Век Просвещения и „вопрос о языке“ в Италии» и «Развитие итальянского языка в эпоху Ринсдорджименто»).

А. А. Касаткин много внимания уделил в своей научной деятельности изучению *общественного назначения лингвистики и филологии* в целом, пропаганде ленинского идейного наследия и его роли в развитии лингвистической науки, критике идеалистических концепций зарубежного языкознания. Критикуя антинаучные трактовки языка Э. Стертеванта, Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера и др., А. А. Касаткин анализирует с позиций материалистической диалектики проблему национального языка и вопрос о государственном языке, доказывает непреходящую действительность ленинского положения о принципиальном равенстве языков.¹² Он рассматривает различные аспекты языкового отчуждения, соотношение письменной и устной речи, анализирует ленинские положения о языковой норме. «Критика идеалистической „философии языка“ во всех ее проявлениях, разоблачение антикоммунизма и его нападок на языковые отношения и

языковую политику в Советском Союзе, разработка теории национального языка и в особенности национального языка социалистических наций как одного из важнейших вопросов в комплексе проблем „язык и общество“, изучение разного типа этнических и социальных общностей в их отношении к языку, исследование истории самых различных языков и диалектов на фоне социальной истории, изучение проблем билингвизма в его качественных разновидностях, исследование „языковой ситуации“ в разных странах мира, определение возможных путей и способов направленного воздействия общества на языковые процессы, разработка теории языковой нормы, исследование смежных проблем языкознания и социальной психологии, а также других социальных наук. Таков далеко не полный перечень высоких и сложных задач нашей лингвистической науки, вдохновляемой живым ленинским словом». ¹³ Именно в этом плане работал сам А. А. Касаткин. В этих заключительных словах его статьи содержится своеобразная программа дальнейшей работы в области социолингвистических исследований, в том числе на богатом и разнообразном материале истории романских языков и современной языковой ситуации в странах романской речи.

Ученый широкой эрудиции, А. А. Касаткин проявлял постоянный интерес к *памятным датам* истории итальянской и романской филологии. В его научном наследии — ряд статей, посвященных юбилею крупных ученых, годовщинам важных событий лингвистической жизни прошлого. Среди публикаций в этой области можно назвать статью, посвященную 350-летию первого издания и 100-летию последнего издания словаря Академии Круска, в которой он рассматривает словарь Круски как «важный памятник нескольких столетий истории итальянского языка» как «источник истории языка в самом широком смысле слова (в том числе с точки зрения отношений между языком и языковым коллективом)». ¹⁴ В статье, написанной в связи с 400-летним юбилеем со дня рождения Галилео Галилея, ¹⁵ он показывает разносторонность интересов ученого, высоко поднявшего своей научной деятельностью, в том числе в плане использования *volgarè* в научных трудах, международный престиж итальянского языка. А. А. Касаткин отмечает глубокий интерес Галилея к языковым проблемам, достоинства его собственного научного изложения, явившегося «итогом синтеза живого разговорного языка и лучших достижений литературного языка», ¹⁶ анализирует вклад Галилея в развитие итальянской терминологии.

А. А. Касаткин был ученым широкого профиля, филологом и историком, обладающим обширными и разносторонними знаниями. Его последние публикации — послесловие к сборнику новелл Дж. Страпаролы, ¹⁷ статьи, посвященные Ф. Алунно, Н. Макьявелли, ¹⁸ как и более ранние труды, вносят вклад в историю языкознания и литературоведения, в них А. А. Касаткин излагает

свои взгляды на историю и философию, оценивает с позиций современной науки значение каждого ученого для теории науки и истории языка. А. А. Касаткин был активным участником Комиссии по проблемам культуры эпохи Возрождения, учрежденной в составе Научного совета по истории мировой культуры Академии наук СССР.

Большое место в деятельности А. А. Касаткина занимало *научное редактирование* издаваемых посмертно трудов лауреата Ленинской премии академика В. Ф. Шишмарева,¹⁹ организация научной Всесоюзной конференции, посвященной 100-летию со дня его рождения, редактирование сборников кафедры романской филологии. Редакторскую манеру А. А. Касаткина характеризовали требовательность к строгому соблюдению логики научного изложения, аргументированности доказательств, тщательности оформления научного аппарата статей. Его собственные труды могут служить образцом научной достоверности, отработанности стиля изложения, продуманного подхода к отбору и подаче материала.

Научная деятельность профессора А. А. Касаткина развивалась в тесной связи с его *педагогической работой*. Долгие годы он читал в Ленинградском университете курс истории итальянского языка, спецкурсы по исторической морфологии и диалектологии итальянского языка, руководил дипломными сочинениями выпускников итальянского отделения. В качестве члена Научно-методического совета по высшему филологическому образованию при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР и члена Ученого совета филологического факультета по методическим и конкурсным делам А. А. Касаткин активно участвовал в работе по совершенствованию научно-методических основ учебного процесса.

Профессор А. А. Касаткин был председателем специализированного Ученого совета на филологическом факультете Ленинградского университета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по общему, германскому и романскому языкознанию, членом специализированного Ученого совета по присуждению ученой степени кандидата наук на филологическом факультете. Под его руководством написаны и успешно защищены несколько кандидатских диссертаций.²⁰

В течение почти 25 лет А. А. Касаткин руководил кафедрой романской филологии филологического факультета Ленинградского университета и одновременно возглавлял итальянское отделение кафедры. Коллектив кафедры в годы руководства А. А. Касаткина пополнился тремя докторами наук и пятнадцатью кандидатами наук. За те же годы кафедрой подготовлено значительное число кандидатов наук для различных вузов страны, выпущено свыше тысячи специалистов в области французской, испанской, итальянской, португальской, румынской филологии. Многосторонняя деятельность коллектива кафедры обобщена и

представлена в одной из публикаций А. А. Касаткина,²¹ где, в частности, говорится о том, что «от изучения главным образом французского и провансальского языков, и прежде всего ранних периодов их истории, подчиненного решению литературоведческих задач, романистика Ленинградского университета, как и вся советская романистика, закономерно пришла к широкому и разностороннему изучению всех языков Романии, имеющему самостоятельную научную ценность».²²

А. А. Касаткин всей своей жизнью и деятельностью доказал глубокую преданность Родине, верность ее идеалам. Он с честью прошел трудными дорогами Великой Отечественной войны, заслужив высокие правительственные награды, в том числе ордена Красной Звезды. Александр Александрович охотно делился со студентами и преподавателями университета воспоминаниями об этих годах, вел большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи, будучи членом совета ветеранов Ленинградского государственного университета, неоднократно выступал перед многочисленной аудиторией.

Сборник статей «Вопросы теории и истории романских языков», представляющий собой третий выпуск созданной А. А. Касаткиным серии «Древняя и Новая Романия», в известной мере обобщает итоги исследовательской работы членов кафедры романской филологии за последние годы, отражает научные контакты А. А. Касаткина с филологами, работающими на других кафедрах Ленинградского университета и в других вузах страны, является данью его коллег и учеников светлой памяти ученого, педагога, человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Касаткин А. А. Сложные имена существительные в современном итальянском языке: Автореф. канд. дис. Л., 1951.

² Там же, с. 18.

³ Касаткин А. А. 1) Новая лексика русского происхождения в итальянском языке. — В кн.: Научная сессия [Ленингр. гос. ун-та] 1951—1952 г. Тезисы докладов по секции филологических наук. Л., 1952, с. 50—52; 2) Новые слова русского происхождения в итальянском языке. — Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, № 161. Сер. филологич. наук, вып. 18. Вопросы грамматического строя и словарного состава языка, 2, 1952, с. 173—186.

⁴ См., напр.: Касаткин А. А. 1) О теориях языка в Италии накануне XIX века: Трактат М. Чезаротти «Опыт философии языков». — В кн.: Романо-германская филология. Л., 1957, с. 183—194; 2) «Антология» Дж. Вьёссё и вопросы языка. — Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, № 299. Сер. филологич. наук, вып. 59. Романская филология, 1961, с. 101—105; 3) «Вопрос о языке» в Италии в эпоху Рисорджименто. — В кн.: Координационное совещание по сравнительному и типологическому изучению романских языков. Тезисы докладов и сообщений / Под ред. М. А. Бородиной, М. С. Гурычевой, Е. А. Реферовской. Л., 1964, с. 19—20 и др.

⁵ Касаткин А. А. История языка и история права: На материале некоторых романских языков. — Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка, 1964, т. 23, вып. 2, с. 115. — По данному вопросу см. также: Касаткин А. А. К тысячелетию первого памятника итальянского языка («Carta Saracana», 960 г.). — Вопросы языкознания, 1960, № 6, с. 95—99.

⁶ Заслуживает внимания в этой связи предложенное А. А. Касаткиным объяснение так называемой «французской ясности». В статье «История язы-

ка и история права» (с. 122—123) он доказывает, что это отнюдь не имманентный признак языка, как иногда считают, а «благоприобретенная историческая особенность», поскольку «ясность» французского языка складывалась в течение столетий, в частности, под регулирующим влиянием различного рода правовых (декретирующих) актов в области французского языка и его использования в различных сферах общественной жизни.

7 Касаткин А. А. История формирования нормы литературного итальянского языка (XVIII—XX вв.): Автореф. докт. дис. Л., 1973 (там же можно найти библиографию более ранних работ автора по теме).

8 Там же, с. 4.

9 Касаткин А. А. Языковая норма как социальная ценность. — В кн.: Современные проблемы романистики: Семантический аспект изучения романских языков. Тезисы IV Всесоюзной конференции по романскому языкознанию, ч. I / Отв. ред. Г. В. Степанов. Калинин, 1978, с. 10.

10 Касаткин А. А. 1) Опыт сопоставления языковой нормы и нормы права (лингвосоциологический этюд). — В кн.: Актуальные проблемы советской романистики: Научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения лауреата Ленинской премии академика В. Ф. Шишмарева. Тезисы докладов / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1975, с. 40—43; 2) Языковая норма и норма права: Опыт типологической параллели. — В кн.: Исследования по романской филологии. Серия «Древняя и Новая Романия», вып. 2 / Отв. ред. А. А. Касаткин. Л., 1978, с. 181—186.

11 Касаткин А. А. Очерки истории литературного итальянского языка XVIII—XX вв. Л., 1976.

12 Касаткин А. А. 1) Учение В. И. Ленина и задачи лингвистики как общественной науки. — В кн.: Вопросы испанской филологии. Серия «Древняя и Новая Романия», вып. 1. / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1974, с. 55—65; 2) Ленинская теория культурного наследия и ее значение для советской филологии. — В кн.: Проблемы филологических исследований / Отв. ред. В. Д. Андреев, Л. А. Вербицкая, П. А. Дмитриев. Л., 1980, с. 3—6.

13 Касаткин А. А. Учение В. И. Ленина и задачи лингвистики как общественной науки, с. 64—65.

14 Касаткин А. А. Словарь Академии Круска — Vocabolario degli Accademici della Crusca: К 350-летию первого издания и столетию последнего издания. — НДВШ, Филологические науки, 1963, № 4, с. 163.

15 Касаткин А. А. Галилео Галилей и проблемы языка. К 400-летию со дня рождения (1564—1964). — Вестн. Ленингр. ун-та, 1964, № 20, с. 110—122.

16 Там же, с. 115.

17 Касаткин А. А. Джованфранческо Страпарола из Караваджо и его новеллы. — В кн.: Джованфранческо Страпарола да Караваджо. Приятные ночи / Издание подготовили А. С. Бобович, А. А. Касаткин, Н. Я. Рыкова; Отв. ред. А. Д. Михайлов. М., 1978, с. 389—418.

18 Касаткин А. А. 1) Франческо Алуньо да Феррара и его лексикографические труды. — В кн.: Проблемы культуры итальянского Возрождения / Отв. ред. В. И. Рутенбург. Л., 1979, с. 63—69; 2) Никколо Макьявелли как теоретик языка. — Там же, с. 85—92.

19 Шишмарев В. Ф. История итальянской литературы и итальянского языка: Избранные статьи / Отв. ред. А. А. Касаткин. Л., 1972, и др.

20 См., напр.: Кокошкина С. А. Своеобразие лексики пьемонтского диалекта итальянского языка: Автореф. канд. дис. Л., 1981; Башкин Е. И. Опыт регулирования языковых отношений в современной Франции: Критическая оценка терминологической политики: Автореф. канд. дис. Л., 1982; Теплоухова И. Л. Элизия и усечение в литературном итальянском языке: На материале поэтических и вокальных произведений XIV—XIX вв.: Автореф. канд. дис. Л., 1983.

21 Касаткин А. А. Вклад ученых Ленинградского университета в развитие романского языкознания. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1969, № 2, с. 110—120.

22 Там же, с. 120.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

М. А. БОРОДИНА

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ И ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Объект ономастики, частью которого являются интересующие нас топонимика и антропонимика, был охарактеризован М. Мюлон: «Ономастика изучает имя собственное; с одной стороны, как языковой факт, т. е. относящийся к области лингвистики и подразумевающий изучение общего словарного состава языка и этимологические изыскания; с другой стороны, как обозначающий явление топографического, археологического, исторического или социологического порядка. Этого достаточно, чтобы показать трудность определения области исследования собственных имен в ономастике, лексикографии и исторической географии».¹

Из разделов ономастики наибольший интерес для нас представляет топонимика как наиболее связанная с проблемами пространства. В. А. Никонов пишет: «Диалектология, как и топонимика, изучает эволюцию языка в аспекте пространства».²

Известно, что полевой исследователь прежде всего определяет народные названия местности (речь идет обычно о микропонимах), а также имена тех местных жителей, с которыми проводится беседа в поле. Так, например, в первом томе каждого атласа серии NALF приводятся следующие данные: названия местности официальные и местные, названия жителей (официальные и местные), а также две карты или два списка «точек» (пунктов) обследования. Этот материал по топонимике и антропонимике представляет интерес для изучения разных сторон развития языка и прежде всего для словообразования, словосложения и фонетики. Так, например, изучение местных устных форм микропонимов обнаруживает тенденцию усечения топонима-синтагмы, упрощения его синтаксиса: в.м. Liancour-St-Pierre, Crééz-sur-Roc, Puiseux-en-France, Aunay-sous-Auneau, Ormoу-la-Rivière в устной речи зафиксировано в редуцированной форме Liancour, Crééz, Puiseux, Aunay, Ormoу.³ Эти формы «удобны» для произношения, особенно при быстром тем-

пе устной речи. Они возможны, поскольку небольшие населенные пункты известны всем жителям данной местности и не требуется их уточнения — находятся ли они на реке (Ormoys-la-Rivière), на скале (Crévez-sur-Roc) и т. д. Уточнения, дополнения к основному названию топонима не случайны: они обусловлены понятиями качества (St-Cyr-La-Rosière, т. е. Сен-Сир, где имеются плантации роз), местоположения (примеры см. выше), принадлежности к данной стране, области (Puisseux-en-France — Пуизё во Франции, а также Authon-du-Perche — Отон из Перши) и др.

Интересны и фонетические изменения, которые происходят в топонимах. Как и в других формах устного языка, в топонимах наблюдаются фонетические варианты, особенно характерные для системы гласных разных форм устного языка: открытость/закрытость, лабиализация нелабиализованного гласного и др. Нередко отмирают и фонетические архаизмы: так в St-Ouen-Marchefroy [sēt-wē-maršəfrwē] произношение [wē] отражает французскую речь примерно до XVI в., когда wē перешло в произношении в wa, при сохранении старого написания.

Топонимы, как и все другие слова, составляющие лексический фонд языка, имеют определенную лингвистическую структуру и историю. Они могут изучаться в синхронии и диахронии. Анализ топонимов по разным уровням языка дает представление об их фонетике, семантике, словообразовании и микросинтаксисе. Все эти аспекты имеют особенности, свойственные именно топонимам.⁴

Изучение топонимов связано с рядом вопросов социо- и психолингвистики, а также психоистории в соответствии с данным выше определением ономастики М. Мюлон как комплексной дисциплины.

При составлении сетки географической карты одним из ее обязательных атрибутов являются топонимы. Однако связи топонимов с картографией гораздо шире, чем первоначальное составление географической сетки, что показывает анализ материалов серии «Новые лингвистические атласы Франции по регионам».

Новая серия лингвистических атласов Франции, где приводятся народные названия обследованных пунктов, является богатейшим источником для изучения диалектных топонимов. Топонимические словари, так же как и другие источники исследования (топонимические карты, списки топонимов и пр.), содержат, как правило, названия географических объектов в их литературной форме (официальное название обычно дается без транскрипции).⁵

Все сказанное относится и к именам собственным (антропонимам), которые также представлены в лингвистических атласах в письменной и устной диалектной формах. Исследование диа-

лектных антропонимов послужило бы расширению горизонта ономастических изысканий.

И. А. Данчинова в статье «Иноязычные топонимы в словарном составе языка» отмечает, что «прежде всего должны быть решены вопросы наиболее общие, т. е. такие, как, например, выбор формы в самом широком смысле слова. В инвентаре соответствующих понятий имеются, по крайней мере, пять названий для возможных форм, а именно: 1) официальная форма, 2) фонетическая форма, 3) транслитерация, 4) традиционная или условная форма, 5) переводная форма или калька».⁶ Далее ставится вопрос о местном произношении топонимов, изучение которого автор считает затруднительным, так как произношение не является общепринятым.⁷ Последнее вполне естественно, если учесть, что топоним в его местном названии относится к диалектным формам, которым отнюдь не свойственно нормированное, общепринятое произношение.

Вопросы топонимики в связи с диалектологией неоднократно привлекали к себе внимание.⁸ Следует особо отметить «Коллоквиум по диалектологии и ономастике» (г. Лош, Франция, 1978), на котором были поставлены вопросы связи топонимики, как и ономастики в целом, с диалектологией и лингвистической географией.⁹ В свое время еще С. Поп писал о «Бразильском атласе и ономастике».¹⁰

Однако проблема устной и письменной форм топонимов как источника для изучения лингвистических закономерностей на уровне литературного языка и диалектной речи до сих пор не была разработана. Чаше топонимы исследуются в плане изучения географических собственных имен как функциональной системы с учетом некоторых лексических и грамматических особенностей «географического термина и топонима». Таково, например, исследование Л. Б. Селезневой.¹¹

Материалы по изучению топонимов (в частности, их этимологии, расположения на карте и т. д.) широко используются для определения этнических движений и взаимодействий. Так, Э. Петрович рассматривает румынские топонимы славянского происхождения как один из источников изучения истории народа; наряду с топонимами автор в тех же целях исследует гидронимы и оронимы.¹²

Вопросы ономастики (прежде всего топонимии) широко изучаются на территории нашей страны и прежде всего в Сибири, в частности в Томском университете, в издательстве которого выходит серия сборников на тему «Языки и топонимия Сибири». Как писал А. П. Дульзон, эти сборники «содержат материалы и статьи с результатами исследований по языкам и топонимии сибирских народов и языков. Народы Сибири с древнейших времен связаны с народами Европы, что прослеживается по данным языков».¹³ В этом ключе написана статья В. Н. Поповой «К этимологии гидронима Иртыш». Автор делит наименование

на два компонента: Ир и тыш; из них *тыш* — результат адаптации *чис* на тюркской почве, в то время как *ир* возводится (со ссылкой на «Индогерманский этимологический словарь» Ю. Покорного) к древним индоевропейским языкам.¹⁴

Интерес к изучению топонимов, помимо ряда других факторов, обусловлен тем, что «топоним в сложившемся виде только маркирует объект и никакой другой семантики и экспрессии не содержит».¹⁵ Следует предположить, что это облегчает реконструкцию первоначальной семантики топонимов, т. е. семантики тех нарицательных имен, которые, как пишет автор, легли в основу образования топонима.¹⁶

Все сказанное подтверждает, что ономастика — это одна из комплексных наук, связанная с историей, этнографией и антропимией¹⁷ (ср. выше с определением М. Мюлон).

В предисловии к одному из сборников, изданных в Сибири, читаем: «...изучение топонимических названий ... помогает решить многие вопросы палеолингвистики и палеогеографии. Много топонимических загадок таят в себе географические названия территорий СССР, в том числе территории Западной и Восточной Сибири, сложных в историко-этнографическом отношении».¹⁸ Представляется, что один из путей для разгадки таких топонимических названий лежит через диалектологию.

В заключение подчеркнем, что топонимика как наука, связанная с лингвистическим пространством, имеет самое непосредственное отношение не только к диалектологии, но и к вопросам картографирования, т. е. лингвистической географии с дальнейшей ареальной интерпретацией полученных данных.¹⁹ Часто именно топонимы, особенно в двуязычных зонах, позволяют провести четкую границу между двумя лингвистическими зонами.²⁰

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ M ulon M. L'onomastique française: Bibliographie des travaux publiés jusq'u'en 1960. Paris. — La documentation française, 1977, p. X.

² N ikonov V. A. Toponymie et dialectologie. — Revue internationale d'Onomastique, 1961, N 3, p. 161.

³ Эти и последующие примеры заимствованы из: Atlas linguistique et ethnographique de l'Ile-de-France et de l'Orléanais / Par M.-R. Simoni-Aurembou, vol. I—II. Paris, 1974—1978.

⁴ См., например, об «ономастической грамматике» в кн.: «Ономастика и норма» (М., 1981) интересную статью: Граудина Л. К. Современная норма склонения топонимов: В сочетаниях с географическими терминами (с. 122—148). Что касается лексической семантики, то из наиболее системно упорядоченного отметим: Толстой Н. И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М., 1969. По вопросам графики см.: Lanher J. De la graphie "x" à l'initiale dans les toponymes des départements lorrains. — In: Mélanges J. Lanly, Nancy, 1980.

⁵ Отметим, однако, словарь: Lerond A. Dictionnaire de la prononciation. Paris, Larousse, 1980, в котором находим небольшое приложение географических названий с транскрипцией.

⁶ Языки и топонимия. Вып. 4 / Отв. ред. Э. Г. Беккер. Томск, 1977, с. 127.

⁷ Там же, с. 129.

⁸ См., напр.: Chaurand J. Toponymie et dialectologie: Les appellations du talus — limite entre deux champs dans l'est picard. — *Revue Internationale d'Onomastique*. Noms de lieu. — Noms de personne. Paris, 1976, с. 59—76 и др.

⁹ Actes du Colloque "Dialectologie et Onomastique" / Publiés par M. Mulon, P. Dumas, G. Taverdet. Dijon, 1980 (см., в частности: Verdier R. Dialekttoponymie, p. 195—201).

¹⁰ Actes du Vème Congrès International de Toponymie et d'Anthroponymie. Salamanca, 1938, p. 150—158.

¹¹ Селезнева Л. Б. Структура «географический термин — топоним» в русском языке. — В кн.: Вопросы ономастики, № 8-9. Свердловск, 1974, с. 107—114.

¹² Эти материалы собраны в посмертно изданном томе: Petrovici E. Studii de dialectologie și toponomie. București, 1970 (volum îngrijit de I. Pătruț, B. Kelemen, I. Marii).

¹³ Языки и топонимия Сибири. № 3 / Отв. ред. А. П. Дульзон. Томск, 1970, с. 2.

¹⁴ Там же, с. 16—17.

¹⁵ Симонов М. Д. Типология эвенкийских гидронимов Бурятии: На материале названий рек Баунтовского аймана. — В кн.: Ономастика Бурятии. Труды Бурятского Института общественных наук, Бурятский филиал Сибирского отделения АН СССР, вып. 26. Б. м., б. г., с. 16.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См. также: Малохеев М. Н. Топо-, этно- и антропонимические связи в ономастике. — Там же, с. 26—45.

¹⁸ Языки и топонимия, вып. 3 / Отв. ред. Э. Г. Беккер. Томск, 1976, с. 3—4.

¹⁹ Поспелов Е. М. Топонимика и картография. М., 1971, и, в частности, ареальные карты на с. 19, 90, 161, 178 и др.

²⁰ Borodina M. A. Quelques observations faites sur les relevés des lieux-dits du département de la Moselle. — *Revue Internationale d'onomastique*, 1965, N 2, p. 147—150 (анализ микротопонимов по материалам: Tous-saint M. La frontière linguistique en Lorraine. Paris, 1955).

Р. А. БУДАГОВ

РОМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ КАК ЕДИНАЯ НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

В наше время филология все больше распадается на ряд отдельных наук: языкознание, литературоведение, историю культуры. Лингвисты нередко перестают считать себя филологами, а литературоведы иногда мало интересуются языковедческими проблемами. Об этом нельзя не сожалеть. Мы живем в эпоху взаимодействия наук, в эпоху, которая, казалось бы, должна сближать разные науки и тем более не допускать раскола некогда единой науки.

В свое время романская филология возникла как комплексная дисциплина, в одинаковой степени опирающаяся и на языкознание, и на литературоведение, и на историю культуры в широком смысле. Если здесь не обращаться к истории романской филологии в средние века и в эпоху Возрождения, если начать

ее историю со времени возникновения сравнительно-исторического метода во втором десятилетии прошлого столетия, то романская филология уже в ту эпоху выступила как комплексная дисциплина. Один из ее основателей Фридрих Диц (1794—1876) оставил нам не только ряд капитальных лингвистических работ, но и ряд литературоведческих исследований, в частности посвященных поэзии провансальских трубадуров. В русской и позднее в советской романистике таким же комплексным характером отличались разыскания академика А. Н. Веселовского (1838—1906) и академика В. Ф. Шишмарева (1875—1957). В отличной монографии А. А. Касаткина «Очерки по истории литературного итальянского языка XVIII—XX веков» (Л., 1976) сделана удачная попытка продолжить эту филологическую традицию: история итальянского литературного языка здесь рассматривается на широком фоне истории итальянской культуры.

Сам материал романских языков поддерживает тех ученых, которые стремятся к комплексному изучению филологических проблем. Дело в том, что в истории романских культур история их языков всегда была связана с историей их же художественной литературы, историей письменности, историей науки. Подобная взаимосвязь особенно характерна для становления итальянского языка: только после политического объединения Италии в 1861 г. создаются предпосылки и для создания ее общенационального языка. Историк итальянского языка должен быть и историком страны, ее культуры и литературы. То же следует сказать и об истории таких языков, как французский и провансальский, испанский и португальский, румынский и молдавский.

Но вот «чисто синхронное» изучение этих же языков как будто бы осложняет сам подход к анализу материала. Уже давно раздаются голоса в защиту тезиса, согласно которому при синхронном изучении языков лингвистике гораздо важнее находиться в сфере физико-математических наук, чем в сфере наук гуманитарных. За последние двадцать лет так ставится вопрос не только за рубежом, но нередко и среди советских исследователей. Прямое соприкосновение языкознания с математикой действительно возможно при освещении некоторых проблем инженерной лингвистики, при разработке системы искусственных языков, так называемых кодов. Но при этом недопустимо забывать, что естественные языки человечества в отличие от кодовых построений являются «продуктом» развития культуры каждого народа, говорящего на данном языке. История отдельных языков неотделима от истории самих народов, создавших эти языки. Поэтому языкознание было и остается прежде всего социальной и исторической наукой. Показательно, что даже в такой области, как этимология и этимологические разыскания, где, казалось бы, все может быть определено простыми формулами типа «старое значение — новое значение», составители всех лучших

этимологических словарей романских языков говорят о своем желании и стремлении не ограничиваться формулами, а создать историю слов в связи с историей культуры. Только такие словари признаются словарями значительными и интересными не только для специалистов, но и для всех ценителей соответствующих языков.¹

Говоря о взаимодействии разных наук, надо помнить, что речь должна идти не только о влиянии физико-математических наук на науки гуманитарные, но и о воздействии этих последних на такие дисциплины, как, например, математика, биология, статистика.

В свое время один из учеников Ч. Дарвина Э. Геккель (1834—1919) учился у лингвиста А. Шлейхера (1821—1868) тому, как следует понимать родство народов по аналогии с родством языков. В свою очередь Шлейхер стремился понять теорию Дарвина для обоснования своего истолкования родства языков.² И хотя Шлейхер, как и Геккель, переоценивал биологическое «начало» в языке и недооценивал «начало» социальное, сам факт внимания естествоиспытателя к лингвистическим разысканиям свидетельствует о возможности не только одностороннего влияния одной науки на другую, но и об их взаимодействии. Подобное взаимодействие усиливается и становится более разнообразным в наше время.

Что же касается филологии, то за последнюю четверть века она, как только что было отмечено, все больше распадается на отдельные части и прежде всего на языкознание и литературоведение. Между тем такие области литературоведения, как, например, поэтика и язык писателей, невозможно изучать без серьезного интереса к лингвистике, в частности, к вопросам семантики, фразеологии, стилистики, теории и истории литературных языков. В свою очередь, и лингвист не скажет ничего значительного, если он будет истолковывать язык художественной литературы, опираясь лишь на статистические подсчеты, не разобравшись в литературных дебатах эпохи, в ее художественной культуре.

Романская филология во всем мире и особенно в нашей стране имеет богатые традиции, дающие возможность рассматривать ее как *целостную научную дисциплину*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Corominas J. y Pascual J. Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico. Madrid, t. I, 1980, p. XIII.

² Koerner K. Positivism in linguistics. — Sprachwissenschaft, Heidelberg, 1982, N 3/4, S. 366—370.

КАПУАНА И БОККАЧЧО

Очевидно, сама постановка вопроса может вызвать удивление: что общего у автора прославленного «Декамерона» и писателя-вериста, вступившего на литературное поприще почти пять веков спустя, когда перед Италией стояли другие общественные и художественные задачи? Но проблема творческих связей необычайно многогранна, и обращение к прошлому, особенно к далекому прошлому, всегда подготовлено условиями общественной и литературной борьбы, которая и определяет выбор ориентации.

Чем мог привлечь Боккаччо теоретика итальянского веризма Луиджи Капуану? Случайно ли мы ставим их имена рядом? Чтобы решить эту проблему, нужно обратиться к литературной жизни Италии 70-х годов XIX в., когда итальянцы только что вышли из бурь национально-освободительной борьбы и приступили к созданию новой Италии. На очередь дня встал вопрос о современном искусстве. Исторический роман, господствовавший в эпоху Рисорджименто, не мог отразить новое содержание, и ему на смену приходит роман из современной жизни. Капуана считал роман самой жизнеспособной формой нового искусства, «настоящим эпосом, единственно возможной эпопеей современного мира» и пытался найти его истоки уже в литературе Возрождения.

Реалистическое искусство итальянских новеллистов, тесно связанное с жизнью и народным творчеством, не случайно привлекло к себе внимание веристов. Среди писателей Возрождения Капуана выделил два имени: Джованни Боккаччо и Франко Саккетти, искусство которых оказалось особенно близким веристам, потому что Боккаччо и Саккетти «жили всеми интересами своего времени» и современная им действительность нашла в их новеллах яркое отражение. Капуана особо подчеркивает непосредственную манеру изображения жизни, простоту и естественность и призывает своих современников ориентироваться на Боккаччо, Саккетти и даже на их «менее мужественных» последователей.¹

Острое чувство действительности и точное изображение жизни у Боккаччо, Саккетти и других новеллистов Возрождения были в представлении Капуаны теми реалистическими традициями, на которые могли опереться веристы.

В силу специфически сложившихся исторических условий Рисорджименто в Италии завершилось сравнительно поздно. В то время как за ее пределами, особенно во Франции, уже давно процветал роман нравов, в Италии не было прочных традиций в изображении современной жизни, поэтому веристы обратились к творчеству Бальзака, Флобера, Гонкуров и особенно Золя. Однако веристам нужно было доказать свою преемствен-

ность в области итальянской культуры, тем более, что многие критики в Италии и за рубежом считали их всего лишь подражателями французских романистов.

Изучая историю итальянского романа, Капуана стремится проследить его эволюцию от некоего «праотца» до современных форм. Таким «праотцом» он считает «Декамерон», в котором «все ростки современного искусства готовы были распуститьсь», поэтому в новеллах Боккаччо можно найти удивительные совпадения с романами Бальзака, Флобера, Золя, следует только иметь в виду: «различие между организмом, начинающим развиваться, и организмом, почти достигшим своего полного развития».²

Ошибочно распространяя понятие «организм» на художественное произведение, Капуана понимает развитие искусства как эволюцию эстетических форм (жанров), которая происходит якобы по аналогии с живыми организмами. «Художественные формы, — говорит Капуана, — почти идентичны формам живой природы и не являются случайными. . . Они развиваются согласно логической необходимости, достигают своего полного расцвета, приходят в упадок и отмирают».³

Роман нравов — это та форма, тот живой организм, который способен всесторонне отразить современную итальянскую действительность. «Декамерон», с этой точки зрения, — не только замечательный памятник и «чудо» искусства Возрождения, но и «праотец» веристского романа.

Следующий этап в развитии романа нравов в Италии Капуана связывает с «Обрученными» Мандзони. Так наметилась четкая реалистическая традиция: от Боккаччо и новеллистов Возрождения к Мандзони, а от него непосредственно к веристам.

Итальянский веризм начался с очерка и зарисовки с натуры. Это был жанр, заимствованный из живописи второй половины XIX в. и получивший в Италии название «бодзетто». Веристские «бодзетти» не были похожи на новеллы Возрождения, они родились из других устремлений и преследовали иные задачи. В таких очерках и зарисовках обычно в сжатой форме, как бы в виде картины, изображалось частное событие, описывались местные традиции или давалась психологическая зарисовка нравов. Это, по выражению веристов, были «ломти» (pezzi) действительности, заключающие в себе реальные факты и «человеческие документы», что сближало их с новеллами Возрождения, в которых реальная жизнь была ключом. В области жанра веристы тоже считали себя продолжателями Боккаччо и Саккетти, особенно их народных новелл.

Следуя примеру Боккаччо, Капуана называет свой сборник «Маленький Декамерон» ("Il Decameroncino", 1901). Он состоит всего из десяти новелл, вступления и заключения. Опираясь на традиции Возрождения, Капуана выступает новатором в области итальянской новеллы конца XIX — начала XX в., сделав ее

выразительницей новых общественных и эстетических идеалов. Рассказчиком в «Маленьком Декамероне» выступает некий доктор, повествующий в кругу друзей о странных, смешных и даже патологических случаях, свидетелем которых он был. Фигура врача, как и занятия медициной, была популярна в итальянской литературе второй половины XIX в. «Растрепанные» (И. У. Таркетти, А. Бойто, К. Досси и др.) связывали с профессией врача нечто загадочное и страшное, но уже Верга в ранних романах (1860—1870) освободил образ медика от этого ореола.

В своих новеллах Капуана также уделяет внимание медицинским и научным проблемам. Доктор Маджоли называет свои рассказы «говорящими воспоминаниями» и утверждает, что, опубликованные, они станут ценными документами для ученых разных специальностей. Капуана как будто разрабатывает тему с научных позиций, но цель его рассказов — рассмешить, озадачить или поразить, поэтому «научный» элемент сочетается в них с большой долей иронии и юмора.

Можно ли с помощью науки создать живого человека, например, совершенную женщину? Оказывается, можно, потому что в атмосфере рассеяны гранулы или атомы, заключающие жизнь. «Нужно только поймать один из этих атомов, подчинить его своей воле, поместить в инкубатор, а затем извлечь из него живое существо...»⁴ Друг доктора, изучавший 7 лет премудрости йогов и тибетскую магию, так и поступает, а доктор наблюдает процесс создания совершенной женщины. Однако все чувства в ней оказываются доведенными до крайности, и жить с ней невыносимо, поэтому друг доктора снова превращает ее в атом, а сам уходит в монастырь, где размышляет над несостоятельностью науки («Сотворение»).

Не менее печальный конец ожидает и американского химика, поставившего своей целью открыть новые средства для роста волос и белизны зубов, — ведь волосы и зубы в основе своей состоят из одного химического вещества. Лозунг молодого ученого «найти или умереть» оборачивается против него самого: он действительно открывает новые средства, но его невеста в спешке путает их, и у нее вместо волос начинают чудовищно расти зубы. От этой неудачи незадачливый химик теряет рассудок («Пари»).

Каковы возможности науки? Можно ли, например, с ее помощью проникнуть в тайну любви? Можно, отвечает доктор, нужно только изобрести «эросметр». Так и поступает один влюбленный, который хочет узнать, таким же пылом отличаются чувства его любимой, как и ее слова, или нет. Он прикладывает к ее руке «эросметр» в виде изящного браслета и узнает, что она ровно ничего к нему не испытывает. И тогда он принимает единственно правильное, с его точки зрения, решение — верит в любовь именно потому, что она абсурдна («Эросметр»).

До каких границ распространяется право ученого на наблюдение и эксперимент? И не граничит ли подчас эксперимент с преступлением? Молодой врач, стремясь решить проблему: предполагает ли физическое сходство индивидуумов их духовное родство, ставит опыт с молодой девушкой, как две капли воды похожей на его жену. Жена до замужества, испытывав разочарование в любви, пыталась отравиться, но была спасена. Врач убежден, что девушка в сходных условиях должна вести себя так же. С этой целью он влюбляет ее в себя, а затем покидает, однако Лидия предпочитает пистолет яду, и врач не успевает ее спасти. Девушка погибла, а врач умер своей естественной смертью ("In anima vili").⁵

Капуану интересует не столько психология, сколько определенное душевное состояние персонажей, которое является следствием того или иного непредвиденного случая или обстоятельства; и даже тогда, когда он описывает движение человеческой души как будто серьезно, в рассказе присутствует ирония. Молодой поэт сходит с ума не из-за неразделенной любви или непонимания окружающих, а потому, что не может найти «редкое живописное, неожиданное и всеобъемлющее прилагательное», которого недостает его «Хроматической идиллии» («Прилагательное»). А философ, прошедший через все жизненные невзгоды и открывший закон долголетия — «несчастья закаляют», — вдруг выигрывает крупную сумму и умирает («Счастливый человек»).

Капуана иронизирует не только над учеными, философами, врачами, но и над своими коллегами по перу, также стремившимися проникнуть в тайны природы и человеческого организма, психики и души. Доктор Маджоли рассказывает, как однажды он решил написать новеллу в веристском духе, пользуясь методом наблюдения. Строго следуя этому методу, он начинает подробно описывать любовь двух молодых людей, своих соседей по дому, но не может закончить рассказ, потому что молодой человек не решается сделать девушке предложение. Доктору приходится вмешаться в действие; и после неприятных объяснений он отказывается продолжать свою новеллу, а рукопись запирает в чемодан. Но созданные его воображением образы двух влюбленных обрели жизнь. Являясь к автору во сне, они будят его и требуют продолжить их историю — они не хотят оставаться навсегда только влюбленными. Доктор «видит» их и «слышит» их разговор, словно они уже получили художественное воплощение, обрели плоть и кровь. Чтобы избавиться от наваждения, он достает из чемодана незаконченную рукопись и дописывает заключение: Джулио умирает от плеврита, горе и горячка сводят в могилу Эрнесту, и доктор с облегчением ставит слово «конец».

Закончив «Маленький Декамерон» этим любопытным психологическим казусом, Капуана утверждал новое содержание веристской новеллы на рубеже XIX—XX вв. То, что для Капуаны

так и осталось необычным случаем, в итальянской литературе XX в. приобрело смысл нового эстетического принципа, получившего широкое распространение.

Итак, обращение Капуаны к творческому наследию Боккаччо не было случайным. Несмотря на столетия, разделяющие двух писателей, их сближало то, что оба принадлежали ко времени больших общественных и культурных сдвигов, оба были инициаторами новых направлений в итальянской литературе. Капуана подхватил и развил реалистические традиции, заложенные Боккаччо на заре развития гуманизма, утвердив основы демократической литературы, какой не знала Италия со времен Возрождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Capuana L. A Neera. — In: Capuana L. Giacinta. 3 ed. riveduta con prefazione dell'autore. Catania, 1889, p. VIII.

² Capuana L. Studi sulla letteratura contemporanea, 2 ser. Catania, 1882, p. 137.

³ Sportelli L. Luigi Capuana a G. A. Cesareo (1882—1914): Note autobiografiche spedite il 17 febbraio 1884 a Cesareo. — In: Carteggio inedito posseduto dalla Biblioteca Nazionale di Palermo. 1950, p. 39; Володина И. П. Луиджи Капуана и литературная теория веризма (1860—1880). Л., 1975, с. 43—46.

⁴ Capuana L. Il Decameroncino. Catania, 1901, p. 69.

⁵ На живом (подопытном) существе (лат.).

Е. Д. ПАНФИЛОВ

ОБ ОДНОЙ ФОНОТАКТИЧЕСКОЙ ПРИЧИНЕ ЗВУКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

В словоформах классической латыни на стыке слогов встречаются 72 различные пары согласных. В 12 случаях до и после межслоговой границы располагаются *одинаковые* согласные: 1. gib/ber 'горб', 2. buc/ca 'щека', 3. red/do 'отдаю', 4. dif/ficilis 'трудный', 5. sug/gero 'подношу', 6. col/lum 'шея', 7. sum/mus 'верхний', 8. an/pus 'год', 9. rip/pis 'корма', 10. ter/ra 'суша', 11. es/se 'быть', 12. mit/tere 'кидать'. Оставшиеся 60 пар, каждая из которых состоит из *разных* согласных, распадаются на две группы по признаку обратимости/необратимости. 12 стыков являются обратимыми. Ср. 1. sub/do 'подкладываю' и 2. ad/bibo 'рыпываю (до конца)'; 3. [dīk/sī] dixi 'я сказал' и 4. es/ca 'пища, корм'; 5. inf/ra 'внизу' и 6. per/forare 'просверлить'; 7. am/bo 'оба' и 8. ob/mutesco 'немеею'; 9. pin/gere 'рисовать' и 10. lig/nim 'древесина'; 11. ip/se 'сам' и 12. ves/per 'вечер'. 48 стыков, т. е. 80% от 60, необратимы. Это значит, что если, например, имеется ...г/s... (ср. ver/sus 'борозда'), то невозможно найти ни одной словоформы, в которой встретился бы

стык *...s/r...; есть стык ...n/k... (ср. *vin/сеге* 'побеждать'), но нет *...k/n...; есть ...n/f... (ср. *in/fans* 'ребенок'), но нет стыка *...f/n... и т. д.

Необратимость подавляющего большинства межслоговых стыков была довольно устойчивой фонотактической закономерностью, о чем свидетельствуют данные исторической фонетики как латинского, так и романских языков. Когда в поздней латыни из-за синкопы возникала «опасность» появления неприемлемого стыка, вторичная группа согласных, как правило, перестраивалась. Иногда перестройка производилась различными способами на разных территориях, иногда сходным образом. Покажу это на примере стыков, в которых участвовали сонанты *r*, *l*, *m* и *n*:

	<i>r</i>	<i>l</i>	<i>m</i>	<i>n</i>
<i>r</i>		+	+	+
<i>l</i>			+	+
<i>m</i>				+
<i>n</i>				

Знаком + (плюс) в таблице отмечены допустимые стыки двух разных сонантов. Ср. 1. *per/lucere* 'светиться', 2. *ar/ma* 'оружие', 3. *ser/perere* 'различать', 4. *cul/men* 'вершина', 5. *vul/nus* 'рана', 6. *om/nis* 'все'. «Перевернутые» стыки **l/r*, **m/r*, **n/r*, **m/l*, **n/l* и **n/m* были под запретом.

Появление аномального стыка **l/r*, который мог бы возникнуть после редукции заударного [ĕ] в инфинитиве *mòlere* 'молоть', было предотвращено с помощью эпентетического [d] в катал. *mol/dre* и фр. *mou/dre* (из ст.-фр. *mol/dre*). Ср. еще лат. *còlere* 'чтить, почитать' > катал. *col/dre*; вульг.-лат. *dòlere* (лат. *dolĕre* 'болеть') > катал. *dol/dre*. Известны также многочисленные примеры появления эпентетического [d] между [l] и [r] в глагольных формах будущего времени и кондиционала романских языков. Ср. исп. *val/dré*, *val/dría* (*valer* 'стоять'), *sal/dré*, *sal/dría* (*salir* 'выходить'), фр. *je vou/drai*, *je vou/drais* (*vouloir* 'хотеть').

Неприемлемый стык **l/r* устранялся также с помощью замены его на допустимый стык *r/r*. Ср. ит. *vor/gò*, *vor/rèi* (*volere* 'хотеть').

Одним из способов избавиться от нежелательного стыка была метатеза. Так, лат. *colorare* 'окрашивать' после выпадения

ния предупредного [ö] превратилось в испанском языке не в *col/gar, а в сог/lar 'золотить'.

Между сонантами [m] и [r] появлялось вставное [b], которое устраняло аномальный стык *m/g. Ср. лат. *humerus* 'плечо' > исп. *hom/bro*, порт. *hom/bro*; лат. *humerus* > катал. *pom/bre*, фр. *pom/bre*, ст.-пров. *pom/bre*; лат. *camega* > фр. *cham/bre*. Во всех этих случаях создавался привычный стык ...m/b..., как, например, в лат. *tem/bra* 'кожица'.

Выпадение заударного [ë] в инфинитиве *ronere* 'класть' должно было бы привести к возникновению стыка *...n/g..., который в латинских словах никогда не встречался. Этот нежелательный стык был устранен в одном случае заменой его на допустимый стык ...r/g... (ср. ит. *por/ge*), в другом случае — заменой его на тоже допустимый стык ...n/d..., который получался в результате вставки /d/ между компонентами аномального *...n/g... (ср. фр. *pon/dre* 'откладывать яйца, нестись'). На испанской почве неприемлемый стык *...n/g... устранялся нередко с помощью метатезы. Ср. лат. *tenerum* 'нежный' (вин. пад.) > исп. *tier/no*; лат. *Veneris* (dies) 'день Венеры' > исп. *vier/nes* 'пятница'; лат. *gènerum* 'зятя' (вин. пад.) > исп. *yeg/no*. Исполнялась и эпентеза согласного [d]: лат. *honora* 'почитать, уважать' > ст.-исп. *on/drag*. Современная форма испанского инфинитива *honar* не свидетельствует о том, будто стык *...n/g... сделался приемлемым. Слово произносится [onr:àr], где вторым компонентом межслогового стыка выступает не [r], а [r:], т. е. другая фонема, которая встречается только в начале слова, а в середине слова — исключительно после [n]. Фр. *genre* является, как известно, «ученым словом» (лат. *genus, generis* 'вид, разновидность'). О направленности фонетической эволюции «народных слов» говорят: лат. *gènerum* > фр. *gen/dre* 'зять', ст.-пров. *gen/dre*, катал. *gen/dre*; лат. *tenerum* > фр. *ten/dre* 'нежный', катал. *ten/dre*; лат. *cinerem* 'пепел' (вин. пад.) > фр. *cen/dre*, катал. *cen/dra*, энгадинск. *cen/dra*. Ср. также многочисленные и хорошо известные примеры эпентезы [d] в формах будущего времени и кондиционала испанского и французского языков: *tendré, tendría* (tener 'иметь'), *je tiendrai, je tiendrais* (tenir 'держат') и др.

Вторичная группа согласных ...m'l... замещалась, как правило, интерлюдией ...m/bl..., что и создавало нормальный стык ...m/b... Ср. лат. *simulāre* 'походить, казаться' > ст.-пров. *sem/blar*, катал. *sem/blar*, фр. *sem/bler*; лат. *tremulāre* 'дрожать' > фр. *trem/bler*, исп. *tem/blar*; лат. *tumulum* 'холм' (вин. пад.) > ст.-фр. *tom/ble* 'могила'. Отмечу также замену ...m'l... группой согласных ...m/bg... Так, лат. *cumulum* 'куча, верх' (вин. пад.) продолжается в порт. *com/bro* (при фр. *com/ble*).

Неприемлемый стык *...n/l... был предотвращен с помощью эпентезы [g] во фр. *épin/gle* 'булавка' < лат. *spinula*

‘колючка’. Другие примеры мне неизвестны. Возможно, их и нет из-за малой распространенности именных образований с одиночным уменьшительным суффиксом -*ül-*. Как известно, в разговорной форме латинского языка -*ül-* широко употреблялся в сочетании с предшествующим ему суффиксом -*is-* (ср. *sol-is-ül-us* ‘солнышко’, *ar-is-ül-a* ‘пчелка’ и др.).

Аномальный стык *...*n/m*... устранялся уже и на латинской почве, если справедливо предположение этимологов о происхождении *can*теп ‘песня’ и *ger*теп ‘зародыш’ из соответственно *can*+теп и *ger*+теп. Устранение этого стыка наблюдается и в ходе становления романских языков. Так, лат. *anima* ‘душа’ после выпадения заударного [i] стало звучать в испанском языке не **an/ma*, а *al/ma*. Ср. ст.-ит. *al/ma* и *ar/ma*, ст.-фр. *al/me* и *ar/me*, ст.-пров. *ar/ma*, совр. фр. *â/me*. В вельотском зарегистрирована форма *uam/na*, в которой нежелательный стык был устранен с помощью перестановки согласных.

Описанные звуковые изменения не могут быть подведены под категорию регулярных. Применительно к рассмотренным примерам неверно было бы утверждать, что такой-то согласный в таком-то языке в такой-то позиции всякий раз непременно переходил в такой-то другой звук. Здесь мы наблюдаем не регулярные звукопереходы, а разовые замены, вставки и перестановки звуков. Вместе с тем описанные изменения совершались отнюдь не хаотическим образом. Одним из мотивов их было интуитивное неприятие говорящими «запрещенных» межслоговых стыков.

Разумеется, набор допустимых и набор «запрещенных» стыков не является чем-то раз и навсегда данным. Важно лишь подчеркнуть, что закономерности фонотактического характера могут иметь силу на протяжении весьма длительного периода развития языков.

В заключение остановлюсь еще на одном виде нерегулярного фонетического изменения. Проф. И. М. Тронский писал, что «в латинском языке есть синкопированные слова, но нет законов синкопы».¹ То же, по-видимому, справедливо и применительно к романским языкам. Обратившись снова к уже рассмотренным примерам, увидим, что заударный или предударный срединный гласный мог и не выпадать, так что словоформа развивалась без синкопы. Например, в логудорском диалекте сардского языка употребляется форма *mòlere* ‘молоть’, которая по числу слогов не отличается от лат. *mòlere*. Исп. *molér* и порт. *моег* не утратили гласный [e] в связи с новой акцентуацией по образцу глаголов второго латинского спряжения. Рум. *umăr* и ит. *omeго* продолжают лат. *humerus* ‘плечо’ без синкопы. Ср. еще рум. *vineri* и ит. *venerdi* ‘пятница’ < лат. *Veneris* (*dies*); логуд. *tenneru*, ит. *tenero*, рум. *tinăr* < лат. *tenerum* ‘нежный’. Ст.-пров. *comol* продолжает лат. *simul*um ‘верх’. Здесь не было синкопы, нет и эпентетического

/b/. Ср. еще ит. tremolare, катал. tremolar, логуд. tremulare, фриульск. trimulá < лат. tremulare 'дрожать'. По-видимому, «отказ» от синкопы — это еще один способ предотвратить появление «запрещенного» межслогового стыка.

Резюмируя сказанное выше, следует подчеркнуть, что *одна и та же* фонотактическая причина (разделение стыков на допустимые и неприемлемые) вызывала к жизни такие *разно-родные* звуковые изменения, как эпентеза, метатеза и ассимиляция.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.; Л., 1953, с. 173.

ИТАЛЬЯНСКИЙ И РУМЫНСКИЙ ЯЗЫКИ

Э. Я. КУШКИНА

ИЗ ИСТОРИИ ИТАЛЬЯНСКИХ НАРЕЧИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ «НИКОГДА» (XII—XIV вв.)

История итальянского языка дает ряд примеров образования новых по сравнению с латинскими способов выражения. Среди них — наречие *mai* со значением 'никогда'. Его этимолоном явилось латинское наречие *magis* 'больше; скорее, вернее; сильнее', однако между итальянским *mai* 'никогда' и латинским *magis* не удастся обнаружить непосредственной семантической связи. Возникает вопрос: когда и каким образом наречие *mai* приобрело новое по сравнению с его латинским этимолоном значение? Поиску ответа на этот вопрос и посвящена настоящая статья.¹ Материалом для исследования послужили раннеитальянские тексты XII—XIV вв.²

В латинском языке значение 'никогда' передавалось с помощью наречия *unquam* (в отрицательном предложении) и его производного *punquam* (*pumquam*). Раннеитальянские тексты дают примеры использования в этом значении наречия, восходящего к латинскому *unquam*: *unqua* (варианты: *unque*, *unsa* и др.): ...*homo ki fame unqua non sente non è sitiente* (Monaci, 19). Вместе с тем в текстах того же периода со значением 'никогда' употребляется наречие *già*³ (варианты: *ia*, *ja*, *ça*, *zà*): ...*trei esperit fei Deus: l'un (...) no morrà ja, zo est l'angel; L'autre si est hom qui est (...) mortal* (Monaci, 13); *L'apostolico de Roma non à quella ventura, ca no lo defendrà nè sorte nè agura. Nè la cristinitad c'à tuta en soa rancura, Mai qig serà biadhi c'à vivre con misura* (Monaci, 112).

Итальянское *già* в значении 'никогда' восходит к латинскому наречию *jā* в отрицательном предложении: *уже не, больше не*. Судя по словарям, значения 'никогда' латинский этимон не имел. В исследованных текстах *già* в этом значении чаще всего встречается в сочетании с глаголом в будущем

времени (см. приведенные выше примеры).⁴ Это наблюдение наводит на мысль о том, что возникновение значения 'никогда' у наречия *già* < *jam* было контекстуально обусловлено: действительно, будущее время⁵ относится к таким глагольным формам, которые представляют действие глобально, не фиксируя внимания на его протяженности во временной перспективе. Таким образом, если какое-то действие *уже/больше не* будет совершаться, то оно не будет совершаться *никогда*. Можно предположить, следовательно, что контекст, содержащий глагол в будущем времени, и явился той средой, в которой наречие *già* (а вероятнее всего еще *jam* в латыни) получило новое для него значение.

Третий способ передачи значения 'никогда' в раннеитальянских текстах представлен сочетанием *già mai* (варианты: *giamai*, *giammai*, *ia mai*, *jamai*, *zamai* и др.): *Piango per usagio Giamai no rideragio Mentre non vederagio Lo vostro bello visagio* (Monaci, 49); (...) *quelor ke ne bevrà Çamai no à morir, nè seo plui no avrà* (Pazzaglia, 135).

Mai (<лат. *magis* 'больше') в таких случаях, очевидно, усиливает значение, выраженное с помощью наречия *già*. Использование *mai* в качестве своеобразной усилительной частицы вообще характерно для итальянского языка, начиная с ранних его памятников и до настоящего времени.⁶ Изученные раннеитальянские тексты дали примеры на сочетания типа *sempremai* 'всегда', *quale dia mai* 'когда, в какой день' и т. п. В современном итальянском языке сочетания *come mai*? 'как так?', *perchè mai*? 'почему же?', *quando mai*? 'когда же?' и др. являются довольно употребительными.

Из трех рассмотренных способов передачи значения 'никогда', встречающихся в текстах XII—XIV вв., в современном языке не осталось, по существу, ни одного: *unqua* и *già* выходят из употребления к концу изучаемого периода (в исследованных нами текстах XV в. они не засвидетельствованы); *già mai* (в форме *giammai*) сохранилось примерно до начала нашего века и в современном языке практически не употребляется.⁷

Помимо трех названных способов выражения в раннеитальянских текстах широко используется в значении 'никогда' наречие *mai*, сохранившееся в современном языке, по существу, как единственно возможный способ передачи этого значения: *A Cayphas àn menà Jehsu Crist Chi may peccà non fis nè dis* (Altital., 17); ...*mai pari letizia non fu alla sua* (Pazzaglia, 567).

По употребительности *mai* уже в старых текстах намного превосходит все другие способы передачи значения 'никогда'.

Представленное выше положение вещей в языке итальянских текстов XII—XIV вв. с учетом перспективы дальнейшего

развития позволяет высказать ряд предположений относительно «механизма» становления итальянского наречия *mai* 'никогда' и соотносительной хронологии отдельных этапов этого процесса.

Поскольку в изучаемый период истории языка *mai* употребляется наряду с другими наречиями в значении 'никогда', в том числе с *inqua* < лат. *inquam*, можно констатировать, что «затухание» *inqua* и закрепление *mai* — процессы, протекавшие параллельно. Вместе с тем тот факт, что по употребительности уже в этот ранний период *mai* значительно превосходит *inqua* (в соотношении примерно 15 : 1), позволяет предположить, что либо эти процессы развивались разными темпами (становление *mai* шло быстрее, чем исчезновение *inqua*), либо один из них (становление *mai*) начался раньше другого. Ответ на вопрос о том, являются ли эти процессы чисто итальянскими (романскими⁸), или их истоки следует искать в латыни, может быть получен при исследовании памятников разговорного латинского языка.

Последовательность семантических переходов могла быть следующей: в отрицательном предложении латинское наречие *jam* 'уже не', 'больше не' в сочетании с будущим действием приобретало значение 'уже/больше никогда' > 'никогда'. Итальянский язык унаследовал в наречии *già* это новое значение (наряду с исконными 'уже не', 'больше не'). Во все периоды своей истории итальянский язык обнаруживает стремление к усилению наречий своеобразной частицей *mai*. Этой частицей было усилено и наречие *già* в значении 'никогда'. Последним этапом развития явился переход значения 'никогда' на послед-

нюю (ударную) часть слова: $\text{giamaï} \rightarrow \text{mai}$. Таким образом, становление наречия *mai* 'никогда' происходило в три этапа:

1. лат. *jam* → ит. *già*; 2. *già* + *mai* → *giamaï*; 3. $\text{giamaï} \rightarrow \text{mai}$.

На основании изученных фактов можно предположить, что этимологические связи итальянского наречия *mai* 'никогда' с латинским *magis* являются чисто «материальными», а не семантическими и что значение 'никогда' у наречия *mai* должно рассматриваться как семантическая инновация, возникшая, вероятнее всего, на итальянской почве.

Хотя в ранние периоды истории итальянского языка сосуществуют четыре способа передачи значения 'никогда' (*inqua*, *già*, *giamaï*, *mai*), они обнаруживают разную употребительность, а судя по дальнейшей перспективе, и разный результат исторического развития. Проведенное исследование позволяет выстроить следующую ретроспективно-перспективную схему соотносительной хронологии развития четырех названных наречий со значением 'никогда':

Латинский язык	Итальянский язык		
	XII—XIV вв.	XIX в.	XX в.
unquam (исконное значение)	unqua	—	—
jam (приобретенное значение)	già	—	—
	giammai ⁹ mai	giammai mai	— mai

СОКРАЩЕНИЯ

Altital. — Savj - Lopez P., Bartoli M. Altitalienische Chrestomathie. Strassburg, 1903.

Pazzaglia — Pazzaglia M. Gli autori della letteratura italiana, vol. 1. Bologna, 1967.

Monaci — Monaci E. Crestomazia italiana dei primi secoli. Città di Castello, 1912.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Насколько нам известно, этот вопрос в итальянистике специально не изучался. Г. Рольфс приводит несколько примеров с наречием mai 'никогда' из раннеитальянских текстов, не касаясь механизма становления mai в этом значении (Rohlf's G. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti, vol. III. Sintassi e formazione delle parole. Torino, 1969, p. 278).

² Тексты данного периода носят «местный региональный характер ("вообще итальянских" памятников этой поры не существует)», однако они уже «свидетельствуют о наличии нормативных тенденций» (Касаткин А. А. Очерки истории литературного итальянского языка XVIII—XX вв. Л., 1976, с. 7). Следовательно, они дают возможность судить об истоках современных способов языкового выражения.

³ Ср. высказанное вскользь замечание Г. Рольфса о том, что в некоторых контекстах già «приближается в своем значении к mai» (Rohlf's G. Op. cit., p. 277).

⁴ Ср. со старофранцузским языком, где наречие ja <лат. jam в значении 'никогда' до XIII в. употреблялось исключительно с будущим временем (La Chanson de Roland, publiée d'après le manuscrit d'Oxford et traduite par J. Bédier. Paris, 1928. Glossaire, 408).

⁵ См., напр.: Klum A. Verbe et adverb. Uppsala, 1961, p. 61, 70—78.

⁶ По этому вопросу см., напр.: Fochi F. L'italiano facile. Guida allo scrivere e al parlare. Milano, 1966, p. 222.

⁷ Ibid. — По свидетельству информантов, в современном языке giammai может употребляться лишь в стилистических целях. Наша выборка из текстов XX в. примеров на giammai не дала.

⁸ Ср. фр. jamais (старофр. ja mais), а также исп. jamás и порт. jamais, существующие параллельно с nunca.

⁹ Сочетание jam tamis возникло, возможно, еще в разговорной латыни, поскольку его рефлексы существуют также и в других романских языках. Однако с полной определенностью это можно будет сказать лишь после изучения латинского материала и данных истории других романских языков (в частности, французского).

КОМПРЕССИЯ ГЛАСНЫХ В ИТАЛЬЯНСКИХ
ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ XIV—XIX вв.

Для поэтических текстов всех периодов истории итальянского языка характерны слияние гласных на стыке слов, элизия и усечение. Эти явления представляют собой не что иное, как ярко выраженную компрессию звуковой формы слова. Примеры стяжения гласных на словесной границе можно встретить у поэтов «Нового сладостного стиля»:

Amor, ch'a nullo amato amar perdona (Dante, 103);

Ma ben veggio or si come al popol tutto (Petrarca, Sonetto 1).

Данте избегает многосложных слов с ударением на третьем от конца слогe (*parole sdrucciole*), используя их сжатые варианты: *medesmo*, *battesmo*, *carco*. Мы видим у него синкопированные формы *santà*, *infertà* и т. п. В поэтических произведениях «золотого века» (XIV в.) были употребительны слова *contendre*, *vendre*, *apprendre*, *intendre*, характерные для диалектов западных областей и не чуждые, по-видимому, также флорентийскому.¹

Гласные, находящиеся в периферийной части слов, постоянно подвергались модификациям. Например, при стечении гласных на словесной границе одна из них, как правило, исчезала, причем элидироваться могла как конечная гласная в слове (*quell'erba*, *bell'anima*), так и начальная (*lo'ncontro*, *quello'mperador*). В первом случае можно говорить о регрессивном характере элизии, во втором — о прогрессивном.

Значительное место в поэтическом языке XIV—XV вв. занимает усечение (апокопа). Несмотря на то, что правила финали слов в итальянском языке складывались не в пользу согласных (в итальянской просодии существует тенденция к завершению слога и слова гласными), в пору Треченто особое распространение приобретает апокопа конечных гласных и слогов внутри словосочетаний, образующих единое целое, если после модификации слово заканчивается плавным или носовым сонантом (l, n, r, m): *animal grazioso e benigno* (Dante, 88).

Сопоставление фактов вокалического сжатия в поэтическом языке итальянских авторов «золотого века» с примерами звуковой компрессии в стихотворных текстах последующих веков до конца XIX столетия, когда в период Рисорджименто² были заложены основы языковой консолидации и создан фундамент современного литературного языка, дает основание сделать вывод о том, что в указанных хронологических рамках определенным образом изменялись тенденции процесса сжатия, его масштабы и отношение носителей языка к данным фонетическим явлениям.

В XIV—XV вв. можно говорить об отсутствии сложившихся правил элизии и усечения слов. В стихах Данте, Петрарки и их современников наблюдается относительно свободное обращение с языковым материалом и встречаются такие примеры компрессии гласных, которые не имели продолжения в более позднее время ни в прозе, ни в поэзии. У Петрарки, например, есть неожиданная апокопа глагола *essere*, которая сообщает стиху особую мягкость и отражает народную традицию: *E de continuo lagrimar so' stanco...* (Petrarca, Sonetto LXI).

Постепенное упорядочение процесса сжатия, утверждение одних тенденций и угасание других, продолжалось в течение долгого времени и сопровождалось теоретическими дебатами либо в защиту полных форм, либо в пользу форм сокращенных. Дискуссии по вопросам слияния гласных не прекращались вплоть до конца XIX в. Так, Ф. Д'Овидио приводит примеры синерезиса в словах *sua*, *suave*, *sudeo* еще из латинских поэтов — Вергилия, Лукреция, Овидия.³ Однако до конца XIX в. некоторые авторы выступали за обязательное сохранение диерезиса в таких словах, как *soave*, *soavità*, *beato* и пр., пытались обвинять в ошибках Данте и Петрарку и, по выражению Д'Овидио, хотели быть латинянами в большей степени, чем Вергилий, Гораций, Овидий, Лукреций.⁴

Во второй половине XVI—XVII вв. элизия и усечение в определенном смысле «узакониваются» авторитетом Академии Круска, которая санкционировала подражание флорентийским классикам.⁵ Факт выпадения гласных нашел отражение в повсеченной апострофу статье «Словаря» Академии, где сказано: «Апостроф означает отсутствие буквы, потерю гласной в словах, которые в случае избытка гласных свою гласную либо всегда, либо чаще всего, либо иногда теряют при их столкновении».⁶ Академики следуют за признанными авторитетами и пишут: *nell'opere*; *de'libri citati*; *a' lettori*; *nello'ntropo delle vocali*, *sov'r'a*. Поэты Л. Медичи, Л. Пульчи, А. Полициано, М. М. Бойардо продолжали писать, как во времена Данте и Петрарки: *i' sento*; *e' fu desto* (Pulci); *e'l suon* (Poliziano); *ch'ell'apparisce*; *mill'angeli*; *l'ombrose selve* (Medici). Сохранялась традиционная компрессия в словах *a'*, *de'*, *co'*, *be'*, *que'*, *cu'*, *suo'*, *mie'*, *e'*.

Вопросы элизии и усечения в прозе и в стихах всегда оставались дискуссионными, и всегда было сложно установить для них определенные правила. Хотя в языке преобладали элидированные и усеченные формы артиклей и ряда служебных слов, возможны были также их полные варианты. И в прежние времена, и в наши дни читаем: *l'idea* и *la idea*, *il cor* и *il cuore*. Артикли *le*, *gli*, проклитическое *ci* и афerezис в прошлом постоянно оказывались предметом споров: *le opere* или *l'opere*? *gli italiani* или *gl'italiani*? *ci indica* или *c'indica*? и т. д.

Афerezис гласной *i* в начале слов (*lo'ngegno, lo'nsieme*), последовательно вводимый Академией Круска, не находил поддержки у многих писателей и поэтов, и Полити во введении к своему «Словарю» заявляет, что форма *l'invocare*, а не *lo'nvocare*, как у Круски, не только более убедительна, но и более естественна для языка.⁷

XVIII столетие в истории итальянского языка характеризуется широким распространением просветительских идей и стремлением к обновлению.⁸ Педантизм и строгость канонов, устанавливаемых Академией Круска в четвертом издании ее «Словаря», вышедшего в 1729—1738 гг., вызывали критическое отношение со стороны литераторов и деятелей просветительского движения, выступавших за языковую свободу. Однако сколько бы ни дебатировался «вопрос о языке», никаких существенных изменений или перелома в языке поэзии XVIII в. мы не обнаружим. По звуковой форме он очень близок к языку Треченто. Быть может, следует отметить, что в стихах поэтов XVIII в. реже элидируются артикль *il*, приставка *in-* и предлог *in*, но в целом прогрессивная элизия по-прежнему актуальна. Сочинения поэтов «Аркадии» и П. Метастазии, провозглашавших культ изысканной и музыкальной формы, В. Альфьери и Дж. Парини отличаются по тематике и стилю, и вместе с тем язык их остается весьма консервативным, когда речь идет об использовании звуковой компрессии.

Усеченные формы в этот период обретают особую силу. В поэтических текстах конечная гласная стала усекаться в конце ритмической группы и в абсолютном исходе строки или стиха. Тем самым постепенно нарушался запрет на согласные окончания. Этот обычай связывается с возросшим влиянием испанского языка в Италии XVII столетия, когда испанский стал на какое-то время самым популярным из всех иностранных языков и кое-кто даже начал писать по-испански. Тенденция к завершению ритмической группы усеченными словами сохраняется в итальянском языке вплоть до настоящего времени.

Кодификация литературного языка, распространение книгопечатания и дискуссии о грамматических нормах не устранили колебаний в употреблении сжатых и полных форм слов. Поэтический язык следовал в основном образцам Треченто. Эта ситуация сохранялась до конца XIX столетия, и лишь в его последние десятилетия, в эпоху романтизма, началось активное преобразование традиционного «придворного» языка. Но, как говорит Б. Мильорини, романтики оказались в замешательстве (*imbarazzati*), когда попытались претворить свои новаторские принципы в поэзии. Они столкнулись с непреодолимыми трудностями при изображении современной жизни языком поэзии— столь незыблемыми оказались силы его традиций.

К моменту появления романа А. Мандзони «Обрученные»

в его окончательной редакции (1840), формируется новый «стандарт» итальянского языка, базирующийся на живом, разговорном языке, которым пользовались образованные круги Флоренции. Канонизация нового стандарта мало что прояснила в вопросах элизии и усечения. По-прежнему очевидна значительная свобода выбора между сжатой и полной формой слов. У Дж. Леопарди читаем: *l'armi; l'altre doglie* и *le assonnate menti*; или: *dell'inquiete larve* и *delle italiche moli*, а также: *il suono accolgie* и *il suon di lei*. Однако флорентийская газета "La Zanzara" упрекала тех, кто писал *la Eugora*, а не *l'Eugora*, как требовали правила, предписываемые Академией Круска.⁹

Сочлененные предлоги, содержащие дифтонги, продолжали употребляться в их стяженном варианте все без исключения поэты: *a' tiranni; pe' boschi; co' silenzi* (Leopardi); *ne' regni* (Fogazzaro); *da' cari tuoi; de' patrii monumenti* (Boito), хотя, как известно, в конце концов, они уступили место полным формам *ai, per i, nei, dai, dei*.

Во второй половине XIX в. становятся заметны бóльшая упорядоченность и единообразие в употреблении элидированных и усеченных слов, активизируются новые тенденции, вырабатываются правила, которых придерживается значительная часть писателей и поэтов. Начинают выходить из употребления формы *e'(ei), i'(io)* и стяженные дифтонговые окончания глаголов. Некоторые поэты избегают афферезиса определенного артикля *il*. Афферезис гласной в словах, начинающихся с *i, e*, не пользуется более популярностью: *l'ingegno*, а не *lo'n-gegno*, *l'inferno*, а не *lo'nferno*. Иными словами, прогрессивная элизия, и особенно афферезис, уходят в прошлое.

Вместе с тем наиболее значительные итальянские поэты демонстрируют тесные связи с предшественниками и, не опасаясь архаики, прибегают к элизии и усечению в их традиционном виде, если того требуют стоящие перед ними художественные задачи. Несомненно, прав Б. Мильорини, когда утверждает, что выбор полной или сжатой формы диктуется эстетическими и стилистическими требованиями, и потому Дж. Мадзини пишет *de'bisogni*, но *dei desideri* из соображений благозвучия, дабы избежать точного повторения предыдущего слова.¹⁰

Итак, с точки зрения использования компрессии гласных в стихотворных текстах язык итальянской поэзии в хронологических рамках, очерченных XIV—XIX вв., был в значительной степени стабилен и единообразен. Вместе с тем в ходе эволюции литературного итальянского языка на протяжении выделенных шести веков определенным образом изменялись тенденции компрессии звуковой формы слов. К новым чертам следует отнести, во-первых, употребление усеченных слов в конце ритмических групп, а также в конце строки и стиха, распространившееся с конца XVII — начала XVIII в.; во-вторых, угасание

прогрессивной элизии гласных (аферезиса, стяжения дифтонговых окончаний), которое в конце XIX столетия становится необратимым процессом.

СОКРАЩЕНИЯ

Dante — Dante Alighieri. *La Divina Commedia. Inferno. Canto V.* Milano, 1949.

Petrarca — *Le Rime di Francesco Petrarca. Restituite nell'ordine e lezione del testo originario.* Firenze, 1896.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Parodi E. G. *Lingua e letteratura. Studi di teoria linguistica e di storia dell' italiano antico*, t. I. Venezia, 1957, p. 214.

² Период объединения Италии, формально завершившийся провозглашением единого государства в 1861 г.

³ D'Ovidio Fr. *Dieresi e sineresi nella poesia italiana.* — In: *Versificazione italiana e arte poetica medioevale.* Milano, 1910, p. 48.

⁴ Ibid.

⁵ Касаткин А. А. *Словарь Академии Круска.* — НДВШ, Филологические науки, 1963, № 4, с. 154.

⁶ *Vocabolario degli Accademici della Crusca.* Vol. 1. Firenze, 1691, p. 10.

⁷ Migliorini B. *Storia della lingua italiana.* Firenze, 1962, p. 467.

⁸ Касаткин А. А. *Очерки истории литературного итальянского языка XVIII—XX вв.* Л., 1976, с. 22.

⁹ Migliorini B. *Op. cit.*, p. 629—630.

¹⁰ Ibid., p. 629.

Т. З. ЧЕРДАНЦЕВА

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МЕТАСТРУКТУРА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

(на материале итальянского языка)

Предметом рассмотрения в данной статье является семантическая метаструктура глагольных фразеологических единиц (ФЕ) со структурой словосочетания и структурой предложения. Эти типы ФЕ представляют собой виртуальные знаки. В качестве означающих этих знаков выступает застывшая речевая ситуация, выраженная с помощью слов-компонентов и оформленная с помощью существующих в языковой системе синтаксических структур (моделей); означаемым ФЕ является реальная ситуация, которую она обозначает индифференциально, косвенно.¹ Известно, что ситуативные знаки, т. е. знаки, описывающие предметные отношения, образуются в процессе речи в виде высказываний или части высказывания. Однако некоторые исследователи уже давно обратили внимание на проявление ситуативности «не только в наличии местоимений и артиклей, но и

в употреблении некоторых разрядов знаменательных слов смысл которых зависит от ситуации (например, глаг.: *согласиться, продолжать, сделать...*).²

Изучение фразеологии показывает, что ситуативный характер знака присущ не только речи, он присутствует и в языке. Такое положение само по себе представляется вполне естественным, так как дихотомия язык — речь неизбежно предполагает обогащение первого за счет второй в процессе функционирования языка. Следует, пожалуй, подчеркнуть, что именно ФЕ, в частности ФЕ рассматриваемых типов, отличаются от всех других виртуальных знаков языка своей ярко выраженной ситуативностью.

Наличие в языке таких «неудобных» знаков, как ФЕ, требующих толкования не только при переводе на иностранный язык, но и для понимания их смысла носителями языка, заставляет задуматься над тем, как можно выразить ФЕ с помощью слов данного языка, передавая ту реальную ситуацию, которую они способны называть в речи. Особенно это важно для такого языка, как итальянский, в связи с его неоднородностью, в частности в области фразеологии, носящей нередко региональный характер.³ Джузеппе Джусти, собирая итальянские пословицы, задавал вопрос о том, что они означают, и нередко не мог получить на него удовлетворительного ответа. Когда же он спрашивал, по какому поводу употребляется та или иная пословица, ему сразу же давалось необходимое объяснение.⁴

Действительно, употребление пословиц и поговорок обычно связано с наличием или описанием определенной реальной ситуации, для которой они являются иллюстрацией, заключающим высказывание выводом. Так, желая подчеркнуть неблагодарность, жадность, лень и тому подобные качества человека, народ прибегает к пословицам. Но если пословица очень часто имеет в тексте свой «коррелят», т. е. реальную ситуацию, которую она иллюстрирует, то ФЕ употребляется для обозначения реальной ситуации иносказательно, и для «разгадки» ее смысла в тексте не так уж часто встречаются какие-либо указания. Поэтому толкование ФЕ в словарях так же необходимо, как и толкование слов. Однако не всякое толкование ФЕ позволяет понять точный смысл единицы. Наряду с толкованием целесообразно на основе определенных, достаточно объективных критериев представить смысл ФЕ в виде ее семантической метаструктуры.

Любая реальная ситуация может быть передана в речи. Человеческий разум обладает способностью обозначить ту или иную ситуацию как обобщенно, с помощью понятия, так и расчленению, с помощью речевой ситуации. Известно, что на такой способности человеческого разума основаны тропы, всякого рода косвенные номинации, наконец, именно на этой основе

образуются многие типы ФЕ. На двусторонней природе процесса, заключающегося в возможности обозначать с помощью ситуации понятия и, наоборот, выражать определенную ситуацию, используя знаки-понятия, основана идея построения семантической метаструктуры ФЕ. Семантическая метаструктура ФЕ призвана обозначать ситуацию, заключенную в ФЕ, с помощью знаков-понятий, т. е. слов лексикона того или иного языка. Таким образом, семантическая метаструктура может рассматриваться как «название», знак знака, обозначающего ситуацию, выраженную ФЕ. Определение семантической метаструктуры доступно исследователю, составителю словаря, который на основе внутренней формы и толкования ФЕ находит единственно возможное обозначение ситуации с помощью слов-понятий. Рассмотрим некоторые примеры: 1. *dare la biada all'asino* (букв. давать овес ослу) *напрасно стараться*; 2. *l'asino quand'ha mangiato la biada tira calci al corbello* (букв. осел съев овес, пинает ногой кормушку) *не плюй в колодец: пригодится воды напиться*; 3. *essere come il cavallo grasso che, mangiata la biada, dà calci al vaglio* (букв. быть как жирная лошадь, которая, съев овес, пинает копытом кормушку) *быть неблагодарным*; 4. *dar de' calci al vaglio dopo aver mangiato la biada* (букв. пинать кормушку после того, как съеден овес) *быть неблагодарным, плевать в колодец*; 5. *a cavallo che non porta sella, biada non si crivella* (букв. лошади, которая не работает, овса не дают) *как аукнется, так и откликнется*. Очевидно, что все пять приведенных примеров описывают ситуации, где фигурируют одни и те же или аналогичные участники, но смысл их не совпадает. Примеры 2, 3, 4 обозначают ситуацию, которую можно было бы описать как такую, когда животное (живое существо), съев корм, пинает то, откуда оно этот корм доставало. При этом примеры 2 и 4 явно представляют собой варианты. Определяя семантическую метаструктуру примеров 2, 3, 4, которая, очевидно, совпадает, мы стремимся найти название, «заголовок», отражающий сущность этих маленьких «рассказов» — ситуаций. Процесс напоминает поиск названий картины или даже разгадывание загадки. Однако, стремясь к максимальной объективности построения семантической метаструктуры, мы учитываем прежде всего, как можно квалифицировать отношения между участниками ситуации на фоне известных нам канонов, принятых в данной цивилизации, а также передать потенциальные синтаксические способности ФЕ путем построения метаструктуры на основе класса слов, способных выполнять ту же синтаксическую функцию, что и ФЕ. Возвращаясь к рассматриваемым здесь примерам 2, 3, 4, мы квалифицируем отношения живого существа к источнику пищи как неблагодарность. Что же касается синтаксической функции послловицы, то она, как и функция большинства ФЕ, является предикатной. Однако, квалифицируя, оценивая событие,

пословицы эквивалентны номинативным структурам. Поэтому семантическая метаструктура, приводимая в примерах 2, 3, 4, несомненно, может быть выражена предикатным словом, каким и является слово *неблагодарность*, или глагольной перифразой: *быть неблагодарным*.

При рассмотрении пословицы в примере 5 мы констатируем, что она носит характер сентенции, содержащей мораль. В этом случае семантическая метаструктура совпадет с моралью пословицы и будет иметь структуру предложения, состоящего из слов в их словарных значениях: вознаграждение должно воздаваться по труду.

Наконец, рассмотрим пример 1. Это глагольная ФЕ, значение которой явно восходит к пословице (пример 2). Однако значения пословицы и ФЕ отнюдь не совпадают, хотя как раз из пословицы в значении этой единицы появляется элементарный смысл (сема) *бессмысленности, напрасности* совершаемого. Именно этот элементарный смысл становится ведущим при определении квалификации, оценки отношений, складывающихся между участниками ситуации. Поскольку глагольные ФЕ в предложении выполняют функцию предиката, семантическая метаструктура глагольных ФЕ должна содержать глагол. Таким образом, семантическая метаструктура рассматриваемой ФЕ — *напрасно стараться*. Такой же семантической метаструктурой обладают довольно многочисленные ФЕ с глаголом *portare*: *portar acqua (con paniere) col vaglio*; *portar alberi alla selva*; *portar nottole ad Atene*; *portar arena (rena) al lido*; *portar cavoli a Legnaia*; *portar coccodrilli in Egitto*; *portar frasche nel bosco (frasconi a Vallombrosa)*; *portar fronda alla foresta*; *portar legna al bosco (alla selva)*; *portar pietre alle muricce* (букв.: носить воду корзиной, дуршлагом; возить дрова в лес; сов в Афины; песок на пляж; капусту в Леньяю; крокодилов в Египет; ветки в лес; дрова в лес; камни в каменоломню).

Семантическая метаструктура может представлять собой слово или словосочетание. Пословицы, в которых заключена мораль, имеют в качестве семантической метаструктуры предложение. Ключевым словом семантической метаструктуры является слово, несущее полную семантическую нагрузку и оценку. Так, ключевым словом для примеров 2, 3, 4 будет *неблагодарность*, для примера 1 — *напрасно (зря)*. Если семантическая метаструктура выражается предложением, то ключевыми будут полнозначные существительные.

Как видно из анализа нескольких примеров, семантическая метаструктура дает обобщенное, лишенное образности и индизаксательности представление значения ФЕ с помощью знаменслов. Однако именно благодаря этому она может быть общей для ряда ФЕ (вариантов и синонимов), что позволяет использовать ее как основу классификации семантических типов ФЕ,

опирающейся на предикатные имена и глаголы. Полное отсутствие образности у семантической метаструктуры не мешает ей, однако, содержать слова или семы оценочного характера, свойственные многим ФЕ. Так, например, ФЕ *buttar olio (santo) sul fuoco* (букв. лить масло в огонь), *buttar paglia sul fuoco* (букв. бросать солому в огонь), *portar legna all'incendio* (букв. носить дрова на пожар) переводятся на русский язык ФЕ *подливать масла в огонь*. Эта ситуация может быть обозначена семантической метаструктурой *усугублять положение*. В глг. *усугублять* имеется оценочная сема, которая соответствует отрицательной оценке, содержащейся в ФЕ.

Известно, что далеко не все ФЕ, даже образные, выражают оценку. Это связано с тем, что образность лежит в основе мотивированности ФЕ, но образная мотивированность не всегда предполагает образность. Многие ФЕ, будучи образно-мотивированными, используются как стилистически нейтральные: *mettere la strada tra le gambe* (букв. поставить дорогу между ногами) *пуститься в путь (в дорогу)*. В таких случаях толкование ФЕ и его семантическая метаструктура совпадают.

Несколько слов следует сказать об особенностях семантической метаструктуры ФЕ — предложений, относящихся к так называемым репликам-реакциям, или формулам речи. Рассмотрим пример разных вариантов ФЕ, обычно употребляющихся в конце разговора (реплики): *e buona notte! buona notte, Gesù (che l'olio è caro)! e buona notte al secchio! e buona notte ai suonatori!* (букв. и доброй ночи! и доброй ночи, Боже (лампадное масло нынче дорого)! и доброй ночи ведру! и доброй ночи музыкантам!). Их русские эквиваленты — *и кончен бал! и дело с концом!* Что же касается семантической метаструктуры, то она легко определяется путем трансформации таких формул речи в косвенную речь. Известно, что трансформация в косвенную речь почти всех разговорных оборотов или, как их часто называют, формул речевого этикета, требует употребления слова или слов, косвенно называющих смысл, содержащийся в таких формулах (например, приветствие, благодарность, приглашение и т. п.). По сути дела, это и есть «название» той ситуации, в которой они употребляются, т. е. их семантическая метаструктура, обобщенное значение. Возвращаясь к нашему примеру, следует сказать, что мы строим семантическую метаструктуру ФЕ на основе той роли, которую они призваны выполнять в речи. Поскольку они заканчивают разговор (реплику), их семантической метаструктурой должны быть слова *все, конец*.

Итак, построение семантической метаструктуры возможно для рассмотренных в данной статье типов ФЕ и, очевидно, для других косвенных номинаций, прежде всего в силу заложенной в языковой системе возможности выражать одно и то же содержание разными языковыми средствами. По отношению к

толкованию и образному выражению ФЕ метаструктура выступает как обобщенное ее значение, лишенное образности, но сохраняющее оценочные семы. Семантическая метаструктура должна обладать теми же семантическими потенциями, что и ФЕ, она, как правило, является общей для всех вариантов ФЕ и синонимов. Выделение семантической метаструктуры имеет весьма важное теоретическое и практическое значение. Построение семантических метаструктур хотя бы только к наиболее употребительным ФЕ того или иного языка или ряда языков позволит их классифицировать по семантическим признакам, выявить слова, обозначающие понятия, которые чаще всего получают ситуативное, образное выражение, и провести сопоставительный анализ родственных и неродственных языков в этом плане. Установив, что семантическая метаструктура ФЕ в разных языках совпадает, можно выявить разнообразие внутренней формы образов, что представит интерес не только для лингвистов. Установление семантической метаструктуры весьма полезно в практическом отношении. Зная семантические метаструктуры ФЕ того или иного языка, можно с достаточной степенью точности построить обратный указатель в двуязычном словаре (например, русско-иностранный в иностранно-русском), а также при составлении словарей разных типов распределить ФЕ или дать ссылки на эти единицы в вокабулах, являющихся ключевыми словами семантических метаструктур.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Черданцева Т. З. 1) Язык и его образы. М., 1977; 2) Очерки по лексикологии итальянского языка. М., 1982.

² Гак В. Г. Высказывание и ситуация. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973, с. 366.

³ Джузеппе Джустини в предисловии к книге «Raccolta di Proverbi toscani con illustrazioni cavata dai manoscritti di Giuseppe Giusti» (Firenze, 1853) подчеркивает, что идиомы (*modi di dire o modi proverbiali*) «нуждаются... в постоянных объяснениях, постоянных комментариях. Это приводит к тому, что некоторые писатели, употребляя идиомы слишком часто, затрудняют понимание смысла...» (р. 2).

⁴ Ibid., p. 13.

С. Б. ЭСТУЛИНА

«ДЕКАМЕРОН» ДЖОВАННИ БОККАЧЧО — ПАМЯТНИК "ORNATO PARLARE" «УКРАШЕННОЙ» РЕЧИ ТРЕЧЕНТО

Имена трех великих тречентистов, основоположников итальянского литературного языка, *padri della lingua*, Данте, Петрарки, Боккаччо неотделимы от одной из важнейших языковых проблем Италии XIV в. — вопроса о взаимоотношении *volgare*

и латыни. В XIV в. центром распространения литературного *volgare* стала Флоренция. Известный гуманист исхода Треченто Леонардо Бруни Аретино писал в трактате «Хвала городу Флоренции» о том, что флорентийцы превосходят всех других даже в пределах обычной повседневной манеры речи (*in hoc populari atque communi genere dicendi*) и что, поскольку «один только этот город во всей Италии отличается чистейшей и красивейшей речью, все те, кто хочет говорить хорошо и без ошибок, следуют примеру этого одного города».¹ Приведенные слова представляют тем большую ценность, что они являются свидетельством современника, специально занимавшегося вопросами языка. Действительно, своим первоначальным фонетическим, морфологическим, синтаксическим типом итальянский язык обязан Флоренции первого века Возрождения, которым следует датировать первоначальную языковую унификацию Италии.² «Это было „первоначальное накопление“ языковой общности, достигнутое как итог „золотого века“».³

В решение проблемы защиты и распространения флорентийского *volgare* внес свой неоценимый теоретический и практический вклад Джованни Боккаччо. Уже в «Тезеиде», откликаясь на один из пассажей трактата Данте «De Vulgari Eloquentia», он обращается к проблеме *volgare*:

Poiché le Muse nude cominciare
Nel cospetto degli uomini ad andare,
Già fur di quelli i qua' l'esercitaro
Con bello stile in onesto parlare.
E altri in amoroso le operaro:
Ma tu o libro, primo a lor cantare
Di Marte fai gli affanni sostenuti,
Nel volgar lazio non mai più veduti (Boccaccio, Teseide, 431).

Данте писал в «De Vulgari Eloquentia» о том, что на *volgare illustre* должны воспеваться военные подвиги, любовь и честность. Он цитирует Чино да Пистойя как певца любви, себя как певца честности и добавляет: «Не нахожу ни одного итальянца, который бы воспел подвиги оружия». О том же говорит и Боккаччо, точно пересказывающий эти положения Данте. Были поэты, которые писали о честности (*onesto parlare*) и о любви (*in amoroso*), а вот он, Боккаччо, будет писать о том, о чем еще никогда не писали на *volgare*, — о ратных трудах Марса. Слово Данте, пример Данте имели первостепенное значение для Боккаччо. «Джованни Боккаччо как никто другой почитал Данте... С него берет он пример писать на *volgare*», утверждает Джозуэ Кардуччи.⁴ О культе Данте у Боккаччо (*il suo culto per divino poeta*) говорит Микеле Барби, рассказывая о рвении, с которым Боккаччо стремился распространять в возможно большем количестве (переписывая их собственноручно) произведения Данте.⁵ В «Жизни Данте» Боккаччо воспекает не только величайшего поэта Италии, но и

великого творца ее языка: «...это тот Данте, который был дарован нашему веку особой милостью божьей; это тот Данте, который первый открыл дорогу изгнанным из Италии музам. Он показал чистоту флорентийского диалекта, упорядочил в рифмах все красоты народной речи, возродил мертвую поэзию». ⁶ И далее: «Данте убедительно доказал, что народный язык может использоваться для трактовки самых высоких материй и сделал наше *volgare* самым славным из всех». ⁷ Боккаччо своими различными произведениями в разных жанрах открыл новые пути *volgare*. И вместе с тем он, как Данте и Петрарка, колебался между естественной привязанностью к своему родному языку и естественным для гуманиста влечением к латыни. Велик и неоспорим авторитет латыни как языка античности, как важнейшего унифицирующего фактора культурного развития средневековой Европы. И латынь, в особенности поздняя латынь, латынь средневековых риториков становится тем образцом, ⁸ по которому Боккаччо чеканит свою прозу. Так, например, аналогом так называемого «личного» герундия «Декамерона» является *participium praesentis activi* поздней латыни, употреблявшийся в роли личной глагольной формы, — узус, неизвестный классической латыни. «Личное» причастие настоящего времени поздней латыни следует квалифицировать как романизм. Аргументом в пользу подобного утверждения может служить и своеобразная модификация (а может быть и реликт) «личного» герундия — императивный герундий, форма, затухающая в современных южноитальянских диалектах. ⁹ В переводах с латыни в XIV в. *participium praesentis activi* последовательно передается при помощи герундия. Соответствием «личному» причастию закономерно должен был оказаться «личный» герундий. Вполне возможно, что форма, бытовавшая в живой романской речи раннего средневековья, пройдя определенную стадию «облагораживания» в классических текстах поздней латыни (этой конструкцией пользовались, например, Иероним в Вульгате, Боэций, Григорий Турский, продолжатели Фредегария), возвращается уже как фигура высокого стиля в высокий литературный язык Треченто, моделью которого была средневековая латынь, латынь риторической школы, ¹⁰ а стиль виднейших позднелатинских писателей — выдающимся литературным образцом.

Нередко в «Декамероне» встречается и излюбленная фигура средневековых риториков — тройной повтор. Но, если, например, Павел Орозий обычно повторяет трижды единичный комплекс, ¹¹ Боккаччо оперирует и двойными и тройными комплексами. Повтор усложненного типа характерен и для других произведений Боккаччо. Так, своеобразен тройной, состоящий из трех фигур, повтор в первой главе «Фьямметты». В первой фигуре трижды повторяется единичный комплекс: “*questi fu colui il quale*”. “*Questi adunque, o pietosissime donne, fu colui*

il quale il mio cuore con folle estimazione tra tanti nobili belli e valorosi giovani, quanti non solamente quivi presenti, ma eziandio in tutta la mia Partenope erano, primo, ultimo e solo eleksi per signore della mia vita. Questi fu colui il quale io amai e amo più che alcuno altro. Questi fu colui il quale essere dovea principio e cagione d'ogni mio male, e come io spero di dannosa morte". Во второй — повтор удвоен: повторяются два комплекса: "Questo fu quel giorno nel quale" и "prima" (primieramente). "Questo fu quel giorno nel quale io prima di libera donna diventai miserissima serva. Questo fu quel giorno nel quale io prima amore non mai prima da me conosciuto conobbi. Questo fu quel giorno nel quale primieramente li venerei veleni contaminarono il puro e casto petto". Наконец, в третьей фигуре этой необычайно изящной и гармоничной триады повторяются три элемента: oimè, quanto, sì fatto giorno:

"Oimè misera, quanto male per me nel mondo venne sì fatto giorno! Oimè quanto di noia e di angoscia sarebbe da me lontana se in tenebre si fosse mutato sì fatto giorno! Oimè misera, quanto fu al mio onore nimico sì fatto giorno!" (Boccaccio, *Fiammetta*, 11).

Отнюдь не случайно диалоги героев «Декамерона» представляют собой серии обширнейших монологов. Таковы реплики Тедальдо дельи Элизеи и Гизмонды, дочери Танкреда, владельца Салерно, так говорит и пройдоха Чаппеллетто, ловко жонглирующий разными формами глагола confessarsi и мастерски вмонтированными в изящную фигуру риторического повтора гирляндами инфинитивных оборотов. Монологи и реплики-монологи диалогов «Декамерона» — сложнейшие архитектурные комплексы, изысканные построения из серий хиазмов, гипербатонов, инверсий, риторических вопросов и восклицаний, повторов однокоренных слов, тройных цепей однотипных обстоятельств, дополнений, определений. Боккаччо употребляет в «Декамероне» термин «ornato parlare», очень точно характеризующий его стиль, стиль «украшенной» речи. Франческо Флора определил искусство Боккаччо как искусство фигур.¹² Монологи и диалоги героев «Декамерона» — искуснейшие узоры, сотканые из фигур «украшенной» речи.

Обусловлен их особой стилистической функцией и чрезвычайно усложненный рисунок конструкций разговорного стиля речи. Так, например, очень своеобразны, а часто и картинны¹³ индивидуальные по фактуре конструкции ad sensum, в которых нередко при указательных и относительных местоимениях отсутствует именной грамматический антецедент: "Quivi riposatisi alquanto, non prima a tavola andarono che sei canzonette, più lieta l'una che l'altra, da' giovani e dalle donne cantate furono; appresso alle quali, data l'acqua alle mani, tutti secondo il piacer della reina gli mise il siniscalco a tavola dove le vivande venute, allegri tutti mangiarono; e da quello

levati, al carolare e al sonare si diedono per alquanto spazio...» (Boccaccio, Decameron, 449). Quello связано с глгг. mangiare в его именном употреблении, т. е. с формой, не названной в тексте. Нет грамматического antecedenta и у относительного местоимения *la quale* в VIII новелле Первого дня: «*La precedente novella, care compagne, m'induce a dover dire come un valente uomo di corte similmente, e non senza frutto, pugnasse d'un ricchissimo mercatante la cupidigia; la quale, perché l'effetto della passata somigli, non vi dovrà perciò essere men cara, pensando che bene n'addivenisse alla fine*» (Ibid., 57). *La quale* — это «настоящая новелла», логическим antecedentом местоимения является краткое содержание новеллы, которую намеревается рассказать Лауретта, оно и предвгряет в тексте данную форму.

Таким образом, и структуры разговорного стиля речи автор «Декамерона» трансформирует в эффектные фигуры *ognato parlare*.

Суждение критики о языке «Декамерона» очень разноречиво. Леонардо Сальвьати, характеризуя синтаксис «Декамерона», говорит об «извращении естественной ткани речи» (*stravolgimenti della natural tela di favellare*).¹⁴ Уго Фосколо утверждает, что тот сильно облагороженный флорентийский диалект, с которым мы встречаемся на страницах «Декамерона», не был характерен ни для Флоренции, ни для этого века, ни для Боккаччо, а лишь для «Декамерона». Он характеризует язык «Декамерона» как язык, в котором была нарушена природная энергия флорентийской речи.¹⁵ В нарушении синтаксических законов народной речи укоряет Боккаччо Т. Б. Алисова.¹⁶ О прозе украшенной и напыщенной говорит Этторе Бонора.¹⁷ В этих оценках звучит явный тон осуждения. Другие оценки хвалебны. Так, Луиджи Сеттембрини пишет: «Боккаччо похож на мастера, изготовляющего изящно разрисованные и позолоченные вазы из тонкого фарфора, которыми вы украшаете парадные комнаты». ¹⁸ О том, что Боккаччо привлек лесной источник в прекрасный сад, где вода течет в бассейнах из разноцветного мрамора с фонтанами и водопадами, говорит Анри Оветт.¹⁹ Франческо Флора сравнивает прозу Боккаччо с изделиями из золота и слоновой кости, которые вдруг становятся нематериальными, легкими, как воздух. «Тому, кто постиг период Боккаччо, трудно представить себе красоту, очарование другого рода», — добавляет он.²⁰ Во всех этих оценках, и в порицающих и в хвалебных, есть нечто общее: они грешат отсутствием исторического подхода. В них ощущается суждение с точки зрения критериев сегодняшнего дня, чуждых эпохе Боккаччо. По-видимому, следует изучить язык «Декамерона», насколько это возможно, имманентно, подойти к нему с адекватными ему критериями, что, конечно, непросто, рассмотреть его в терминах соответствующей эпохи.²¹ Дантова

схема классификации позволяет определить язык «Декамерона» как очень близкий к “*volgare illustre*”. Отличительные черты этого языка отвечают основным требованиям Данте, высказанным им в «*De Vulgari Eloquentia*»: «*constructionis elatio et excellentia vocabulorum*» («изысканность конструкции и благородство слов»).²² Лучшее определение этому высокому языку в наше время дал Стефан Цвейг: «... язык, так внезапно обретший форму... это новый итальянский, закаленный в горниле латыни, звонкий и чистый как металл...».²³ Великие памятники этого блистательного языка заложили основы общепитальянской литературной нормы. Шедевр «украшенной» речи «золотого века» — «Декамерон» Джованни Боккаччо «на многие столетия определил развитие итальянской прозы».²⁴

СОКРАЩЕНИЯ

- Boccaccio, Decameron — Boccaccio G. Decameron. Bietti, 1966.
 Boccaccio, Fiammetta — Boccaccio G. Fiammetta. Opere volgari, t. VI Firenze, 1829.
 Boccaccio, Teseide — Boccaccio G. La Teseide. Opere volgari, t. IX. Firenze, 1831.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Aretino L. Ad Petrum Paulum Istrum dialogus, zum ersten Male vollständig herausgegeben mit Einleitung und Auszügen aus Leonardi Aretini Laudatio Florentinae urbis von Dr. T. Klette. Greiswald, 1889, S. 104.

² Gramsci A. Il Risorgimento. Torino, 1950, p. 29.

³ Касаткин А. А. Очерки истории литературного итальянского языка XVIII—XX вв. Л., 1976, с. 13.

⁴ Carducci G. Dante Petrarca e il Boccaccio. — In: Carducci G. Prose. Bologna, 1905, p. 199.

⁵ Барби М. [Введение к кн.:] Dante. La Vita Nuova. Per cura di Michele Barbi. Milano, 1907, p. CLXXV, CLXXVI.

⁶ Boccaccio G. La Vita di Dante Alighieri. Opere volgari, vol. XV. Firenze, 1833, p. 14.

⁷ Ibid., p. 35.

⁸ О влиянии средневековых риторов на язык Боккаччо см.: Schiaffini A. Tradizione e poesia nella prosa d'arte italiana dalla latinità medievale a Giovanni Boccaccio. Roma, 1943, p. 174—175. Боккаччо хорошо знал и любил не только Тита Ливия, Тацита, Цицерона, Квинтилиана, Вергилия и Овидия, он знает и цитирует Лактанция, Орозия, Августина, Исидора, Боэция и других христианских писателей (Ginguené P. L. Histoire littéraire d'Italie, vol. III. Paris, 1811, p. 67).

⁹ Rohlf G. Historische Grammatik der Italienischen Sprache und ihrer Mundarten, t. II. Bern, 1949, S. 553—554.

¹⁰ Segre C. La sintassi del periodo nei primi prosatori italiani. Roma, 1952, p. 43; Алисова Т. Б. Понятие свободы порядка слов в предложении. — НДВШ, Филологические науки, 1960, № 2, с. 48.

¹¹ Orosius P. Historiarum liber III. Patrologiae cursus completus, t. XXXI. Parisiis, 1846, IV, p. 807.

¹² Flora F. Storia della letteratura italiana, t. I. Verona, 1972, p. 416.

¹³ Боккаччо склонен не называть, а описывать; некоторые его конструкции *ad sensum* напоминают «загадочные картинки»: антецедент не назван, дано лишь описание — картинка, по которой его следует узнать, угадать.

¹⁴ Salviati L. Degli avvertimenti della lingua sopra 'l Decamerone, vol. I, p. 246, цит. по: Foscolo U. Discorso storico sul testo del Decamerone. Opere editae e postume, vol. III. Firenze, 1850, p. 46.

¹⁵ Foscolo U. Op. cit., p. 47, 59.

¹⁶ «У Боккаччо, стремившегося обогащать язык любыми средствами и сверх всякой меры, нарушение синтаксических законов народной речи становится правилом и приводит к созданию гетерогенной синтаксической ткани, где с непреодоленной рыхлостью ранней итальянской прозы переплетаются типично латинские синтаксические конструкции» (Алисова Т. Б. Синтаксис и стиль в процессе формирования письменной нормы литературного итальянского языка XIII—XVII в. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. VII. Филология. Журналистика, 1963, № 1, с. 52). Но сверх какой «всякой меры» стремится обогащать язык Боккаччо и о нарушении каких «законов народной речи» идет речь? Нет ли здесь ретропроекции норм современного итальянского языка?

¹⁷ Bonora E. Aspetti della prosa del Rinascimento. Giornale storico della letteratura italiana, t. CXXXIII. Firenze, 1956, p. 355.

¹⁸ Settembrini L. Lezioni di letteratura italiana dettate nell' Università di Napoli, t. I. Napoli, 1890, p. 221—222.

¹⁹ Hauvette H. Boccace. Etude biographique et littéraire. Paris, 1914, p. 312—313.

²⁰ Flora F. Op. cit., p. 416.

²¹ «...Если мы хотим познать прошлое таким, каким оно было „на самом деле“... мы не можем не стремиться к тому, чтобы подойти к нему с адекватными ему критериями, изучить его имманентно, вскрыть его собственную внутреннюю структуру, остерегаясь навязывать ему наши, современные оценки» (Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 7).

²² Dante Alighieri. Il trattato de Vulgari Eloquentia, per cura di Pio Rajna. Firenze, 1896, LII, cap. IV, p. 133.

²³ Цвейг С. Данте. — Собр. соч., т. VII. М., 1963, с. 374.

²⁴ Касаткин А. А. Указ. соч., с. 9.

Н. Ю. СИКАЦКАЯ

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ПЕРЕДАЧИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ЗАКОНЧЕННЫХ ПРОШЕДШИХ ДЕЙСТВИЙ В РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ

Румынский язык располагает тремя временами прошедшего плана (сложный перфект, простой перфект, давнопрошедшее), которые могут служить целям передачи последовательных законченных действий.¹ Возникает вопрос: существуют ли какие-нибудь регулярности в выборе временных форм? В процессе общения выбор той или иной глагольной формы носителем языка осуществляется интуитивно. Для человека, не являющегося носителем языка, этот выбор требует объяснения, которое в свою очередь может быть получено только в результате специального лингвистического исследования. В задачи настоящей статьи входит рассмотрение вопросов, связанных с использованием прошедших времен в некоторых типах контек-

ста, и выяснение особенностей их употребления в произведениях разных жанров.

В косвенной речи,² несмотря на наличие значения предшествования, предполагающего, как казалось бы, использование давнопрошедшего, употребляется почти исключительно сложный перфект: «*Zenobia însă îi povesti amănunțit cum a venit Ana din sat...*» (R., 358); «*Titii îl întrebă apoi cum a călătorit, unde a făcut liceul...*» (C., 54); «*Ciobanul răspunse că n-a văzut pe nimeni...*» (Z., 154).

В тех редких случаях, когда в контексте все же используется давнопрошедшее, оно несет, как нам кажется, особую коммуникативную нагрузку: «*...credinciosul i-a spus ... ce se petrecuse în odaia lui în cele două nopți din urmă*» (Cr., 61). В подобных случаях обычно есть дополнительный временной уточнитель, а это указывает на то, что для говорящего (пишущего) важно привлечь внимание к самому факту предшествования. При отсутствии этого условия более привычным в рассматриваемом контексте является, как было сказано, сложный перфект.³

В контексте, содержащем указание на отсутствие интервала между следующими друг за другом действиями, как правило, используется одно и то же время: «*Cum trecu în casă, aprinse gazornîța...*» (S., 145); «*De îndată ce Scatiu plecă își trase o pereche de cizme lungi...*» (Z., 144). В данном типе контекста употребляются любые времена, в том числе настоящее историческое и давнопрошедшее (последнее, правда, исключительно редко); важно то, что сочетаться друг с другом могут лишь глаголы, стоящие в одном времени: в простом перфекте («*De îndată ce-l văzu, ...îi ieși înaintea*» — Z., 153); в сложном перфекте («*...dar cînd am auzit eu de tata, pe loc mi s-a muiet gura*» — Cr., 214); в настоящем историческом («*Părul, cum vede pe fată, zice...*» — Cr., 150); в давнопрошедшем («*Sărise ars de pe scaun, dar se așezase numaidecît la loc...*» — V., 57).

Таким образом, в румынском языке для передачи быстрой смены событий (состояний) используется прием «сцепления» тождественных глагольных форм. Из этого можно заключить, что существенны не сами времена, а факт их соположения. Часто в таком контексте встречаются и дополнительные лексические средства (в приведенных примерах это союзное выражение *de îndată ce* 'как только', наречие *numaidecît* 'сразу, немедленно', наречное выражение *pe loc* 'тут же, сразу'), которые усиливают значение мгновенного следования друг за другом двух действий и тем самым придают всей фразе большой динамизм.

В тех случаях, когда действие придаточного как бы уводит повествование в другой временной план, в придаточном предложении чаще всего появляется давнопрошедшее время:⁴ «*...dar Ancuța cea tinăără, cum făcuse odinioară cealaltă*

...întinse urechea și auzi ce trebuia să se întâmple...» (S., 11); «*Iși aduse aminte* de întâia noapte în care pășise în această casă ... de brațul subțire care se agățase de al său...» (C., 217). Таким образом, смена временных форм способствует созданию ретроспективного фона событий, представленных в основной линии повествования.

Известный интерес представляет употребление прошедших времен для передачи последовательных законченных действий в произведениях разных жанров. Для примера было проведено сопоставление языка художественной прозы (романа, повести, рассказа) и сказок. Это сопоставление показало, что сюжет сказок отличается динамичностью: события развиваются стремительно, они чаще всего непосредственно следуют друг за другом, и сказочник спешит рассказать о них слушателю (читателю), у него, по существу, не остается времени для различного рода ретроспективных отступлений. Вероятно, именно поэтому в языке сказок почти отсутствует давнопрошедшее время. В языке же, представляющем художественную прозу, подобные отступления встречаются, а иногда и выражаются целой серией следующих друг за другом независимых предложений: «*În lagăr luase o hotărîre: să trăiască exemplar, să nu facă niciodată nici o concesie. Iubise un francez de vîrsta ei. ...André murise gazat. Ea trăia. Se măritase cu un bărbat pe care nu-l iubea, și pe care nici nu-l iubise. Il luase pentru că o iubise el*» (V., 101). В рассказе, отрывок из которого приведен здесь, повествование ведется преимущественно в имперфекте и простом перфекте. Когда же героиня вспоминает о трагическом прошлом, которое, несомненно, повлияло на ее характер, отношения с окружающими, на всю ее дальнейшую жизнь, автор использует давнопрошедшее время, сама форма которого указывает на то, что выраженные им действия (*luase, iubise, murise, se măritase*) происходили раньше основных событий. Таким образом, создается определенный временной «второй план», благодаря которому более четко воспринимается то, что происходит в главной части рассказа. Связь с основным действием подчеркивается, как думается, использованием в этом фрагменте нескольких глаголов в имперфекте (*trăia, iubea*).

Рассмотрим еще один пример: «*De la o fereastră, Tincuța văzuse începutul scenei cu revolverul și leșinase. Șezuse căzută jos mai bine de un sfert de ceas și se deșteptase singură...*» (Z., 249). Используя давнопрошедшее время, автор вводит читателя в курс дела, он как бы выделяет начало очередного фрагмента, ведя дальнейшее повествование в простом перфекте.⁵ Давнопрошедшее время одного из глаголов (*văzuse*) имеет здесь причинное значение.⁶ В сказках же причинное значение давнопрошедшего времени почти полностью отсутствует: для

сказочного сюжета важны, вероятно, не столько поиски причинной обусловленности явлений и событий, сколько быстрое их развитие.

Отмеченное выше «сцепление» тождественных глагольных форм является излюбленным приемом сказочников. В художественной прозе оно используется значительно реже, появляясь в основном в тех случаях, когда сюжет развивается особенно динамично.

Сделанные наблюдения позволяют дать в целом положительный ответ на поставленный в начале статьи вопрос: определенные регулярности выбора временных глагольных форм прошедшего плана для передачи последовательных законченных действий в румынском языке существуют. Они выражаются, как об этом позволяет судить изученный материал, 1) в закреплённости некоторых глагольных времен за определенными типами контекста (косвенная речь — сложный перфект); 2) в соположении одинаковых времен при необходимости передать быструю смену событий; 3) в смене временных форм (простой или сложный перфект/давнопрошедшее) при создании ретроспективного фона.

Принадлежность текста к тому или иному жанру, судя по проведенному сопоставлению языка художественной прозы и сказок, также не безразлична для выбора временных глагольных форм.

СОКРАЩЕНИЯ

- C. — Călinescu G. Opere, vol. 3. București, 1966.
Cr. — Creangă I. Povești, amintiri, povestiri. București, 1967.
R. — Rebreanu L. Ion. București, 1979.
S. — Sadoveanu M. Hanu Ancuței. Baltagul. București, 1979.
V. — Vulpescu I. Proză. București, 1969.
Z. — Zamfirescu D. Viața la țară. Tănase Scatiu. București, 1962.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Gramatica limbii române / Editura Academiei Republicii Socialiste România. Ed. a 2-a, vol. 1. București, 1966, p. 238—240; vol. 2, 1966, p. 355—394.

² Cp. Creția P. Corespondența timpurilor. — Studii și cercetări lingvistice, an. V, N 3—4. București, 1954, p. 313—314.

³ Cp. наблюдения Н. М. Фирсовой над функционированием перфекта в косвенной речи, сделанные на материале испанского языка: Фирсова Н. М. 1) Стилистика испанского глагола. М., 1976, с. 119; 2) Стилистика временных форм испанского глагола: Автореф. докт. дис. М., 1979, с. 33.

⁴ Т. Виану отмечает, что в языке художественной литературы XX в. давнопрошедшее время появляется значительно реже, чем в произведениях, написанных в XIX в. Вскрывая причины этого явления, он выделяет в качестве основной характерную для современных писателей замену повествования прямым показом событий (Vianu T. Mai-mult-ca-perfectul și tehnica parațiunii. — In: Vianu T. Studii de stilistică. București, 1968, p. 92—102).

⁵ Т. Виану уделяет большое внимание стилистическому приему, который он называет «приемом обрамления» (Vianu T. Op. cit., p. 93—96). Его часто применяют писатели XIX в., которые, начиная очередную главу того

или иного произведения, используют давнопрошедшее время с целью рассказать о событиях, предшествовавших основным, и тем самым ввести читателя в курс дела, в то же время не нарушая стройности и последовательности повествования об основных событиях. Как видно из приведенного примера, давнопрошедшее время примерно с той же целью может применяться и в начале абзаца, который неразрывно связан с предшествующим развитием сюжета, движением повествования и который «в малом отрезке текста являет собой подобие главы» (Сильман Т. И. Проблемы синтаксической стилистики (на материале немецкой прозы). — Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 315, 1967, с. 107).

⁶ На причинное значение давнопрошедшего времени указывал Т. Виану (Viau Т. Op. cit., p. 101). О связи понятий времени и причинно-следственных отношений между явлениями и ее отражении в языке см., напр.: Ардентов Б. П. Лекции по спецкурсу «Выражение времени в русском языке». Кишинев, 1975, с. 124—125.

ИБЕРО-РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Э. Ф. БУБНОВСКАЯ

СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Термин «модальность» трактуется по-разному, причем расхождения в его понимании достаточно широки.

Наиболее удачной и адекватно отражающей истинную картину языковой действительности представляется трактовка модальности Г. А. Золотовой.¹ Она произвела отбор из существующих точек зрения, исключив из категории модальности оппозиции «утверждение/отрицание», «повествование/вопрос/побуждение» и т. д. Кроме того, Г. А. Золотова показала, что категория модальности неоднородна и включает в себя несколько аспектов, смешение которых способствовало столь различным толкованиям данного термина.

Г. А. Золотова, вслед за другими исследователями, различает объективную и субъективную модальность.² Под объективной модальностью (или модальностью предложения) понимается отношение содержания высказывания к действительности в смысле его реальности, соответствия или несоответствия действительности с точки зрения говорящего. Главным грамматическим средством выражения основной, или предикативной, модальности является категория наклонения: изъявительного, с одной стороны, условно-желательного и побудительно-го — с другой.

Субъективная модальность, или модальность высказывания, — это оценивающее отношение говорящего к достоверности/недостоверности предметно-смыслового содержания высказывания. Основным средством языкового выражения модальности высказывания в русском языке Г. А. Золотова считает модальные слова.

В романистике проблеме модальности посвящена обширная литература, но эта тема отнюдь не исчерпана и продолжает представлять интерес для исследователей. В научной литературе, посвященной испанскому языку, проблеме модальности

уделяется недостаточное внимание; модальность описывается как некая единая монолитная категория, единственным способом выражения которой объявляется только глагольное наклонение, в частности *subjuntivo*. Модальность высказывания вообще не выделяется, а способы ее выражения в работах по испанистике вообще не описываются.³

Выбор темы настоящего исследования обусловливается как актуальностью проблемы модальности для теоретической грамматики испанского языка, так и потребностями практики его преподавания. В грамматиках испанского языка модальное значение предположения описывается как побочное при изучении будущего времени, модальных глаголов, некоторых описательных конструкций. В результате такого подхода студенты узнают в тексте эти формы и правильно определяют их значение. Но при переводе с русского на испанский даже читанного текста из всех способов выражения предположительности они избирают модальные слова (т. е. калькируют с русского).

В данной работе мы рассматриваем модальность высказывания как функционально-семантическую категорию, которая в плане содержания представляет собой грамматико-лексическое поле модальности, реализующееся через оппозицию микрополей категорической достоверности и проблематической достоверности. Но если объективная модальность реальности/нереальности (модальность глагольного действия) представляет собой бинарную эквиполентную оппозицию, то модальность высказывания — это градуальная оппозиция, представляющая отношение говорящего (субъекта речи) к вероятности совершения действия от 100% вероятности (равной достоверности) по убывающей до чрезвычайно малой степени вероятности (равной сомнению).

В плане выражения эта функционально-семантическая категория объединяет средства, относящиеся к разным языковым уровням: лексические, морфологические, лексико-синтаксические. В статье делается попытка описать все возможные средства выражения модальности высказывания и определить, какие из них находятся в центре, а какие на периферии грамматико-лексического поля модальности высказывания.

1. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ

1. *Модальные слова*: seguramente, naturalmente, verdaderamente, efectivamente, desde luego, claro, probablemente, a lo mejor, al parecer, por lo visto, quizá и многие другие.⁴

2. *Глаголы модуса как эксплицитное средство выражения модальности высказывания.*

Согласно нашему определению, модальность высказывания — это оценивающее отношение говорящего к достоверности/недостоверности (т. е. предположительности) высказывания. Как в русском, так и в испанском языках есть специальные

глаголы, которые передают это субъективное отношение, причем они должны стоять в 1-м л. ед. ч. наст. вр.⁵ или употребляться только безлично (=униперсонально) в 3-м л. ед. ч. наст. вр. Методом сплошной выборки из произведений испанских писателей XX в. нам удалось выделить следующие глаголы модуса (приводятся в порядке сокращения их употребительности): *creo, me parece, digo, juro, estoy seguro, supongo, sé, aseguro, no creo, veo, pienso, espero, no dudo, no estoy seguro, me imagino, temo, sospecho, no veo, afirmo, dudo, no espero, garantizo, estoy convencido*. Глагол *creo* является наиболее употребительным.⁶ Доказательством того, что эти глаголы выражают модальность высказывания, является возможность их замены модальными словами при сохранении значения высказывания: *Cuando me has llamado supongo que es para dictarme lo que ya tienes pensado tú* (Corona, 42). → *Cuando me has llamado, a lo mejor, es para dictarme lo que ya tienes pensado tú*. No; recordaba una canción de estudiantes... con unos ojos de esmeralda, y un nido escondido a la orilla del río. Pero **estoy segura** de que no puede referirse a ti (Corona, 46). → **Pero, sin duda alguna**, no puede referirse a ti; pero, **seguramente**, no puede referirse a ti.

II. ФЛЕКТИВНЫЕ (МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ) СПОСОБЫ

К ним относятся четыре модально-временные формы испанского глагола: *futuro simple* и *futuro compuesto*, *condicional simple* и *condicional compuesto*. Все эти формы выражают только модальность вероятности, предположения (проблематическую достоверность).

1. *Futuro simple* служит для выражения действия вероятного, возможного, которое совпадает с моментом речи: — *No se preocupe, en alguna parte **habrá** un mundo con tiempo para todo* (Ritmo, 21).

2. *Futuro compuesto* служит для выражения действия возможного, вероятного, которое предшествует моменту речи: *Sabe Dios lo que **habrá** sufrido el angelito* (Mar. Br., 366).

3. *Condicional simple* в качестве одного из способов выражения проблематической достоверности указывает на какое-либо действие, одновременное с другим действием, в общем контексте прошедшего времени (*Ahora **serían** ya las ocho y media y todavía no había cenado* — Сг. А., 116), либо на действие, предшествующее моменту речи, в общем контексте настоящего времени, и тогда эта форма синонимична форме *Futuro compuesto* (— *Pero si yo lo sentí marchar a eso de las cuatro. — No **sería** él.* — В. А., 36).

4. *Condicional compuesto* служит для выражения субъективной оценки малой вероятности в отношении какого-либо действия в прошлом, предшествующего другому прошедшему действию или моменту в прошлом: *Cuando Paco quiso recuperarlo,*

su padre le dijo que era inútil porque las alimañas salvajes lo habrían matado ya (Mosén, 13).

III. ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ (АНАЛИТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ПЕРИФРАЗЫ)

Для выражения предположения (проблематической достоверности) употребляются следующие *описательные конструкции*: “deber+infinitivo”, “deber+infinitivo compuesto”, “deber de+infinitivo”, “haber de+infinitivo”: Un bicho raro **debí parecer** al día siguiente entre tantas mesas y tantos papeles, pues me miraban como extrañados todos (Germ., 36); ...el niño — nadie sino Dios, que está en lo alto, supo nunca exactamente cómo fue — **debió de caerse**, o resbalar, o perder pie, o marearse, el caso es que se lo llevó la corriente y se ahogó (Mar. Br., 366); He recibido una carta de Lucía. Me notifica que se casa mañana. Es una carta que **debe haber escrito y roto** muchas veces (Ritmo, 257).

Изложенное выше можно обобщить в следующей таблице.

Таблица 1. Способы выражения модальности высказывания в испанском языке

Категорическая достоверность	Модальные слова Модусные глаголы	cierto, naturalmente, claro, sin duda estoy seguro, no dudo, afirmo
Проблематическая достоверность	Модальные слова Модусные глаголы Модально-временные формы глагола Аналитические глагольные перифразы	probablemente, acaso, quizá, tal vez creo, me parece, supongo, dudo futuro simple, futuro compuesto, condicional simple, condicional compuesto deber de + inf., deber + inf., deber + inf. compuesto, haber de + + inf.

В табл. 1 перечислены лексические, морфологические и лексико-синтаксические способы выражения модальности высказывания. Обращает на себя внимание тот факт, что среди способов выражения модальности высказывания отсутствуют формы *subjuntivo*. Исследованный материал показал, что способов выражения проблематической достоверности в испанском языке значительно больше, чем способов выражения категорической достоверности, и что эти способы более грамматизованы. Категорическая достоверность выражается только лексически, в то время как для выражения проблематической достоверности используются и морфологические, и лексико-синтаксические способы.

Чтобы ответить на вопрос, какие из средств выражения модальности высказывания составляют ядро грамматико-лексического поля, а какие находятся на его периферии, был про-

веден количественный анализ нескольких текстов, результаты которого представлены в табл. 2.

Таблица 2. Употребительность различных способов выражения модальности высказывания

Автор и название произведения	К-во примеров	Модальные слова	Модусные глаголы	Модально-временные формы	Аналитические глагольные перифразы
R. J. Sender. Cr. A.	118	70 (59)*	11 (9)	21 (18)	16 (14)
A. Grosso. Germ.	57	19 (33)	8 (14)	19 (33)	11 (20)
M. Delibes. 5h.	358	168 (47)	35 (10)	145 (40)	10 (3)
A. Casona. Corona.	43	8 (18)	7 (17)	23 (53)	5 (12)
F. García Lorca. B. A.	41	12 (30)	5 (12)	19 (46)	5 (12)
A. Buero Vallejo. Aventura	126	70 (55)	11 (9)	39 (31)	6 (5)

* В скобках указаны проценты.

Данные табл. 2 позволяют прийти к выводу, что в количественном отношении ни один из способов выражения модальности высказывания не является предпочтительным перед другими. Общепринятое мнение о том, что основной способ выражения модальности высказывания — модальные слова, не подходит для испанского языка и в нашей выборке опровергается количественным анализом пьес А. Касоны и Ф. Гарсиа Лорки. Таким образом, грамматико-лексическое поле модальности высказывания характеризуется отсутствием ядра поля. Среди средств, выражающих эти значения, не может быть выделено доминанты.

СОКРАЩЕНИЯ

- Aventura — Buero Vallejo A. Aventura en lo gris. Madrid, 1964.
 B. A. — García Lorca F. La casa de Barnarda Alba. La Habana, 1969.
 5h. — Delibes M. Cinco horas con Mario. Moscú, 1979.
 Corona — Casona. Corona de amor y muerte. New York, 1960.
 Cr. A. — Sender R. J. Crónica del alba. La Habana, 1968.
 Germ. — Grosso A. Germinal y otros relatos. Barcelona, 1963.
 Mar. Br. — Cela C. J. Marcelo Brito. — Cuentos españoles. La Habana, 1976.
 Mosén — Sender R. J. Mosén Millán. Boston, 1966.
 Ritmo — Martín Gaité C. Ritmo lento. Barcelona, 1963.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, с. 140—157.

² Термины «объективная» и «субъективная» модальность используют в своих работах М. С. Гурьчева, М. Докулил, Ю. С. Маслов, А. Б. Шапиро, Н. Ю. Шведова и другие исследователи. Сами термины не представляются нам удачными, так как любая модальность субъективна, это всегда отноше-

ние субъекта высказывания к содержанию высказывания. Более удачные термины ввела в обиход М. К. Сабанеева, обозначив «объективную» модальность как «модальность глагольного действия», а «субъективную» модальность как «модальность высказывания». В дальнейшем мы будем пользоваться этими терминами (Сабанеева М. К. Генезис косвенных наклонений французского глагола. Л., 1981, с. 10—11; ср. также: Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971, с. 175—206; Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М., 1981, с. 143—148 и др.).

³ См., напр.: Zava dil B. Medios expresivos de la categoría de modalidad en español. — Ibero-Americana pragensia, 1968, año 2, p. 57—86.

⁴ Воркачев С. Г. 1) Модальные слова рациональной оценки современного испанского языка: Автореф. канд. дис. М., 1976; 2) К вопросу о модальных словах рациональной оценки в испанском языке. — В кн.: Вопросы грамматического строя языка. Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Торгеева, вып. 100. / Отв. ред. Л. И. Илья. М., 1976, с. 213—230.

⁵ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 297—299; Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976, с. 62—63.

⁶ Список модусных глаголов испанского языка составлен впервые. Не удалось встретить в литературе и списка модусных глаголов русского языка, поэтому нет сведений об их употребительности.

О. К. ВАСИЛЬЕВА-ШВЕДЕ

ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ПИРЕНЕЙСКО-РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

(осложненное сказуемое и критерий его определения)

По мере разработки вопросов сравнительно-исторической грамматики на материале пиренейско-романских языков все большее значение приобретает изучение проблем нефлективной морфологии, или аналитического формообразования. За последние годы наше представление о природе и функционировании описательных глагольных конструкций в этих языках значительно углубилось, достигнуты некоторые положительные результаты в изучении полусвязочных и полувспомогательных глаголов и в их классификации и т. д. Однако в данной области лингвистической теории все еще остается ряд сложных нерешенных вопросов. Требуют уточнения, в частности, такие основные понятия нефлективной морфологии, как критерий грамматизованности и соотносительная степень грамматизованности тех или иных аналитических структур в родственных языках.

Для исследования грамматического строя пиренейско-романских языков изучение аналитического формообразования особенно важно потому, что их грамматическая теория складывалась под большим влиянием латинской традиции, в результате чего она оказалась ориентированной не столько на своеобразие самих этих языков, сколько на язык-основу, представляющий принципиально иной тип языковой структуры. Пре-

одоление результатов этого влияния, объективное освещение языковой действительности, выявление собственных закономерностей неолатинских языков — таковы первоочередные задачи и непременные условия их плодотворного изучения.

По вопросу о так называемых описательных (перифрастических) конструкциях в романских языках имеется обширная литература, но склонность большинства зарубежных исследователей изучать тончайшие оттенки значения глагольных конструкций, не пытаясь определить степень их грамматизованности, мало способствует уточнению характеристики грамматического строя того или иного языка.

При чрезвычайном богатстве в испанском, португальском и в меньшей степени в галисийском и каталанском языках самых разнообразных сочетаний служебного глагола с одной из неличных форм (причастием, герундием, инфинитивом) в качестве смыслового компонента выделение из их числа грамматизованных конструкций — новых аналитических форм — оказалось чрезвычайно важным не только для изучения морфологии пиренейско-романских языков и вопроса о перестройке модально-видо-временной системы их глагола,¹ но и для синтаксиса предложения.

Итоги применения критерия грамматизованности, хотя и требующего еще уточнения в процессе распределения перифрастических глагольных конструкций в испанском и других пиренейско-романских языках на грамматизованные (аналитические формы) и неграмматизованные (лексико-синтаксические), явились одним из главных факторов классификации сказуемого, определения его структурных типов и особенно помогли в постановке и решении вопроса об «осложненном» сказуемом в каждом из пиренейско-романских языков.

Выявление общетипологических закономерностей процесса грамматизации делает необходимым рассмотрение каждого явления в его взаимодействии со всей системой данного языка.² При этом должно учитываться национальное своеобразие изучаемого языкового материала, которое обуславливает специфику даже внешне сходных явлений близкородственных языков.

Признавая общепринятое деление сказуемого на два основных типа — глагольное и именное, целесообразно различать в каждом из них простое и составное, особо выделив сказуемое переходного типа. Основанием для признания в пиренейско-романских языках именного сказуемого со связкой *ser* (катал. *ésser*) или *estar* простым может служить его соотнесенность с простым глагольным сказуемым, выраженным аналитическими формами.

Существует ряд признаков, свидетельствующих о том, что оба вида сказуемых представляют собой грамматизованное (морфологизованное) аналитическое единство: служебные компоненты, выраженные глаголом в личной форме как в гла-

гольном (вспомогательный глагол), так и в именном сказуемом (связка *ser* или *estar*) своими формальными показателями (наклонения, времени, вида, лица, числа) осуществляют грамматическое согласование и передают отнесенность признака к субъекту; утратив полностью свое лексическое значение, они превращаются в грамматический формант. Носителем вещественного значения (смысла предикации) являются второй компонент (одна из неличных форм) в аналитической форме глагольного сказуемого и именная часть (предикатив) в именном. Сочетание обоих компонентов в том и другом сказуемом характеризуется грамматической неразложимостью, единством и устойчивостью грамматического значения, присущего каждому из данных сочетаний в целом, словом, всеми признаками грамматизованности.

На базе основных («исходных») форм всех структурных типов сказуемого, как глагольного, так и именного в испанском и португальском языках могут быть образованы осложненные их формы.³ Характеристика «осложнения» сказуемого, а тем более целесообразность выделения «осложненного» сказуемого в качестве структурного подтипа зависит от специфики того или иного языка. Не слишком большая, но все возрастающая (что чрезвычайно важно) употребительность в испанском и португальском языках «осложненных» форм сказуемого заслуживает пристального внимания исследователя. В этой склонности к «осложнению» сказуемого проявляется на синтаксическом уровне одна из общих закономерностей развития грамматического строя пиренейско-романских языков, связанная с нефлексивной морфологией. Однако в каталанском и галисийском литературных языках с их менее отработанной и устойчивой формой соответствующая закономерность реализуется менее интенсивно.

Не только способность, но и склонность пиренейско-романских языков к «осложнению» средств выражения сказуемого путем многозначного совмещения различных описательных глагольных конструкций способствует тому, чтобы сделать формы сказуемого — организующего центра предложения (на структурно-синтаксическом уровне) — гибкими и точными, способными адекватно отражать усложняющуюся действительность, обеспечить языку возможность служить все более совершенным средством общения между людьми, средством выражения их мыслей и чувств.

Структурный тип осложняемого — «исходного» — сказуемого определяется характером сочетания его основного компонента (основного «ядра» сказуемого) — носителя смысла, каким является неличная форма в глагольном сказуемом и именная часть (предикатив) в именном сказуемом, со служебным компонентом.

При «осложнении» сказуемого, осуществляемом путем вы-

ражения его служебного компонента двумя или более совмещенными однотипными или разнотипными конструкциями (двумя грамматизованными, грамматизованной и лексико-синтаксической, лексико-синтаксической и грамматизованной, двумя лексико-синтаксическими и т. д.⁴), структурный тип «исходного» сказуемого должен сохраняться, поскольку «осложнение» формы сказуемого влечет за собой изменение не содержания предикации (предикативного признака, сообщаемого субъекту), а характера предикирования, приобретающего в результате «осложнения» лишь дополнительные (видовые, временные и модальные) оттенки его грамматического значения. Основное же содержание сказуемого, выраженное его смысловым компонентом, остается неизменным.

Примером осложнения простого *глагольного* сказуемого может служить следующее предложение: исп. *Vas a tener que ponerte a trabajar* (Pío Baroja, 67), в котором осложнение служебного компонента исходной формы простого глагольного сказуемого *ponerse a trabajar* осуществлено путем слияния трех аналитических форм: временной *ir a*+инфинитив (*vas a tener que*), модальной *tener que*+инфинитив (*tener que ponerte a*) и видовой *ponerte a*+инфинитив (*ponerte a trabajar*). В результате совмещения общих элементов образовалась слитная модально-видо-временная форма, выражающая осложненное простое глагольное сказуемое, обозначающее необходимость совершить действие. Основное грамматическое видовое значение начала действия (*ponerte a trabajar*) осложнено дополнительными грамматическими значениями его совершения (*tener que ponerte a trabajar*) в ближайшее время (*vas a tener que ponerte a trabajar*). Осложненное сказуемое остается простым глагольным сказуемым.

В португальском примере: *A resposta, afinal, terá de ser dada pelo novo homem e não já por nós* (Namora, 108) — осложнение происходит в результате совмещения двух грамматизованных конструкций: модальной аналитической формы *ter de*+инфинитив и пассивной аналитической формы *ser*+причастие: *terá de ser*+*ser dada*>*terá de ser dada*. «Исходная» форма простого глагольного сказуемого в осложненном сказуемом приобретает в этом случае дополнительное модальное значение, сохраняя свою принадлежность к структурному типу простого глагольного сказуемого, но с осложненными формами.

Аналогичное явление мы наблюдаем в галисийском: *Con-teille a verdade e dixome o que xa eu sabía: tiña que ser recra-mado por algun parente* (Neira Vilas, 25) и в каталанском языке: *Van haver d'entrar l'un darrera l'altre. Arnau va asseu-ge's a temps de veure les darreres convulsions de Serranilla a l'escenari* (Jornada, 118).

Примером осложнения простого *именного* сказуемого (со связкой *ser* или *estar*) могут служить следующие предложения:

исп. La mujer... *resultó ser...* Dolores Vélez (Goytisolo, 29), португ. Aqueles assombrosos exemplos sobre a divulgação do livro... *poderão deixar de ser assombrosos* para nós (Namora, 431), галис. Bos Aires *tiña que ser meu* (Neira Vilas, 90) и катал. ... *començaven a ser tangibles* els fruits d'un important treball collectiu (Presencia, 1977, N 491).

В португальском предложении происходит слияние трех самостоятельных конструкций: *poder+deixar; deixar de ser; ser assombrosos* > *poder deixar de ser assombrosos*. С помощью такого слияния происходит осложнение исходной формы простого именного сказуемого, которое приобретает дополнительный модально-каузативный оттенок. В галисийском осложнение сказуемого модальной конструкцией помогает выразить оттенок долженствования. В каталанском в результате осложнения связки лексико-синтаксической конструкцией предикация приобретает дополнительное значение начинательности.

Сопоставительное исследование материала пиренейско-романских языков позволяет в качестве предварительных выводов отметить общую для всех этих языков тенденцию к осложнению преимущественно простого сказуемого, как глагольного, так и именного, с той разницей, что простое глагольное сказуемое более склонно осложнять свой служебный компонент путем его совмещения с грамматизованной конструкцией, чем именное. Составное же сказуемое, как глагольное, так и именное, осложняется с помощью лексико-синтаксических конструкций с большой избирательностью полувспомогательных глаголов. Его осложнение наблюдается в среднем в два раза реже, чем осложнение простого сказуемого.

Признавая, что осложнение формы сказуемого происходит в основном за счет осложнения его служебного компонента, в результате совмещения двух (или более) конструкций, нельзя недооценивать вероятность наличия некоторых специфических форм «осложнения» и основного (смыслового) компонента сказуемого — одной из неличных форм в глагольном сказуемом и присвязочного члена (именной части) именного сказуемого, что требует специального рассмотрения.

Выявленная тенденция к образованию осложненных форм сказуемого является общей для пиренейско-романских языков, характеризуемых генетической общностью и единством типа языковой структуры, но ее реализация отражает своеобразие языковой системы каждого из этих языков, обусловленное спецификой их формирования и исторического пути.

СОКРАЩЕНИЯ

- Goytisolo — Goytisolo J. La isla. La Habana, 1962.
Jornada — Jornada C. A. Una mena d'amor. Barcelona, s. a.
Namora — Namora F. O homem disfarçado. Lisboa, s. a.
Neira Vilas — Neira Vilas. Historias de Emigrantes. La Coruña, 1978.
Pío Baroja — Pío Baroja. Aurora Roja. La Habana, 1965.

¹ Васильева-Шведе О. К. О пути перестройки грамматик пиренейско-романских языков. — В кн.: Теория языка. Методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня рождения Льва Владимировича Щербы / Отв. ред. Р. И. Аванесов. Л., 1981, с. 52—58.

² Gougenheim G. Etude sur les périphrases verbales. Paris, 1929; Штейнберг Н. М. Сложные глагольные конструкции во французском языке: Автореф. канд. дис. Л., 1956; Степанова А. Н. Преморфологические единицы французского языка. Минск, 1975; Бурло В. Д., Латышева Р. Г., Степанова А. Н. Сложное сказуемое в современном французском языке. Минск, 1979, и др.

³ Не осложняются лишь синтетические формы простого глагольного сказуемого.

⁴ Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В. Теоретическая грамматика испанского языка. Синтаксис предложения. М., 1981, с. 61—164.

А. М. ГАХ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГАЛИСИЙСКОГО В СРАВНЕНИИ С ИСПАНСКИМ И ПОРТУГАЛЬСКИМИ ЯЗЫКАМИ

Автономная область Галисия входит в состав Испании и расположена на крайнем северо-западе Иберийского полуострова. На юге она граничит с Португалией, а на востоке отделена от Кастилии Леоном и Астурией. Население Галисии превышает 2,5 миллиона человек.¹

В древности эта область была заселена племенем галлеков (Gallaeci) — отсюда и название Галисия. До римского завоевания (II в. до н. э.) для интересующего нас региона большое значение имел кельтский субстрат (галисийцы считают себя прямыми потомками кельтов). Следы этого элемента встречаются в целом ряде топонимов (Betanzos, Braga, Coimbra, Соги́а и др.), а также в таких именах существительных, как *alpendre, berce, bico, billa, camiño, touciño* и др. К сожалению, мы очень мало знаем о том, что представлял собой дороманский субстрат, на какую почву попала разговорная латынь и что собой представлял сам латинский язык в период романизации Иберийского полуострова. После падения Римской империи (V в.) на полуостров вторгаются племена аланов, вандалов и свевов, причем территория Галисии стала основным ядром государства свевов. Однако ни вестготы (визиготы), ни последовавшее за ними арабское нашествие не повлияли серьезным образом на структуру языка этого района. Существует мнение, что, отделив Иберийский полуостров от остальной части Римской империи, вестготы и арабы лишь содействовали архаизации и некоторому консерватизму местного латинского языка.² Примерно в VIII в. начинается процесс фраг-

ментации латыни на Иберийском полуострове, и постепенно формируются такие ареалы, как каталанский, арагонский, кастильский, астурийско-леонский и галисийско-португальский.

После победы над арабами в 718 г. короли Астурии подчинили себе Галисию. Затем в 1065—1072 гг. она становится независимым королевством. В дальнейшем Галисия была присоединена к Кастилии.

В ходе исторических событий на северо-западе Иберийского полуострова к XII в. сформировался единый галисийско-португальский язык. Он представлен лирической поэзией XII и XIII вв., которая явилась своеобразным образцом поэтического языка для Испании того времени.³

Каковы же отличительные черты этого языка по сравнению с кастильским? (Термин «кастильский» в дальнейшем мы будем использовать только по отношению к староиспанскому языку.) На первый взгляд галисийско-португальский язык может показаться более архаичным и консервативным, чем кастильский. Например, в области фонетики:

1. Сохранение латинских ударных (ě) и (ǫ), в то время как в кастильском они дифтонгизировались: *petra* — *pedra* (каст. *pie-dra*).

2. Сохранение начального латинского (f): *folia* — *folla* (каст. *hoja*).

3. Переход позднелатинского (ai) в (ei): *caballairu* — *cabaleiro* (каст. *caballero*).

4. Наличие латинской группы (mb), которая в кастильском редуцируется в (-m-): *lumbu* — *lombo* (каст. *lomo*).

Однако наравне с очевидным консерватизмом галисийско-португальского в некоторых аспектах он пошел гораздо дальше кастильского в своем развитии:

1. Выпадение латинских интервокальных -l-, -n-: *dolor* — *dōor* — *dor* (каст. *dolor*), *ponere* — *pōer* — *por* (каст. *poner*). Потеря этих двух согласных, появление носовых гласных придали галисийско-португальскому особый характер, сильно отличающий его от кастильского и каталанского. Причем выпадение (l) распространилось и на определенный артикль (o, a), (каст. *el, la*) и в дальнейшем на неударную форму личных местоимений (o, a) (каст. *lo, la*).

2. Палатализация групп латинских согласных -cl-, -fl-, -pl- началась именно в галисийско-португальском и затем продолжилась в кастильском: *clavis* — *chave* (каст. *llave*), *flama* — *chama* (каст. *llama*), *plenus* — *cheio* (каст. *lleno*).

В области морфологии и синтаксиса для галисийско-португальского характерно наличие спрягаемого инфинитива, согласной (d) во 2-м л. мн. ч.: *cantades, partides* во всех временах, употребление глг. *ter* в качестве основного вспомогательного глагола и целый ряд других особенностей. Наличие в предложении одновременно двух отрицаний подряд: *ninguén non co-*

хранилось в португальском языке Бразилии до настоящего времени, особенно в разговорной речи.

На протяжении XII—XIV вв. существовала общая для Португалии и Галисии литература, общий язык. Затем происходит политическое разделение этих двух народов: Португалия становится самостоятельным государством, а Галисия входит в состав Кастилии. Португальский язык развивается самостоятельно вокруг Коимбры и Лиссабона, а Галисия теряет свою письменность вплоть до XIX в. Будучи изолированным от португальского, галисийский, существуя главным образом в устной форме, на протяжении почти четырех веков развивался самостоятельно в условиях билингвизма.⁴ Но различия между кастильским и галисийским настолько существенны, что не могло быть и речи об ассимиляции последнего, об изменении его структуры. Возможно, этому способствовал тот факт, что между галисийским и испанским территориально располагался леонский диалект.

В середине XIX в. начинается возрождение галисийской литературной традиции. Появляется целая плеяда замечательных писателей, таких, как Фрай Мартин Са́рмиенто, Мануел Куррос Енрикес, Мануел Антонио Мартинес Мурхия, Росалия де Кастро, Эдуардо Пондал, Алфредо Браньяс, Рамон Кабанильяс, Антон Вилар Понте, Висенте Риско, Алфонсо Родригес Кастелао, Бланко Амор и др. Все они пытаются внести свой вклад в формирование галисийской литературной нормы.

Что же представляет собой современный галисийский язык?⁵ В какой степени он отошел от португальского? Какое влияние оказал на него испанский язык?

В области фонетики следует отметить, что система галисийских гласных намного проще португальской: в первой — 7 фонем, во второй — 12. Безударные гласные в галисийском менее отчетливы, чем в испанском, но не редуцируются, как в португальском. Конечное *o* всегда закрыто, но не переходит в *u*, как в португальском. В современном галисийском остались только следы назализации гласных. В этом отношении он приблизился к испанскому языку и отошел существенно от португальского, в котором отмечается самое большое количество носовых звуков среди романских языков.

Так как согласный *n* составляет слог с предшествующей гласной, то при разделении слогов ставится немое *h*, причем предшествующая гласная становится носовой. Это относится прежде всего к неопределенному артиклю ж. р. *unha*, а также местоимениям *algunha*, *ningunha*. Глагольные формы, оканчивающиеся на *-n*, после которых следуют личные местоимения *o*, *a*, ассимилируют историческое *l* этих местоимений: *fan-los* = *fan-nos* = *fanos* (исп. *los hacen*). При этом предшествующая гласная назализируется.

Система согласных в галисийском отличается от испанского

лишь отсутствием фонемы [x], в испанском она изображается при помощи g, j, у. Все остальные согласные близки к испанским и в значительной степени отличаются от португальского. Так, например, в галисийском существует интердентальная фонема [θ], составляющая оппозицию [s]. Сочетание ch звучит как испанский [č], а не как португальский [š]. Согласные b и v в галисийском не различаются в произношении (в португальском существует лабиодентальный звук [v]), в отличие от португальского галисийское s произносится, как в испанском (апикально-альвеолярный глухой).

Помимо этого в области фонетики наблюдаются следующие различия: а) галисийское [l] сходно по своему звучанию с испанским, в то время как в португальском [l] всегда твердое (ср. русское «лодка»); б) португальский интервокальный звонкий [z] в галисийском и испанском переходит в глухой [s]: порт. [kaza], галис. и исп. [kasa]; в) португальское [s] перед глухими согласными и в конце слова звучит как [š], в то время как в испанском и галисийском оно является глухим [s]: порт. [kašta], исп. и галис. [kasta].

Из сказанного становится очевидным, что в системе консонантизма влияние испанского особенно сильно. В результате этого современный галисийский ближе по своему звучанию к испанскому языку.

Среди морфологических особенностей следует отметить следующие:

1. Бóльшая часть существительных в галисийском языке того же рода, что и в испанском. Исключение составляют существительные, оканчивающиеся на -axe, которые, подобно португальскому, являются существительными женского рода: a viaxe (исп. el viaje), a mensaxe (исп. el mensaje) и т. д. Также к женскому роду относятся существительные, оканчивающиеся на -or: a cor (исп. el color), a dor (исп. el dolor) и т. д. К мужскому роду, как и в португальском, относятся: o cárcer (исп. la carcel), o costume (исп. la costumbre), o leite (исп. la leche), o sal (исп. la sal) и др.

2. В отличие от испанского, существительные и прилагательные, оканчивающиеся на -l, во множественном числе меняют -l на -is, как в португальском: o animal — os animais (исп. los animales) и т. д.

3. В галисийском, в отличие от португальского и испанского, значительно упрощена система глагольных времен — полностью отсутствуют сложные формы. В индикатив входят: presente, imperfecto, perfecto, futuro, condicional. Подобно тому как это имеет место в португальском языке, в галисийском форма pluscuamperfecto на -ga осталась в индикативе. Конъюнктив включает: presente, imperfecto, futuro. Характерным только для галисийского являются: а) окончание на -en, -in в 1-м л. ед. ч. perfecto de indicativo: галис. andiven, порт. andei, исп. anduve;

галис. *partin*, порт. и исп. *parti*; б) окончание 2-го л. ед. и мн. ч. *perfecto de indicativo* соответственно на *-ches* и *-chedes*: галис. *partiches*, порт. и исп. *partiste*; галис. *partichedes*, порт. и исп. *partistes*.

4. Сугубо галисийскими являются слитные формы местоимения и наречий: галис. *ulo?*, порт. *onde está ele*, исп. *¿donde está él?*, галис. *dulo?*, порт. *de onde vem ele?*, исп. *¿de donde viene él?* и т. д.

5. Галисийская система личных местоимений ближе к португальской, чем к испанской:

галисийская система		португальская система		испанская система	
ударные	неударные	ударные	неударные	ударные	неударные
<i>eu</i>	<i>me</i>	<i>eu</i>	<i>me</i>	<i>yo</i>	<i>me</i>
<i>ti</i>	<i>te, che</i>	<i>tu</i>	<i>te</i>	<i>tu</i>	<i>te</i>
<i>el, ela</i>	<i>o, a</i>	<i>ele, ela</i>	<i>o, ã</i>	<i>él, ella</i>	<i>lo, la</i>
<i>nós</i>	<i>nos</i>	<i>nós</i>	<i>nos</i>	<i>nosotros</i>	<i>nos</i>
<i>vós</i>	<i>vos</i>	<i>vós</i>	<i>vos</i>	<i>vosotros</i>	<i>os</i>
<i>eles, elas</i>	<i>os, as</i>	<i>eles, elas</i>	<i>os, as</i>	<i>ellos, ellas</i>	<i>los, las</i>

Представление об особенностях галисийского языка по сравнению с двумя близкородственными языками может дать сопоставление небольшого фрагмента современного галисийского текста с его переводом на португальский и испанский языки:

Meu curmán Xerome³

— E logo que te trae pola vila? — *pergunteille...*

— Pouca cousa... Xa levaba días *cavilando* en verte, porque ti sabes que eu son carpinteiro...

— Ben sei que tes ese oficio, e tamen sei que *tes sona de facer* moi ben os carros e os xugos... *Venche* de casta, pois xa teu pai era un gran carpinteiro. Por eso lle chaman á vosa casa a "do carpinteiro".

Португальский вариант:

Meu primo Gerônimo

— E bem, que te traz à vila? — *perguntei-lhe.*

— Pouca coisa... Já levava dias *pensando* em ver-te, porque tu sabes que eu sou carpinteiro...

— Bem sei que tens esse ofício, e também sei que *tens fama de fazer* muito bem (os) carros e (os) jugos... *Vem-te* de casta, pois já teu pai era um grande carpinteiro. Por isso chamam à vossa casa a "do carpinteiro".

Испанский вариант:

Mi primo Jerónimo

— Y luego ¿que te trae a la villa? — *le pregunté.*

— Poca cosa... Ya llevaba días *pensando* en verte, porque tu sabes que yo soy carpintero...

— Sé muy bien que tienes ese oficio, y sé tambien que *tienes fama de hacer* muy bien los carros y los jugos... *Te viene* de casta, pues ya tu padre era un gran carpintero... Por eso la llaman a vuestra casa la "del carpintero".

Сопоставление галисийского текста и его переводов на португальский и испанский языки показывает, что в галисийском и испанском вариантах не совпадает место неударной формы личных местоимений по отношению к глаголу: галис. *pregunteille*, исп. *le pregunté*; галис. *venche*, исп. *te viene*. Из области лексики в данном отрывке представляет интерес глг. *cavilar*. В галисийском и испанском языках он имеет значение 'думать', а в португальском 'хитрить, лицемерить'. В галисийском тексте употреблено выражение *ter sôpa de* в значении 'быть знаменитым'. Насколько нам известно, ни в испанском, ни в португальском языке такого словосочетания не существует.

Итак, изучение галисийского языка в сопоставлении с испанским и португальским показало, что 1) по своему фонетическому звучанию галисийский ближе к испанскому, чем к португальскому языку, но что вместе с тем он сохраняет целый ряд присущих только ему особенностей; 2) в области как морфологии, так и лексики галисийский язык характеризуется определенным своеобразием по сравнению с каждым из двух территориально смежных с ним пиренейско-романских языков.

Обобщенные в настоящей статье результаты предварительного изучения материала позволяют наметить некоторые направления дальнейшего исследования:

1. Проблема однородности современного галисийского языка и возможность существования норм, регламентирующих те или иные явления.

2. Характеристика лексического состава галисийского языка.

3. Определение своеобразия синтаксиса галисийского в сравнении с португальским и испанским языками.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Enriquez Salido M. C., Fernandez Perez X. L. *Língua e Cultura Galega*. La Coruña, 1982, p. 283.

² Enriquez Salido M. C., Fernandez Perez X. L. *Língua Galega*. La Coruña, 1980, p. 9—11.

³ Pinheiro Torres A. *Antologia da Poesia Trovadoresca Galego-Portuguesa* (sécs. XII—XIV). Porto, 1977.

⁴ Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976, с. 144 и сл.

⁵ Вопрос о статусе галисийского является спорным. В настоящей статье, не касаясь сути этой проблемы, мы будем пользоваться термином «язык». Аргументы в защиту этой точки зрения см.: Васильева-Шведе О. К. К вопросу о галисийском языке.—Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1966, № 328, с. 23 и сл.; Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию. М., 1982, с. 11—12.

⁶ Moure Morino L. *Sempre matinando*. Galego 2. Santiago de Compostela, 1977, p. 51.

МЕДИАЛЬНАЯ ДИАТЕЗА И СИНКРЕТИЗМ
СТАРОИСПАНСКОГО ПРИЧАСТИЯ

При изучении староиспанских текстов обращают на себя внимание два момента:

1. Большая по сравнению с современным языком возможность взаимозамены причастия и прилагательного: *et erga ya movido con grand cavalleria por los yr acorrer* (PCG, 18, 52—54); *tembrar querie la tierra dond eran movedores* (Cid, v. 3619). В аналогичных контекстах использованы две разные формы — причастие *movido* и прилагательное *movedores*. Значение обеих форм совпадает, в сочетании с глг. *ser* они обозначают действие, производимое субъектом.

2. Более интенсивный, чем в современном языке, процесс субстантивации и адвербиализации причастия. В этот процесс вовлекались и те причастия, которые в современном языке подобной возможности не имеют: *Si autem strages (occisiones matatas) fecerint cristianorum* (Gl. Sil., 52); *Nembrete cuemo peches a Dário la mudada/De las ontas que fizo en la tu encontrada* (Alex., 70); *Auien buenos agujeros e buenos encontrados* (Ibid., 274); *como agora estades acercado de lo ver* (Conquista, I. 31 va, 8).

В приведенных примерах первые четыре подчеркнутых слова представляют собой субстантивированные формы, имеющие соответственно следующие значения: 'убийства', 'долг', 'встреча', 'встреченные люди'. В современном испанском языке ни одно из этих причастий не может употребляться как существительное. В последнем примере причастие *acercado* 'близко' эквивалентно наречию, ср.: *cerca estoy de me vengar* (Amadís, 138), где аналогичная синтаксическая позиция занята наречием *cerca* с тем же значением.

Языковой материал свидетельствует, таким образом, о том, что староиспанское причастие отличалось от современного большей близостью к имени. Это наблюдение, в свою очередь, наводит на некоторые размышления относительно залоговой характеристики староиспанского причастия.

Проблема залога относится, как известно, к числу спорных и нерешенных проблем теории языка. Выделение залогов связано, в частности, с выяснением их семантической характеристики. Залог как семантическую категорию называют диатезой.¹ В диатезе находит выражение направленность процесса по отношению к субъекту и к границам сферы субъекта. Наиболее древнее в истории индоевропейских языков противопоставление активных и медиальных форм переходных глаголов в семантическом аспекте представляет собой противопоставление действия, переходящего на объект, лежа-

щий вне сферы субъекта (центробежный процесс), действию, замыкающемуся в сфере субъекта или переходящему на объект, лежащий в сфере субъекта (нецентробежный процесс). Появившийся на более позднем этапе истории индоевропейских языков страдательный залог характеризуется центростремительной направленностью процесса по отношению к субъекту и внешним характером субъекта по отношению к процессу.² Таким образом оказывается, что медий противопоставлен активу и пассиву отношением процесса к границам сферы субъекта.

Многие причастия, употребляющиеся в старониспанских текстах в значении, близком к адъективному, обозначают признак, являющийся результатом процесса, который не имеет выхода за пределы сферы субъекта. Так, в примерах: *Estades enfriada mas que la nief de la sierra* (LBAmor, 671); *posan las yentes descreidas* (Cid., 1631) — признак, выраженный причастной формой, не привносится субъекту извне и не распространяется на объект, находящийся вне сферы субъекта. Качественный признак субъекта, на который указывают формы *enfriada*, *descreidas*, возникает в результате тех процессов, которые происходят в субъекте безотносительно к их направленности. Так, возлюбленная холодна потому, что изменились ее чувства в силу либо каких-то внешних обстоятельств, либо, наоборот, тех процессов, которые происходят в ней самой (заболела, полюбила другого и т. д.); неверные люди, т. е. не имеющие «правильной» веры, также безотносительно к направленности процесса. Исходя из приведенного выше смыслового содержания залоговых оппозиций, значение указанных форм может быть определено как *медийальное*.

Сделанные наблюдения заставляют пересмотреть распространенную в испанистике точку зрения, в соответствии с которой семантическое развитие причастия в истории испанского языка характеризуется как движение от пассивного значения к активному,³ поскольку считается, что формы типа *leído*, *descreído* имеют наряду с пассивным активное значение и что число подобных форм возрастает в ходе языковой истории.

Целый ряд причастий, которые в современном языке имеют лишь пассивное значение, в старониспанский период с точки зрения направленности процесса по отношению к субъекту проявляли двойственность, т. е. наряду с центростремительным процессом указывали на замкнутость процесса в сфере субъекта: *Sueto fazer auien estauan ya falados* (Alex., 1537). Значение 'поговорившие', которое характеризует причастную форму в данном примере, в современном языке у причастия *hablado* отсутствует. Сохраняется только пассивное значение 'то, о чем говорили'. Следовательно, семантическая эволюция данных форм характеризуется движением от синкретизма значений к пассиву. Это наблюдение подтвердилось и при рассмотрении

списка причастий с активным значением, приведенного в грамматике А. Небрихи (1492). Ряд форм в современном языке не имеет значения, на которое указывал А. Небриха: *proveído el que provee*; *hablado el que habla*; *mirado el que mira*.⁴ Оказывается, что в процессе эволюции утрачивается не пассивное значение, а то значение, которое А. Небриха считал активным.

Изучение списка причастий, которые, по мнению А. Небрихи, имели активное значение, приводит к мысли о том, что речь шла о причастиях, образованных от глаголов, в лексическом значении которых заключена медиальность, т. е. глаголов, указывающих на процесс, ограниченный сферой субъекта, независимо от того, идет ли речь о причастиях переходных глаголов типа *leer* — *leído*, *mirar* — *mirado*, или непереходных типа *nascer* — *nacido*, *morir* — *muerto*. Поскольку рассматриваемые причастия обозначают как некое атрибутивное состояние процесс, который не имеет выхода за пределы субъекта, вывод о медиальном значении данных причастий представляется более справедливым, чем заключение об их активности.

Инактивность причастий типа *leído* подтверждается отсутствием у них активной прямообъектной валентности. Изучение их пассивной валентности показывает, что реализация того или иного значения причастия зависит от отнесенности к лицу или предмету, ср.: *carta leída* и *hombre leído*. Путь развития от латинского языка к современному испанскому для причастий рассматриваемого типа следующий:

lectum > *legitum	}	→ *habeo legitu(m) > he leído
		→ *carta(m) legita(m) > carta leída
		→ *homine(m) legitu(m) > hombre leído

Таким образом, форма *leído*, имевшая в классической латыни пассивное значение (центростремительная направленность процесса), в современном испанском языке имеет несколько значений: центробежная направленность процесса (*he leído*), центростремительная направленность процесса (*carta leída*), отсутствие значения направленности процесса (*hombre leído*). Возникает вопрос, идет ли речь о реализации различных значений одного и того же причастия или об омонимии форм? Близость причастий в сочетаниях типа *hombre leído* к прилагательным уже отмечалась в грамматической литературе.⁵ Изучение их функционирования в современном языке, которое показывает, в частности, отсутствие у них грамматического залогового значения, приводит к выводу об адъективации этих форм, а следовательно, и о наличии омонимии в данном разряде причастных форм переходных глаголов. В испанской грамматике неоднократно проводилось разграничение между причастием в сложном перфекте и другими употреблением данной формы. Необходимость этого сознавал еще А. Небриха,

обозначавший причастный компонент аналитического перфекта особым термином *nombre participial infinito*. И хотя А. Небриха, так же, как позднее А. Бельо, пользовался в данном случае терминологией, которая, с нашей точки зрения, не является удачной, само признание омонимии форм представляется правильным. Компонент аналитической глагольной формы, являющийся по происхождению причастием, отличается от причастия в других его употреблениях в современном языке и семантически, и структурно. Он характеризуется неизменяемостью морфологической формы. Именно это и позволяет говорить об омонимии причастных форм. Можно, по-видимому, признать, что и рассматриваемые употребления формы *leído* представляют собой омонимичные формы, из которых лишь одна (*carta leída*), обозначающая состояние как результат центростремительного процесса, сохраняет в современном языке статус причастия. А это значит, что причастие переходного глагола в современном испанском языке однозначно с точки зрения направленности процесса по отношению к субъекту, оно обозначает состояние как результат центростремительного процесса. Следовательно, пассивное значение — конечный, а не начальный этап семантической эволюции причастий переходного глагола в испанском языке.

Относительно того, как протекала эта эволюция и является ли омонимия указанных форм изначальной, представляется возможным высказать следующее соображение. Староиспанская конструкция *haber* + причастие отличалась от современной более низкой степенью грамматизации и синкретизмом значений (значение центробежного и центростремительного процесса).⁶ Причастие проявляло в данном случае синкретизм таким же образом, как и причастие в других функциях. Причастия переходных глаголов в сочетаниях типа *hombre leído* в плане функционирования не отличались от современного языка. Но статус данных форм мог меняться в результате тех изменений, которые происходили в самой системе. Очевидно, на раннем этапе развития испанского языка речь шла не об омонимии причастия, адъективированного причастия и компонента глагольной конструкции, а о причастии, реализующем различные значения в зависимости от лексического наполнения и контекста.

Истоки синкретизма исследуемой формы заключаются, вероятно, в том, что форма *participium perfecti passivi* в классической латыни была многозначной и указывала с точки зрения направленности процесса по отношению к субъекту на различные значения. Ср.: *hortātus* — центробежная направленность процесса, *constrūctus* — центростремительная направленность процесса. Стертость залоговых значений формы затрудняла их заимствование в условиях интенсивных языковых контактов, в которых происходило становление романских языков. Наибо-

лее устойчивым оказывалось, очевидно, значение, присущее данной форме независимо от лексического наполнения. Таким значением было «состояние как результат процесса безотносительно к его направленности». Диатезой, безразличной к направленности процесса по отношению к субъекту, является медиальная диатеза. Именно это значение и явилось, вероятно, исходным для испанского причастия.⁷

Существование в современном языке отглагольных форм типа *leído* в значении 'начитанный', которые не указывают на центростремительный процесс и могут считаться причастиями лишь по происхождению, следует, по-видимому, рассматривать как реликт более раннего языкового состояния.

СОКРАЩЕНИЯ

- Alex. — *El Libro de Alexandre*. — In: Biblioteca de Autores Españoles, t. 57. Madrid, 1864.
 Amadís — *Amadís de Gaula*, t. 1. La Habana, 1965.
 Cid — *Poema de Mio Cid* / Ed. y notas de R. Menéndez Pidal. Madrid, 1913.
 Conquista — *La gran conquista de Ultramar*. — In: Publicaciones del Instituto Caro y Cuervo, t. 51. Bogotá, 1979.
 Gl. Sil. — *Glosas Silenses*. — In: Menéndez Pidal R. *Orígenes del Español*. 2ª ed, t. 1. Madrid, 1929.
 LBAmor — Ruiz J. *Libro de buen amor*, t. 1. Madrid, 1967.
 PCG — *Primera crónica general* / Ed. R. Menéndez Pidal, t. 1. Madrid, 1906.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бенвенист Э. Активный и средний залог в глаголе. — В кн.: Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М., 1974, с. 185; Степанов Ю. С. Вид, залог, переходность: Балто-славянская проблема. I. — *Известия АН СССР. Сер. литературы и языка*, 1976, т. 35, № 5, с. 415.

² Гухман М. М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. Опыт историко-типологического исследования родственных языков. М., 1964, с. 8—11; Перельмутер И. А. *Общиневропейский и греческий глагол*. Л., 1978, с. 200—201.

³ Hanssen F. *Gramática histórica de la lengua castellana*. Buenos Aires, 1945, p. 258; *Esbozo de una nueva gramática de la lengua española*. Madrid, 1973, p. 495.

⁴ Nebrija A. *Gramática castellana*, vol. 1. Madrid, 1946, p. 81.

⁵ См., напр.: Roca Pons J. *Introducción a la gramática*, t. II. La Habana, 1966, p. 92.

⁶ Гашибаязова Л. А. О статусе конструкции *ser* + причастие в старониспанском языке. — *Вестн. Ленингр. ун-та*, 1981, № 2, с. 88—89.

⁷ Медиальный характер старониспанского причастия подтверждается также иной по сравнению с современным языком валентностью (Гашибаязова Л. А. Семантическое развитие и грамматический статус конструкции *ser* + причастие в испанском языке X—XVII вв.: Автореф. канд. дис. Л., 1981, с. 12—13).

ИРРЕАЛЬНЫЙ УСЛОВНЫЙ ПЕРИОД (на материале португальского языка)

Разделяя точку зрения В. З. Панфилова о наличии двух видов модальности — объективной, передающей характер отражаемых в содержании предложения объективных связей, и субъективной, передающей, с точки зрения говорящего, степень достоверности содержания предложения,¹ мы считаем целесообразным особо выделить ирреальную модальность как один из типов объективной модальности, получающий в португальском языке (как, вероятно, и в других романских языках) специальное грамматическое выражение.

Обозначение «ирреальный» обычно встречается в традиционной грамматике в применении к определенному типу сложно-подчиненных предложений — «ирреальный условный период». На логико-грамматическом уровне условный период соотносится с условным суждением.

Согласно традиционной логике условное суждение состоит из двух частей — основания, выражающего условие, и следствия, вытекающего из данного условия. Условное суждение считается истинным, если условие, выраженное в основании, с необходимостью влечет за собой утверждение о существовании явления, о котором говорится в следствии.² При этом вопрос о существовании или несуществовании объектов условного суждения в той конкретной ситуации, о которой идет речь, является несущественным и может оставаться открытым. Условное суждение — «Если вода при определенном давлении нагревается до 100°, то она закипает» — является истинным, независимо от того, была ли вода действительно нагрета до 100° в конкретной описываемой ситуации. Условное суждение будет истинным и в том случае, когда данное условие заведомо не имеет места — вообще или в той конкретной ситуации, о которой идет речь, если при этом оно связано со следствием необходимой связью и несуществование условия ведет к несуществованию следствия, например: «Если бы эта вода сейчас нагрелась до 100°, то она бы закипела».³ Условные суждения такого типа играют важную роль в ходе познания объективной действительности при опровержении ложных положений и установлении истины путем косвенного доказательства (доказательства «от противного»), состоящего во временном допущении истинности противоречащего суждения.⁴

В языке имеются особые средства для передачи обоих типов условного суждения. Условным суждением первого типа соответствуют так называемые реальные, второго — ирреальные условные периоды. В. З. Панфилов считает модальность, выражаемую ирреальным условным периодом, объективной модаль-

ностью неосуществившейся возможности.⁵ Мы будем называть объективную модальность этого типа, отражающую необходимую условно-следственную связь несуществующих объектов, «ирреальной модальностью», или, используя латинскую терминологию, «прееалис» (“modus irrealis”).

Таким образом, ирреальный условный период выражает находящиеся в обязательной необходимой связи друг с другом условие и следствие, не имеющие места вообще или в той конкретной ситуации, о которой идет речь, как в следующем примере: *Se no mar um homem matasse peixe como as palavras puxam lembranças, o mar ficaria vazio em poucos meses* (Redol, 51).⁶ Перед нами — заведомо неосуществимая ситуация. Эта абсурдная ситуация временно допускается с тем, чтобы подчеркнуть некоторые моменты действительности, важные для автора высказывания. В основе мыслительного процесса лежит «доказательство от противного». Иногда несуществование условия и следствия, выраженных ирреальным условным периодом, дополнительно подчеркивается контекстом: *Do mesmo modo procederia eu, Aleixo, se fosse da minha vida que se tratasse. Mas é do repouso, da felicidade e da vida dos entes mais queridos que tenho neste mundo...* (Alencar, 64).

До сих пор мы имели дело с положительным ирреальным условным периодом, однако или один из составляющих его компонентов (условие, следствие), или оба могут содержать сказуемое в отрицательной форме. Отрицание действия в ирреальном условном периоде имплицитно выражает его наличие в ситуации, о которой идет речь: *Os estudantes eram ricos ... porque se o não fossem, não vinham para ali* (Namora, 336).

Таким образом, в содержании ирреального условного периода условно-следственная связь преобразуется в отрицательную причинно-следственную в случае положительного условного периода и в положительную причинно-следственную связь в случае отрицательного условного периода.

Итак, модальным содержанием ирреального условного периода является следующее. Говорящий, твердо зная о несуществовании связанных необходимой условно-следственной связью объектов в описываемой ситуации, сознательно временно допускает противоречащее действительности существование этих объектов с целью познания истины путем «доказательства от противного».

В русском языке как в протасисе (условном предложении), так и в аподосисе (главном предложении — следствии) ирреального условного периода может употребляться одна и та же глагольная форма — сослагательное наклонение. В ряде романских языков в протасисе и аподосисе ирреального условного периода употребляются разные глагольные формы. В современном португальском языке условие выражается обычно формами прошедшего времени сослагательного наклонения (im-

perfeito, mais que perfeito do conjuntivo), следствие ирреального условия — формами кондиционала (*condicional simples, composto*), а также в разговорном стиле — формами имперфекта изъявительного наклонения (*imperfeito do indicativo*) в значении кондиционала.

Согласно нашим наблюдениям, наиболее употребительной моделью ирреального условного периода в современном португальском языке является следующая: *imperfeito do conjuntivo* — в протасисе, *condicional simples* (*imperfeito do indicativo*) — в аподосисе: “*se quisesse, faria (fazia)*”.

Ирреальный условный период типа “*se quisesse, faria*” относится к временному плану настоящего — будущего: — *Pois eu, se não estivesse aqui no serviço do senhor capitão, lhe contaria uma história...* (Alencar, 218). В тех случаях, когда временный план прошлого дается контекстом, возможно употребление простых форм (*imperfeito do conjuntivo, condicional simples*) в ирреальных условных периодах, относящихся к прошлому:⁷ *Do seu lugar Zé Maria apreciava-a. E ela sabia-o; se quisesse certificar-se, poderia, de resto, observá-lo através do espelho* (Namora, 313).

Что же касается ирреальных условных периодов со сложными формами (*mais que perfeito do conjuntivo, condicional composto*), то в них, видимо, выражается не столько действие, отнесенное к прошлому, сколько предшествующее, завершенное по отношению к основному временному плану высказывания: *Mas Silvio confiava (...)* *Se a tal rapariguinha macilenta, por exemplo, tivesse adivinhado nele o poeta, ter-se-ia comportado da mesma forma?* (Namora, 310).

Следовательно, модель “*se quisesse, faria (fazia)*” можно считать универсальной формой ирреального условного периода в современном португальском языке, независимо от временного плана.⁸

Вне сферы ирреалиса все входящие в данную модель глагольные формы «привязаны» к плану прошлого. Их временная нейтральность, способность одинаково обозначать настоящее, будущее, прошедшее действие при передаче необходимой условно-следственной связи несуществующих объектов, представляет собой специальное грамматическое выражение ирреальной модальности в португальском языке.

Ирреально-модальные отношения получают наиболее адекватное выражение в форме ирреального условного периода, однако эти отношения могут передаваться и другой синтаксической формой — ирреально-относительными, ирреально-сравнительными и другими предложениями.

Относительные придаточные предложения определенного типа по содержанию бывают очень близки к ирреально-условным. Ср.: *Quem o observasse nesse momento notaria a expressão de ternura com que seu olhar envolvia a pessoa de Justa*

(Alencar, 33). На русский язык предложения такого типа можно переводить условными: *Если бы кто-нибудь посмотрел на него...*

Ирреальная модальность, выражающая точное знание говорящего о несуществовании в описываемой ситуации объектов, связанных необходимой условно-следственной связью, и сознательное временное допущение их существования с целью познания истины путем доказательства «от противного», появляется в языке сравнительно поздно. Как указывает И. М. Тронский, в латинском сослагательном наклонении не только объединены два старых индоевропейских значения конъюнктива и оптатива, «но и заключено новое, не содержавшееся в прежних наклонениях значение заведомой недействительности (*irrealis*)».⁹

Это новое значение унаследовано романскими языками, выработавшими для его передачи особые грамматические средства. В португальском языке к таким средствам относится «вневременное», безразличное к временному плану высказывания, употребление глагольных форм *imperfecto* (*mais que perfeito*) *do conjuntivo* для выражения ирреального условия и *condicional*, а также, в разговорном стиле, *imperfecto do indicativo* для выражения следствия ирреального условия.

СОКРАЩЕНИЯ

Alencar	— Alencar J. de. O sertanejo. Porto, 1966.
Namora	— Namora F. Fogo na noite escura. Lisboa, 1961.
Redol	— Alves Redol. Uma fenda na muralha. Lisboa, 1976.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982, с. 164.

² Условное суждение, изучаемое традиционной логикой, не тождественно импликациям, изучаемой в математической логике. Импликация рассматривается как осмысленное высказывание и в том случае, если между ее частями не существует никакой содержательной связи (Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971, с. 169).

³ Таванец П. В. Суждение и его виды. М., 1953, с. 120—128.

⁴ Главной особенностью косвенного доказательства является то, что доказывается не тезис, а его отрицание — антитезис, причем доказательство устанавливает ложность последнего. Затем на основании закона исключенного третьего, согласно которому истинным оказывается одно из отрицающих друг друга суждений, заключают об истинности тезиса (Формальная логика / Отв. ред. И. Я. Чупахин, И. Н. Бродский. Л., 1977, с. 163).

⁵ Панфилов В. З. Гносеологические аспекты... с. 165.

⁶ Ср.: Цкитишвили Н. В. Условные предложения в современном испанском языке: Автореф. канд. дис. М., 1974, с. 4, 9.

⁷ Silva Dias A. E. Sintaxe histórica portuguesa. Lisboa, 1970, с. 196; Sten H. L'emploi des temps en Portugais moderne. København, 1973, с. 53—55; Никонов Б. А. Грамматика португальского языка. М., 1981, с. 242.

⁸ Следует отметить, что часто трудно установить, к какому именно временному плану относится ирреальный условный период. Для перевода на русский язык это не имеет существенного значения, поскольку в русском

языке в ирреальном условном периоде употребляются нейтральные во времени отношении формы сослагательного наклонения без какого-либо ущерба для смысла.

⁹ Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.; Л., 1953, с. 108.

Е. С. ЗЕРНОВА

ЭЛАТИВ В ЯЗЫКЕ СЕРВАНТЕСА

Центральное место среди проблем функциональной грамматики, ориентированной на изучение семантической стороны лингвистических явлений, занимает вопрос выделения и описания функционально-семантических полей (ФСП).¹

Выявление разноуровневых языковых единиц, специализирующихся на обозначении одного смысла, определение места, которое каждая из них занимает в структуре поля, рассмотрение их взаимодействия позволяют глубже проникнуть в существо изучаемого явления, составить более полное представление о взаимной связи различных уровней языковой системы.

Теория поля имеет особое значение для исторических исследований, поскольку, как отмечает А. В. Бондарко, «понятие ФСП дает возможность более адекватного комплексного, целостного подхода к явлениям разных языковых уровней, позволяет учитывать их взаимодействие в генезисе и развитии грамматических категорий».²

Важное место в системе функционально-семантических полей занимает группировка полей с количественно-качественным ядром, одной из составляющих которого является ФСП элатива. Лексико-грамматическая категория элатива, на основе которой выделяется данное ФСП, служит для передачи идеи безотносительно высокой степени качества.

Настоящая статья представляет собой попытку охарактеризовать средства передачи элативного значения в языке М. де Сервантеса.³ Выбор материала для исследования не случаен. XVII в. представляет собой важнейший этап в истории развития испанского литературного языка: это время, когда на основе кастильского диалекта формируется национальный язык, в котором закрепляются общие тенденции, характерные для современного его состояния. Язык Сервантеса не только в полной мере отражает эти тенденции, но и оказывает существенное воздействие на все последующее развитие литературного языка. Экспрессивность и эмоциональная насыщенность, характерные для стиля Сервантеса, определяют чрезвычайно широкое и разнообразное использование элативных образований в языке его произведений. Отраженная в языке социальная неоднородность персонажей писателя дает также возмож-

ность выявить некоторые закономерности в плане стилистической характеристики средств выражения элатива.

Анализ языкового материала, собранного методом сплошной выборки из текста романа «Дон Кихот» и «Назидательных новелл», позволил выявить следующие элативные модели (расположены в соответствии с частотой употребления):

Модель	К-во случаев	В % к общему количеству
Наречие (местоимение) + прилагательное	891	38,74
В том числе:		
muу	408	17,74
tan	355	15,43
cuán	33	1,43
todo	22	0,96
bien	17	0,74
наречия na-mente	12	0,52
qué	11	0,48
прочие	33	1,43
Прилагательное с суффиксом		
-ísimo	347	15,09
Tan + прилагательное + придаточное следствия	339	14,74
Прилагательное с элативным значением	298	12,96
Аналитические формы превосходной и сравнительной степени с элативным значением	220	9,57
Сравнительные обороты типа blanco como la nieve	80	3,46
Уступительные обороты типа por grande que sea	72	3,13
Прилагательное с уменьшительным суффиксом	11	0,48
Усложненные структуры с двумя и более показателями элативного смысла	14	0,61
Прочие модели	28	1,22
Итого	2300	100,00

Приведенные в таблице количественные данные дают возможность выделить центральный функциональный элемент поля элатива, относящийся к лексико-синтаксическому уровню языковой системы, — сочетание прилагательного с наречиями (местоимениями), обладающими усилительно-выделительным значением. Основанием для выделения такого рода сочетаний в качестве ядра ФСП элатива служит, с одной стороны, очень высокая употребительность данных построений, а с другой стороны, их стилистическая незакрепленность в языке Сервантеса. Не являясь носителями добавочных стилистических зна-

чений, наречия-интенсификаторы обладают функциональной универсальностью, которая обеспечивает возможность их употребления как в речи неграмотного крестьянина, так и в языке возвышенного стиля.

К рассматриваемым интенсификаторам относятся прежде всего наречия, которые по существу являются усилительными формантами и основная функция которых состоит в чисто «механическом» усилении меры признака.⁴ Лишенные качественного значения, такие наречия обладают широчайшим спектром сочетаемости, демонстрируя возможность присоединяться практически к любому прилагательному, значение которого поддается градации по степени качества. Это наречия *muу, tan, bien, cuán, sobremanera, en sumo grado, en demasía, de puro, de puro hartо, en (por) [todo] extremo, además* (в знач. «очень», «сверх всего»). В такой же функции выступают местоимения *qué* и *todo*. Например: *...es discreto y bien razonado y sobremanera honesto* (Novelas, 74); *...hermosa en todo extremo* (Ibid., 282); *Quiteria, toda honesta y toda vergonzosa...* (DQ, VI—62); *...era caritativo además* (DQ, VII—323); *... y qué buena y qué llana y qué humilde señora* (DQ, VII—259).

Остановимся подробнее на одном из наиболее устойчивых формальных коррелятов элативного значения в языке Сервантеса — наречии-кванторе *tan*.

Функция, которую выполняет квантор *tan* в сочетании с прилагательным, является прежде всего информативно-констатирующей и состоит в указании на высокую степень признака. Однако как любое элативное образование, отражающее субъективное представление автора высказывания о мере качества, такое сочетание обладает определенной эмоциональной окраской. Экспрессивность элативного построения с *tan* обусловлена еще и тем фактом, что в нем часто в большей или меньшей степени имплицитно содержится сравнение. Как известно, на базе *tan* образуется конструкция, служащая для обозначения равенства интенсивности качества: *tan grande como...* В значении, передаваемом этой конструкцией, отсутствует какая бы то ни была эмоциональная оценка, выражена лишь объективная констатация факта равенства объемов качества. Сообщение *Este libro es tan interesante como aquél* не подразумевает, что обе книги интересны. Обозначаемое фразой может одинаково предполагать как то, что книги интересны, так и то, что они, вполне допустимо, совсем не интересны. Однако не этот факт информативно значим для ситуации. Денотатом данного сообщения является объективное равенство количества признака.

Иное явление наблюдается в том случае, когда конструкция утрачивает второй компонент, вводимый союзом *como*. Лишаясь опоры на эксплицитно выраженный объект сравнения, *tan* приобретает значение высокой степени и определенную

экспрессивность, основанную на субъективной интерпретации говорящим меры качества. По существу, *tan* в этом случае является лексическим омонимом *tan* в эквативных конструкциях, ибо значение и функциональная наполненность этой формы в том и другом случаях различны. ...era demasiadamente cruel la dama que a *tan* claras verdades no correspondia (DQ, III—224).

Вместе с тем конструкция с усилительным *tan* часто подразумевает возможность сравнения. Так, приведенное выше атрибутивное сочетание можно рассматривать как эллипсис эквативной конструкции *tan claras verdades como éstas*, которая в результате утраты второго компонента преобразуется в элативную.

В языке Сервантеса довольно употребительны конструкции, которые могут быть интерпретированы как переходный тип от эквативной к элативной. По форме такие конструкции являются сравнительными, поскольку в них налицо присутствие обоих компонентов. Однако информативное содержание подобного рода построений несет в себе не столько сравнение, сколько выражение высокой степени, поскольку на референтном уровне субъект и объект сравнения идентичны: ...no es razón que yo esté a caballo y una *tan reverenda persona como vuestra merced* esté a pie (DQ, III—97).

Чисто интенсифицирующее значение, лишенное оттенка сравнения, приобретает наречие *tan* в тех случаях, когда оно сопровождается каким-либо детерминативом, особенно указательным местоимением: ...siendo medianera de ellos y sabedora aquella **tan** honrada dueña Quintañona, de donde nació aquel **tan** sabido romance (DQ, I—286).

Второе место по употребительности после наречий-интенсификаторов занимает в языке писателя морфологический способ образования элатива с помощью суффикса *-ísimo*. Для данной морфемы характерна широкая лексическая сочетаемость: круг прилагательных, к которым она может присоединяться, практически не ограничен. Иногда суффикс *-ísimo* употребляется с прилагательными, само значение которых содержит указание на высокую степень качества: *demasiadísimo*, *abundantísimo*, *extremadísimo* и т. п. На базе прилагательных с морфемой *-ísimo* легко образуются наречия на *-mente*: *tiernísimamente*, *estrechísimamente*.

Однако, несмотря на высокую частоту и широту употребления, формы на *-ísimo* не могут рассматриваться в языке Сервантеса как центральный элемент ФСП элатива, так как образования с *-ísimo* являются в языке XVII в. стилистически маркированными.⁵ Стилистическая закреплённость форм на *-ísimo* в произведениях Сервантеса проявляется в том, что употребляются эти формы в основном в речи автора или в той или иной степени образованных персонажей. Так, жена Санчо

Пансы, Тереза, неграмотная крестьянка, ни разу не употребляет суффикс *-ísimo*. Такое «пренебрежение» данной формой наблюдается и в речи других малообразованных героев Сервантеса. Санчо в первой части «Дон Кихота» присоединяет этот суффикс к основе прилагательного лишь в трех случаях, что составляет 2,7% от общего числа данных образований, зафиксированных в первой части романа. При этом все три раза Панса повторяет формы, употребленные ранее Дон Кихотом. В тексте второй части число подобных случаев возрастает, что может быть объяснено двумя факторами: во-первых, это общий рост количества форм на *-ísimo* во второй части романа, по времени написания оторванной от первой, что, очевидно, может свидетельствовать о дальнейшем распространении этих форм в языке; во-вторых — постепенное возрастание общей культуры речи Пансы, который перенимает обороты речи, свойственные его хозяину. Напротив, в речи Дон Кихота, особенно в его возвышенных монологах, количество форм на *-ísimo* довольно велико (22 в первой части и 35 во второй), хотя следует отметить, что первый раз прилагательное с *-ísimo* употребляется этим персонажем лишь в 17 гл. I части. Образования с *-ísimo* в XVII в. воспринимаются как культизм и обладают значительным стилистическим потенциалом, о чем свидетельствует их использование в целях достижения комического эффекта в сцене торжественного приема в замке герцога в 38 гл. II части романа, где Санчо в своем ответе донье Гореване, подражая выпренному тону приветственных речей, присоединяет *-ísimo* чуть ли не ко всем значимым словам.

Отмеченные стилистические особенности употребления форм на *-ísimo* позволяют говорить о том, что данный словообразовательный элемент, в отличие от кванторных наречий, не является в языке писателя универсальным средством выражения элативного смысла и в силу этого обстоятельства не может быть отнесен к ядру поля элатива.

Итак, мы выделили элементы, образующие ФСП элатива, и охарактеризовали наиболее употребительные из них в языке Сервантеса, представляющем испанский литературный язык на важнейшем этапе его исторического развития. Дальнейшее детальное исследование всех центральных и периферийных компонентов данного ФСП, их соположения и взаимодействия в структуре поля, а также анализ диахронических изменений внутри рассматриваемого ФСП от Сервантеса до наших дней дадут возможность глубоко и разносторонне охарактеризовать процессы развития категории элатива в испанском языке.

СОКРАЩЕНИЯ

- DQ — Cervantes M. de. El ingenioso hidalgo don Quijote de la Mancha. Madrid, 1911.
 Novelas — Cervantes M. de. Novelas ejemplares. Londres; Paris, s. a.

¹ «Функционально-семантическое поле — это двухстороннее (содержатель-но-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне» (Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983, с. 40).

² Там же, с. 89.

³ Насколько известно, специальных исследований поля элатива на материале испанского языка вообще и языка Сервантеса в частности не проводилось.

⁴ А. В. Вайшнорас называет сочетания прилагательных с аналогичными наречиями в итальянском и французском языках чисто количественными, в отличие от количественно-качественных сочетаний с наречиями на *-mente* (Вайшнорас А. В. Элатив прилагательного и лексико-синтаксические средства его выражения в современном итальянском и французском языке. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1978, № 2, с. 124).

⁵ Стилистическая маркированность данных образований обусловлена тем, что, будучи исконно латинской, морфема *-ísimo* практически не используется в испанском языке вплоть до конца XV в., когда она постепенно начинает проникать в норму языка (Jörgving R. El elativo en *-ísimo* en la lengua castellana de los ss. XV y XVI. — *Studia Neophilologica*, vol. XXXIV, 1962, p. 58).

К. В. ЛАМИНА

О КАТЕГОРИИ ЧАСТНОГО ОТРИЦАНИЯ В ИСТОРИИ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Грамматическая категория отрицания принадлежит, как известно, к числу наиболее общих языковых универсалий. Ее типологическое изучение, являющееся одной из важных задач современного языкознания, проводится на материале различных языков. В лингвистической литературе по вопросам отрицания в индоевропейских языках частное отрицание обычно противопоставляется отрицанию общему.¹

Проблема общего и частного отрицания, в русском языкознании впервые исследованная А. М. Пешковским,² весьма активно разрабатывалась на материале славянских и германских языков.³ Что касается испанской грамматической традиции, то можно сказать, что в зарубежные грамматики испанского языка деление предложений на обще- и частноотрицательные пока не проникло, несмотря на то, что границы общего и частного отрицания в испанском в ряде случаев оказываются размытыми и было бы естественно ожидать повышенного внимания грамматистов к этому вопросу.⁴ Известное внимание вопросу о частном отрицании в испанском языке уделяет Э. И. Левинтова, рассматривающая его с позиций теории актуального членения и в плане его сравнения с русской языковой нормой.⁵ Некоторые модели

испанского частного отрицания (в группе сложного сказуемого и при второстепенных членах предложения, выраженных причастием и инфинитивом) описываются в статье С. А. Ференец.⁶ Несмотря на наличие единичных работ и фрагментарные сведения, рассеянные в общих и частных грамматических трудах, можно сказать, что изучению категории частного отрицания не уделялось достаточного внимания не только в испанском, но и в других романских языках. Отсутствует полное описание языкового материала, не выяснены причины устойчивости частного отрицания в испанском языке, несмотря на отмечаемую многими авторами тенденцию отрицать в первую очередь глагол-сказуемое и лишь через него — другие члены предложения.⁷ До сих пор даже не ставился вопрос об истории развития частного отрицания в романских языках и динамике его соотношения с общим отрицанием, с одной стороны, и с отрицательной префиксацией — с другой.

В настоящей статье мы исследуем факторы, способствовавшие сохранности частного отрицания в истории испанского языка. При этом в соответствии с распространенным мнением под общим отрицанием мы понимаем отрицание субъектно-предикативной связи в предложении, на которое указывает приглагольный отрицательный элемент, а под частным отрицанием — отрицание отдельного члена предложения, не влияющее на общую утвердительную номинацию события. Материалом исследования послужили около 1000 предложений, имеющих в своем составе частное отрицание, выраженное частицей *po*, и выделенных из самых разнообразных в жанровом отношении испанских текстов XII—XX вв.⁸ Их изучение показало, что, несмотря на явную тенденцию сближать отрицание с глаголом-сказуемым, частное отрицание как логическая и грамматическая категория остается устойчивым на протяжении всего этого периода. Предложения с так называемым асимметричным (смещенным) отрицанием, т. е. с приглагольным отрицанием, логически относящимся к какому-либо члену предложения и не затрагивающим субъектно-предикативной связи, занимают в испанском языке весьма скромное место и отмечаются в подавляющем большинстве случаев в грамматически определенных контекстах. Устойчивость частного отрицания на протяжении веков позволяет говорить о сохранении в испанском языке латинской тенденции отрицать посредством особой частицы не только высказывание в целом, но и отдельный его член, выраженный отдельным словом или словосочетанием. Однако, в отличие от латыни, отрицательная частица в испанском языке не входит в состав отрицаемого слова (как это исторически было в латинских местоимениях и наречиях типа *nemo*, *nullus*, *nunquam*, в глаголах *nequeo*, *nescio* и др.), а функционирует раздельно даже в тех случаях, когда сочетание с нею выражает единое новое понятие, а сама частица эк-

вивалентна отрицательному префиксу других языков или испанского языка более позднего периода. Судя по полученным данным, при наличии утвердительной субъектно-предикативной связи частное отрицание способно затрагивать как главные, так и второстепенные члены предложения. Употребительность отрицания при различных членах предложения неодинакова: на первом месте стоит отрицание определения (28,1% от общего числа примеров), затем следуют обстоятельство образа действия (12,1%), именная часть составного сказуемого (9,1%), подлежащее (8,9%), косвенное дополнение (8,6%), обстоятельство причины (7,5%), прямое дополнение (6,2%), обстоятельство цели (3,9%), времени (3,4%), условия (1%). Обстоятельства сравнения, уступки и обращение представлены единичными примерами (0,3% — 0,2%). Отрицаемые члены предложения с неопределенной функцией составляют 8,7%.

Для выяснения причин, способствующих сохранению частного отрицания, были исследованы такие параметры отрицаемых членов предложения, как их местоположение по отношению к глаголу-сказуемому: левая/правая позиция (этот показатель важен для определения того, в каком направлении распространяется интенция отрицания в испанском языке; высказывалось мнение,⁹ что интенция распространяется слева направо); наличие положительного противочлена, связанного с отрицаемым членом противительной связью; роль глагольности отрицаемого члена при формировании частного отрицания (а priori можно предположить, что любая глагольная форма, как личная, так и неличная, служит предикативным ядром, которое подвергается отрицанию в силу своей глагольности по законам полного предложения с финитным глаголом).

Анализ материала показал, что, если оставить в стороне предложения с асимметричным отрицанием типа *No es oro todo lo que reluce*, *No vive lejos de aquí*, позиция отрицательной частицы в испанском предложении (перед глаголом-сказуемым или другим членом предложения) позволяет сравнительно легко отграничить частное отрицание от общего.

Количественная обработка материала показала, что в 72% случаев в изученных испанских текстах частное отрицание располагается справа от глагола. Эта позиция особенно характерна для членов предложения, находящихся в тесной смысловой и синтаксической связи с глаголом-сказуемым, — прямого и косвенного дополнения, компонентов глагольного и именного составных сказуемых (91,8%, 93,6%, 100% и 96,6% правой позиции соответственно). Это, по-видимому, свидетельствует о нормативности правой позиции ударных членов предложения, заполняющих обязательные валентности глагола,¹⁰ и о важности правой позиции как средства дифференциации частного и общего отрицания.

Правая позиция факультативных обстоятельств превалирует

над левой: обстоятельство места — 73,7%, образа действия — 64,4%, цели — 67,6%, причины — 62,7%, но этот факт не столь показателен, так как, чем слабее синтаксическая связь с глаголом-сказуемым, тем свободнее местоположение частного отрицания, тем меньше возможность его смешения с общим отрицанием. Например ...*tengo una ocupación ...no lejos de aquí* (Galdós, 128); *No lejos de aquí vive una señora* (Clavijo, 482).

При изучении частного отрицания естественно возникает вопрос: почему члены предложения, связанные с глаголом тесными смысловыми связями и заполняющие его обязательные валентности, не лишаются логически принадлежащего им отрицания, не передают формально это отрицание глаголу в личной форме? Полученные данные свидетельствуют о том, что определяющую роль в сохранении частного отрицания играет фактор адверсативности, способствующий фиксации отрицания на том или ином члене предложения. В предложениях с противопоставлением отрицательная частица служит средством исключения актанта из положительно мыслимой ситуации. При наличии положительного противочлена глагол-сказуемое согласуется с ним, принимая утвердительную форму: ...*tú tienes la culpa e no yo* (Rojas, 36) ...*eran cosas que en rigor pueden venderse pero no comprarse* (Cortázar, 296) ...*entendió la palabra mas non la voluntad* (Alix. 1663); *Lázaro, de oy mas eres tuyo y no mío* (Lazarillo, 164) ...*fue por cálculo y no por flaqueza* (Galdós, Z. 45).

Подсчеты показали, что, чем теснее смысловая и синтаксическая связь того или иного члена предложения с глаголом-сказуемым, тем выше процент адверсативности (100% при отрицании второго компонента глагольного составного сказуемого, 60% — при прямом дополнении, 50,5% — при именной части именного составного сказуемого, 40,7% — при косвенном дополнении). Это означает, что для удержания частного отрицания при этих членах предложения требуется сильное синтаксическое средство — противопоставление однородных членов. Создание «адверсативных блоков», состоящих из положительного и отрицательного однородных членов, соединенных противительным союзом, препятствует сближению отрицания с глаголом, что легко происходит при тесной связи глагола в личной форме с его дополнением.

Важным фактором сосредоточения интенции отрицания на второстепенном члене предложения является глагольный характер данного члена, который был отмечен в 42% всех рассмотренных нами случаев. В примерах типа: *No salir es cobardía* (Góngora, 88); ...*los quales lo fazen a fin de non pelear* (Villena, 514); *a no sentir yo tanto dolor me riera de lo que decía* (Cervantes, 147) подлежащее, обстоятельства цели и условия выражены инфинитивом, который, будучи глагольной формой, сосредоточивает на себе отрицание, не передавая его

глаголу-сказуемому. Как видно из примеров, позиция отрицаемого члена предложения по отношению к сказуемому значения не имеет. Решающим является то, что член предложения выражен неличной формой глагола. Можно отметить, что, чем сильнее глагольность отрицаемого члена предложения, тем безразличнее его позиция по отношению к сказуемому, тем меньше она может служить средством дифференциации частного и общего отрицания. Показательно в этом отношении обстоятельство условия (100% глагольности и 70% левой позиции).

Данные, касающиеся подлежащего (35,6% левой позиции) на фоне прямого и косвенного дополнений и именной части составного сказуемого (5, 5 и 3% соответственно), говорят о сравнительно большей автономности этого члена предложения по отношению к сказуемому. Еще большей автономностью, а следовательно, и потенциальной способностью сохранить при себе частное отрицание отличается определение, в любом случае тесно связанное с определяемым словом и соотносящееся с глаголом-сказуемым не непосредственно, а через другие звенья речевой цепи.

Таким образом, устойчивость категории частного отрицания в истории испанского языка объясняется, по-видимому, взаимодействием трех основных факторов: глагольностью того или иного члена предложения, адверсативным характером связи между однородными членами предложения, а также характером синтаксической связи (обязательная/факультативная) между данным членом предложения и глаголом-сказуемым, находящей выражение в позиции отрицаемого члена относительно глагольного ядра предложения.

СОКРАЩЕНИЯ

Alix.	— Libro de Alixandre. Dresden. 1906.
Cervantes	— Cervantes Saavedra M. de. Don Quijote de la Mancha, t. III. Madrid, 1911.
Clavijo	— Clavijo y Fajardo J. Costumbristas españoles, t. 1. Madrid, 1964.
Cortázar	— Cortázar J. Cuentos. La Habana, 1964.
Galdós, C.	— Pérez Galdós B. Cádiz. Moscú, 1951.
Galdós, Z.	— Pérez Galdós B. Zaragoza. Moscú, 1953.
Góngora	— Góngora L. de. Poesías. La Habana, 1963.
Lazarillo	— La vida de Lazarillo de Tormes y de sus fortunas y adversidades. Madrid, 1914.
Rojas	— Rojas F. de. La Celestina, t. II. Madrid, 1913.
Villena	— Villena E. de. El libro de la guerra. — Revue Hispanique, t. 38. Bordeaux, 1916, N 93.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Булах Н. А. Средства отрицания в немецком литературном языке. Ярославль, 1962, с. 109—268. Орлова М. И. Функции отрицания в речемыслительном и коммуникативном процессах. — В кн.: Синтаксис и прагматика / Отв. ред. Н. С. Дмитриева. Уфа, 1976, с. 83—87. Васкри N. Fonctionne-

ment de la négation: Connaissance et langage, 5. Paris; La Haye, 1976, p. 14. Разграничение общего и частного отрицаний имплицитно присутствует в более ранних трудах, в которых не проводится деления отрицательных предложений на обще- и частноотрицательные и не используются специальные термины для обозначения этих двух видов отрицания (Чернышев В. И. Отрицание «не» в русском языке. Л., 1927, с. 1—5; Hirt Н. Indogermanische Grammatik, t. VII. Syntax II. Heidelberg, 1937, S. 69, и др.).

² Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956, с. 387—388.

³ Озерова Н. Г. Средства выражения отрицания в русском и украинском языках. Киев, 1978, с. 106—107; Рахимов С. Вопросы структурно-типологической характеристики предложения. Ташкент, 1978; с. 31—35; Мамедов Б. Р. Категория отрицания в современном английском и азербайджанском языках: Автореф. канд. дис. Баку, 1967, с. 5; Введенская Н. А. Отрицание в датском языке: Автореф. канд. дис. Л., 1967, с. 4.

⁴ Ламина К. В. Из истории изучения отрицательных предложений в испанском языке: общее и частное отрицание. — В кн.: Проблемы комплексного анализа языка и речи / Отв. ред. Л. В. Бондарко. Л., 1982, с. 63—70.

⁵ Левинтова Э. И. К изучению отрицания в испанском языке. — В кн.: Вопросы испанской филологии / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1974, с. 123—124.

⁶ Ференец С. А. К вопросу о способах реализации полного и частного отрицания в испанском языке. — В кн.: Некоторые актуальные проблемы грамматики и фонетики современного испанского языка / Отв. ред. С. И. Канонич. М., 1972, с. 130.

⁷ Wackernagel J. Vorlesungen über Syntax mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch. Zweite Reihe, 2. Auflage. Basel, 1928, S. 259; Lenz R. La oración y sus partes. 4-a ed. Santiago de Chile, 1944; р. 278; Ламина К. В. Об асимметрии формы и содержания отрицательных предложений в испанском языке. — В кн.: Структурно-семантические взаимосвязи в синтаксисе романских языков / Отв. ред. Э. А. Гуляева. Днепропетровск, 1982.

⁸ Частное отрицание, выраженное отрицательными местоимениями и наречиями, в статье не рассматривается. В теоретическом плане данный вопрос заслуживает специального изучения. Известно, что в индоевропейских языках частное отрицание развивается из общего, и это их древнее историческое единство продолжает проявляться в том, что даже на такой стадии развития языка, на какой находится, например, испанский, где частное отрицание достаточно развито, средства выражения общего и частного отрицания практически остаются идентичными.

⁹ Ференец С. А. Грамматическая категория отрицания в современном испанском языке: Автореф. канд. дис. М., 1972.

¹⁰ Об обязательной и факультативной валентности глагола см.: Tesnière L. *Éléments de syntaxe structurale*. 2-e ed. Paris, 1966; Адмони В. Г. Второстепенные члены предложения в русском и немецком языках. — Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 217, 1960, с. 23—33.

О. И. ЛИПАТОВА

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Во многих прозаических произведениях современных испанских авторов (Долорес Медино, Камило Хосе Села, Мигеля Делибеса, Альваро де Лаинглесиа) прослеживается активное проникновение разговорных элементов, причем не только в диа-

логическую форму речи, но также и в виде внутреннего монолога, в несобственно прямую речь. Наблюдается частое смешение субъективных сфер автора и персонажей, проникновение в авторское повествование элементов, типичных для диалогической речи. Повествование приобретает полифонический характер, в нем как бы слышатся голоса автора и персонажей. «Всякий роман в большей или меньшей мере есть диалогизированная система образов «языков», стилей, конкретных и неотделимых от языка сознаний. Язык в романе не только изображает, но и сам служит предметом изображения».¹ Современное авторское повествование представляет собой синтез разных стилей, форм и типов речи, объединяемых «образом автора», своеобразием его творческой манеры, авторским кредо, формой мастерства писателя.² Специфика языка художественного произведения выявляется в особой организации лексико-синтаксических средств языка, в подчинении их задачам, которые ставит перед собой автор, в выделении, иногда подчеркнутом, книжных или разговорных элементов при создании «речевого портрета» персонажа.

Разговорная речь многопланова. Речь каждого конкретного человека — явление уникальное и в то же время универсальное, подчиняющееся общим законам развития языка и мышления. У каждого человека своя манера говорения, свой потенциальный запас общих грамматических формул, синтаксических моделей, лексики и экспрессивных средств, которые он реализует согласно своим возможностям в конкретной обстановке в условиях официального или неофициального общения с другими людьми.

В последние годы в трудах советских ученых Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гака, О. А. Лаптевой, О. Б. Сиротининой, испанских и французских исследователей В. Байнхауэра, Э. Лоренсо, Р. Ле Бидуа, А. Соважо и других выявлены особенности функционирования и главные признаки разговорной речи.³ Выделяются следующие основные условия реализации разговорной речи: 1) спонтанность, неподготовленность речевого акта, 2) непосредственный контакт говорящих, 3) официальность — неофициальность протекания процесса коммуникации. Эти условия взаимосвязаны: спонтанность акта речи, непосредственное участие в нем говорящих порождает в синтаксисе незавершенные реплики, эллиптические построения, повторы, отклонения от нормального порядка слов, присоединенные конструкции, в лексике — всевозможные окказиональные образования, специфические разговорные номинации. Характер отношений собеседников (официальный или неофициальный) налагает отпечаток на речевую ситуацию и в той или иной степени влияет на осознанный выбор языковых средств. В акте речи чередуются языковые элементы, обусловленные разговорной формой речи, и языковые средства, независимые от формы

речи, сознательно отобранные говорящим, экспрессивно более насыщенные элементы лексики, фразеологии и синтаксиса. Экспрессивность в большой степени свойственна разговорной речи, так как она всегда нацелена на собеседника, на его реакцию.

Анализ языкового материала романа «Бибпана», принадлежащего перу современной испанской писательницы Долорес Медьо, тонкого интерпретатора разговорной речи, свидетельствует о проникновении разговорных элементов в ранее непроницаемую для них зону авторского повествования. В ряде случаев границы авторского повествования и речи персонажей размыты, почти неуловимы, и авторская речь звучит через призму восприятия персонажа: Bibiana Prats es feliz. Marcelo Prats es feliz. Lorenzo Massó... pues sí, se siente contento. Algo le costó la fiesta, pero ¿qué? ¿No está disfrutando? (Bib., 58). Как можно заметить, авторское повествование через две фразы прерывается паузой, акцентирующей сомнение персонажа в полученном удовольствии. Затем повествование субъективизируется, в него вторгается голос, интонация персонажа. Пауза, за которой следует *pues*, как бы концентрирует подчеркнутое утверждение *sí, se siente contento*. В следующей реплике продолжается спор героя с самим собой. Структура фразы прерывается вставкой вопроса *pero ¿qué?*, типичного элемента диалога, и заканчивается снова вопросом персонажа, обращенным к самому себе.

Указанные элементы, нейтральные внутри разговорной речи, четко и объемно выступают на фоне авторского повествования и передают определенную экспрессию.

Как же происходит актуализация стилистических возможностей разговорной лексики в романе? Одним из наиболее эффективных средств, вскрывающих стилистические возможности слова, является прием повторной экспрессивной номинации. В повседневной жизни человек сталкивается с массой предметов, о названиях которых он не задумывается. Часто он ограничивается жестом, указывающим на предмет, или передает значение называющего предмет слова описательно. В силу специфических свойств разговорной речи, ее спонтанности, в ней постоянно возникают слова-заменители, окказиональные образования, среди которых встречаются и постоянные слова-заменители, или, как их обычно называют, слова-губки, впитывающие в себя любые значения.⁴ К таким словам в испанском языке относятся *cosa, historia, eso, aquel*. Ср.: Los chicos de ahora no son como éramos nosotros en nuestros tiempos... Otro respeto a los padres, otro *aquel*... (Bib., 46). Слово-губка в данном контексте означает 'это самое' (подразумевается доброе отношение к родителям). Подобные слова, как правило, не отличаются экспрессивностью и могут быть дифференцированы

лишь стилистической пометой разговорности. Совсем иначе проявляется в речи экспрессивная разновидность номинации, при которой модификация первичного наименования сопровождается экспрессией, выражающей отношение говорящего. Ср.: — *Tu padre está de muerte...* Pues vaya gasto... Siempre quejándose y, ahora, mira...

— *Papá es un tío.*

— ¡Chica!

Bibiana dice; "Chica"! porque le parece que Francisca trata a su padre con poco respeto, pero ella piensa también en este momento, que Marcelo Prats es *un tío con toda la barba*, vamos, un hombre como hay pocos (Bib., 267). В случае номинации *Papá es un tío* мы наблюдаем весьма любопытный случай развития вторичного переносного значения у слова *tío*. В испанском языке вначале у этого слова появилось уничижительное значение 'неприятный субъект, отвратительный тип'. Это значение так сильно укрепились в Андалусии, что, по свидетельству В. Байнхауэра, для обозначения термина родства 'дядя' стали использовать форму существительного с уменьшительным суффиксом *tiño*.⁵ Напротив, в Мадриде, как отмечает М. Секо,⁶ распространилось противоположное эфпатическое значение *un tío* 'замечательный человек, славный дядька'. Это значение мы и обнаруживаем в первом случае номинации. В нашем примере мать одергивает дочь за то, что та употребляет излишне фамильярное слово по отношению к отцу, но про себя думает — факт вторичной номинации, — что ее муж *es un tío con toda la barba* 'сверхзамечательный человек', букв. 'тип с целой бородой'. Здесь очень интересно обыгрывается новый разговорный штамп, возникший в испанском разговорном языке относительно недавно. Для того чтобы выразить значение 'настоящий, замечательный, великолепный человек, мужчина', появилось сочетание *un tío de bigote* букв. 'человек, тип с усами' ('усы' как примета мужественности). Вкладывая в уста своей героини окказионализм *un tío con toda la barba*, т. е. 'человек не только с усами, но и с целой бородой', автор экспрессивно заостряет и ассоциативно усиливает формулу *un tío de bigote*.

Для испанской разговорной речи характерно явление асимметрии языкового знака или «семантического парадокса», по остроумному замечанию известного испанского лингвиста Висенте Гарсиа де Диего, заключающегося в том, что слово или словосочетание передает смысл, противоположный своему лексическому содержанию. Так, выражая восторг, говорят: *es una mujer de miedo* или *de espanto* 'замечательная, великолепная женщина', хотя буквально это означает 'страшная, внушающая ужас женщина'. Ср.: *Hay hombres que no saben apreciar lo que tienen — suspiró —. En casa guardan una mujer de miedo, de*

esas que te privan del sentido, y van y la engañan con una percha que, a lo mejor, no vale cuatro cuartos (Isla, 13). В приведенном ранее примере предложение Tu padre está de muerte 'Твой отец — изумительный человек', букв. 'страшный до смерти' представляет собой номинацию подобного типа.

Весьма рельефно обыгрывается слово *cap* в аналогичной разновидности экспрессивной номинации:

— *Siéntese aquí. Les traeré un vaso... de eso. De eso que toman los chicos. Ya no recuerdo como lo llaman.*

— "Cap".

— Eso es: "cap"... Eso dicen ellos...

— "Cap" ¿eh?... *Una lavativa*, eso es lo que beben los chicos de ahora.

— *Agua de fregar...* Echele usted agua al vino, y mondas de patatas, como a los cerdos... ¿Y a eso llaman beber? (Bib., 45).

Первое название, которое мы узнаем, — это общее, выраженное словом-губкой, нейтральное обозначение 'то, что пьют парни' *un vaso... de eso que toman los chicos*. Потом появляется конкретное название напитка "cap" — иностранное слово, ничего не говорящее сознанию рядового испанца. Это новое модное слово, употребляемое молодежью. И сама непонятность слова уже приводит в раздражение персонаж романа, что выливается в новых номинациях, которые он дает этому несчастному напитку: *una lavativa* 'жидкость для промывания желудка', *agua de fregar* 'грязная, поганая вода'. Таким образом, нейтральное слово *cap*, хотя и экзотическое в силу своего явно иностранного облика, обладает в ткани произведения особым семантическим и стилистическим зарядом. Слово это характерно и своим подтекстом. Оно несколько раз повторяется в романе и всякий раз как сигнал раздражения.

При создании «речевого портрета» того или иного персонажа в выборе автором слов и их организации в контексте большую роль играет прием стилистического контраста. Так, речь молодежи характеризуется нарочитой синтаксической небрежностью, репликами-намёками, незавершенностью конструкций и, конечно, набором типичной разговорной лексики. Здесь мы находим и усеченные формы *micro* *vm.* *micrófono*, *poli* *vm.* *policía*, *moto* *vm.* *motocicleta*, *tele* *vm.* *televisión* и особые разговорные значения, носящие следы студенческого жаргона, *filtro* — о студенте, который все схватывает на лету, букв. 'процеживает', *pasta* букв. 'тесто, паста' и *tela* — букв. 'ткань' в значении деньги, *pollo* 'пижон', букв. 'цыпленок'. Ср. диалогический образец речи молодежи в романе:

Dorita dice a Tina:

— Anda, qué *hombre más majo*... ¿Está soltero?

— Soltero o malcasado, *vete a saber*...

— ¿No es de la familia?

— Creo que no...

- A ver si entre él y Natalia...
- Ni lo pienses. Buena es Natalia...
- *Pica más alto...* ¡*Qué va!* (Bib., 56).

Этот диалог, синтаксически типичный для разговорной речи, прерывистый, перемежающийся репликами-подхватами, недомолвками, насыщен разговорной лексикой *hombre más majo*, *qué va*, особыми грамматическими построениями экспрессивного типа — императив с инфинитивом в функции побуждения *vete a saber*, мы находим здесь разговорный фразеологизм *picar más alto* 'высоко метить', букв. 'клевать высоко' (в смысле рассчитывать на лучшую партию) и т. д.

Прием стилистического контраста часто наблюдается в «речевом портрете» как внутри одной реплики, так и в разных репликах и служит средством стилистической характеристики речевой манеры персонажа в определенной обстановке с конкретным коммуникативным заданием. Ср. речь диктора телевидения: «La Vaca Roja» *desea que sus clientes disfruten de la vida*, aunque ya es disfrutar de la vida el *consumir sus productos garantizados* (Bib., 78); Usted, buena cliente de nuestros productos, estaba comprando la *riquísima mantequilla* de «La Vaca Roja» y yo la he sorprendido. *Buena suerte, señora. ¡Enhorabuena!* (Ibid., 79—80). Речь диктора выдержана в утрированно-четкой пародийной форме языка рекламы и производит комический эффект тяжеловесными конструкциями, книжной лексикой *consumir productos garantizados*, *disfrutar de la vida*, *cliente* и т. д. Особая стилистическая нагрузка падает на прилагательное в превосходной степени *riquísima* и на речевые клише *Buena suerte*. *¡Enhorabuena!* В нормальной обстановке никто не скажет «Вы покупали вкуснейшее масло». Масло просто покупают, а потом уже решают, вкусное оно или нет. Совершенно нелепо выглядит эта высокопарная тирада, если учесть, что она произносится в машине по пути в студию телевидения. Речь диктора в данном случае определяется коммуникативным заданием — ему надо завоевать клиентку — домашнюю хозяйку, внушить ей почтение к фирме «Vaca Roja». Сравним реплики диктора в этой же ситуации, но обращенные к шоферу: *Oye, Juan, vamos aprisa, que llevamos diez minutos de retraso. Baja por Santa Bárbara y para el coche en la esquina... Esto... bueno, ya te diré y aparcas donde puedas. Tenemos que recoger al gorrión ese... bueno, a la Golondrina, o como se llame* (Bib., 77). Этот отрывок текста составлен в основном из нормативно оформленных реплик. Впечатление полной разговорности достигается автором за счет вкрапления экспрессивных разговорных элементов, как, например, междометия *оуе*, дающего модальный настрой фразе, незаконченной реплики, начатой местоимением *esto*, прилагательного *bueno* в функции междометия, которое как бы концентрирует в себе невы-

сказанное мгновенное размышление персонажа, перифрастической номинации *al gorgiÓN ese... bueno*, а *la Golondrina* 'воробья этого или как там ее... ласточку' (речь идет о певце, которую они должны захватить с собой на студию).

В этом кратком лингвостилистическом экскурсе мы пытались показать, что приметы разговорной речи особенно ярко выделяются на фоне художественного повествования. «Слабые», незаметные в устной разновидности разговорной речи, элементы в ткани художественного произведения приобретают статус маркированных, экспрессивно насыщенных элементов и выступают в качестве своеобразных опознавательных знаков разговорной речи внутри литературного произведения.

СОКРАЩЕНИЯ

- Bib. — Medio D. Bibiana. Barcelona, 1967.
Isla — Goytisolo J. La isla. La Habana, 1962.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бахтин М. М. Слово в романе. — Вопросы литературы, 1965, № 8, с. 89.

² Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959, с. 153—155.

³ Гак В. Г. Русский язык в зеркале французского: Очерк пятый: Обозначение участника коммуникации или воспринимающего лица. — Русский язык за рубежом, 1969, № 3; Арутюнова Н. Д. Из наблюдений над испанским модальным диалогом. — В кн.: Вопросы испанской филологии / Отв. ред. М. П. Алексеев. Серия «Древняя и Новая Романия», вып. 1. Л., 1974; Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974; Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976; Beinhauer W. El español coloquial. Madrid, 1963; Lorenzo E. El español de hoy, lengua en ebullición. Madrid, 1966; Zamora Vicente A. Camilo José Cela. Madrid, 1962; Le Bidois R. Le langage parlé des personnages de Proust. — Le français moderne, 1963, N 3; Sauvageot A. Analyse du français parlé. Paris, 1972, и др.

⁴ Русская разговорная речь / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1973, с. 442—463.

⁵ Beinhauer W. Op. cit., p. 25.

⁶ Seco M. Arniches y el habla de Madrid. Barcelona, 1970, p. 462.

Г. К. НЕУСТРОЕВА

ЧАСТИЦА *é que* КАК СРЕДСТВО ВЫДЕЛЕНИЯ ТЕМЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Выделение темы высказывания свойственно языкам различных типов. В русском языке, например, для этого используется так называемый именительный темы, наиболее распростра-

ненным вариантом которого является отделение слова в именительном падеже в начале предложения интонационно, посредством какого-либо «актуализатора»,¹ либо повтором с помощью личного местоимения, например: *Цветочки*, они никогда не лишние.²

В статье А. Вежбицка о метатексте среди метаорганизаторов высказывания упоминаются такие, «которые выполняют роль темы высказывания»: Что касается... если речь идет о... и т. п. Их функция состоит в указании на новый «логический субъект» высказывания, на его «топик» (подлежащее).³ А. Вежбицка пишет, что в разных языках для этой цели используются различные средства: в польском — эквиваленты приведенных выше оборотов; в японском — приподлежащие частицы; в русском — именительный темы. Во всех случаях подчеркиваются начало высказывания и член предложения, который занимает эту позицию. Чаще всего это подлежащее.

Способ выделения подлежащего, напоминающий русский именительный темы с тем лишь различием, что вместо личного местоимения для повтора используется указательное местоимение, можно обнаружить и в португальском языке: *Emília, essa, era bonita e agradável...* (VN, 62).

По мнению португальских грамматистов, назначение подобной конструкции состоит в привлечении внимания к подлежащему или (реже) дополнению.⁴

Однако основным средством выделения подлежащего в португальском языке является частица *é que*. В отличие от плеонастических указательных местоимений, частица *é que* неизменяема, но она, как и местоимения, располагается после выделяемого слова (слов) и тем самым отделяет его (их) от основной части предложения.

По-разному определяя природу и происхождение *é que*, все исследователи португальского языка сходятся в одном: функция *é que* состоит в привлечении внимания к подлежащему.⁵

И действительно, с помощью *é que* подчеркивается подлежащее, в частности, в следующих случаях:

1) когда два (и более) подлежащих объединены союзом *e* (или имеют к тому же общее для них определение): *A sua mãe e a sua tia Teresinha é que arranjaram a mesa* (VN, 304);

2) когда подлежащее распространено ограничительным определительным предложением: *O tratante que me seduziu é que foi o autor da pulhice do nome* (MT, 122);

3) когда подлежащее представлено предложением, содержащим *quem* и по своему значению являющимся определенной, единичной дескрипцией, т. е. называющим один вполне определенный предмет: *Só quem ouve é que pode saber o que aquilo é...* (Ibid., 181). Описание-характеристика, помещаемое между *quem* и *é que*, может достигать значительной длины за счет

включения различного рода дополнений и обстоятельств к глаголу и даже придаточных предложений.

Исследование языкового материала показывает, однако, что *é* que служит средством выделения не только подлежащего, но и любого другого члена предложения — дополнения: *A Igreja dispõe dos seus doutores e a ela é que incumbe meditar nesses problemas* (AR, 115); обстоятельства: *Talvez por se lembrar tanto das histórias da mãe, é que Maria Teresa era o descendente mais capaz de fazer rir Diogo Relvas* (Ibid., 242) и т. д. Частица *é* que не может появиться лишь после глагола-сказуемого.

Вынесение в начало предложения той или иной группы слов не зависит ни от морфологической, ни от синтаксической характеристики ее компонентов. Часть предложения, выделяемая с помощью *é* que, может быть представлена группой слов с опорным существительным, герундием, инфинитивом: *Por este conjunto de razões é que o advogado apela para* (O diário, 1979, 5.05, 15); *Falando umas com as outras é que a gente se entende* (Ibid., 1978, 24.04.4).

Анализ предложений, содержащих частицу *é* que, в их соотношении с более широким контекстом показывает, что слова, отделяемые от остальной части предложения частицей *é* que, уже были употреблены в предшествующем фрагменте текста. Это свидетельствует о том, что речь идет об известных предметах, лицах, событиях, т. е. о том, что в теории актуального членения принято называть «данным». Воспроизведение ранее сказанного путем постановки соответствующих слов в начало предложения и их отделение при помощи *é* que от остальной его части заставляют слушающего воспринимать эти слова как коммуникативно наиболее важный элемент, как фокус высказывания. Таким образом, в подобных случаях происходит эмфатизация известных элементов высказывания, а частица *é* que выступает как средство *ремагизации «данного»*, или выделения темы высказывания.

СОКРАЩЕНИЯ

- AR — Alves Redol A. Barranco de cegos. — Europa — América, 1970.
MT — Torga M. Rua. Coimbra, 1967.
VN — Nemésio V. Mau tempo no Canal. Editores Associados, s. a.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976, с. 138.
- ² Там же, с. 137.
- ³ Вежбицка А. Метатекст в тексте. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. 8. Лингвистика текста / Сост. Т. М. Николаева. М., 1978, с. 409.
- ⁴ Said Ali M. Gramática histórica da língua portuguesa. S. Paulo, 1965, p. 105.
- ⁵ Celso Cunha. Gramática moderna. Belo Horizonte, 1970, p. 239.

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ НЕКОТОРЫХ «АМЕРИКАНИЗМОВ»¹ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ ПЕРУ

Более четырех столетий испанский язык был единственным официальным языком Перу, в то же время большие группы населения пользовались своими родными языками — кечуа, аймара и другими. По данным 1972 г., на испанском языке говорило около 8 млн. человек, на кечуа — более 3 млн., на аймара — свыше 300 тыс. человек.²

С 1975 г. язык кечуа стал вторым официальным языком Перу, а в некоторых школах преподавание начало осуществляться и на языке аймара. Кроме того, в тропической зоне страны, в сельве, известно множество местных языковых групп. Не случайно Перу называют страной многих языков и наречий, и некоторые лингвисты усматривают в мультилингвизме некую опасность, нависшую над чистотой испанского языка в этой зоне Южной Америки. В самом деле, в стране много билингвов, и билингвизм некоторой части населения объясняет ряд особенностей испанского языка Перу.

Достаточно познакомиться с художественной литературой Перу и словарями, чтобы определить некий процент своеобразной лексики, вошедшей в испанский язык Перу. Здесь и трансформация значений испанских слов, и заимствования из различных европейских языков с разной степенью адаптации. Например: англ. *to detect* — исп. *detectar* уже отмечено словарями, англ. *play-boy* — исп. *un play-boy*, и отсюда *del play-boy*, *los play-boys*, *un grupo de play-boys* etc. (Viala, 45, 46, 83) обнаружены в произведениях художественной литературы, но не вошли еще в словарь.

Некоторые испанские слова претерпели в испанском языке Перу семантические сдвиги, в одних случаях на уровне речи, в других — на уровне языка. Именно в области семантики изменения наиболее значительны, хотя трансформации обнаруживаются и в области фонетики, и в области грамматики, главным образом в устной речи.

Естественно, многое зависит от того, в какой зоне Перу употребляется то или иное испанское слово, кем оно усвоено, носителями какой группы местных языков и наречий. Так, в испанской речи представителей племен, живущих на р. Укаяли, притоке Амазонки, наблюдаются следующие фонетические особенности:

1. Переход звука [f] в [h]: *fundo* — *jundo*. Ср.: *En lugar de recoger nuestro jundo te has dejado contar mentiras de esa india (Ibérico, 151).*

2. Переход сочетания *fe* в *jue*: *feliz* — *juelis*. — Veo, Espe-

ranza, que tienes un buen novio... Van a ser felices... — ¡Qué *juelis*, *ni juelis*... — Te oigo decir *juelis*... (Ibérico, 74).

3. Изменение испанского [s] в звук [ʃ], отмеченный во многих местных языках: Isabel — *Shabi*, Santiago — *Shanti*, Sebastián — *Sheba* (Ibérico, 163).

4. Переход [θ] в [s], имеющийся в разных странах Южной Америки, который характерен и для билингвов индейского происхождения Перу: — ¡Qué vamos *haser*! (Ibid., 151).

5. Эволюция испанского ударного [o] в [ua]: hombre — *huambre*. Отсюда в дальнейшем *huambrillo* = *muchacho*, *huambrilla* = *muchacha*. Ср.: Es ropa de jovencitas, como usan en Lima y que nuestras *huambrillas* deben usar también (Ibid., 70). Здесь, хотя ударение и падает на второй слог, первый остается дифтонгом, что связано со спецификой словообразования, — выбирается наиболее понятный корень слова.

Лексико-семантические «американизмы», бытующие в испанском языке Перу, можно объединить в следующие группы:

1. Испанские слова, переставшие употребляться в самой Испании и продолжающие свою жизнь в Перу в первоначальном значении. Так, глаг. *aguar*, не встречающийся в настоящее время в Испании, сохранил свое первоначальное значение 'подкарауливать' в Латинской Америке: Y la *aguaitaba* de noche, cerca de su casa, detrás del camino del Shala Loma (Vicuña, 183).

2. Испанские слова, устаревшие в испанском языке Испании и не имеющие оттенка архаичности в испанском языке Перу. Например, устаревшим воспринимается в Испании слово *lacerado* 'несчастный', не являющееся таковым в Перу: Le habló de su corazón *lacerado* (Beingolea, 61).

3. Испанские «старые» слова с новыми значениями. Семантические сдвиги в языке естественны, и происходят они в результате образных переносов, вызывающих либо расширение значения уже имеющегося слова, либо сужение его значения, либо смещение значения.³

Примерами старых слов с новыми значениями могут служить такие слова, как *motor*, *plata*, *montera* и др.

На реках Перу испанским словом *motor* 'двигатель' благодаря метонимическому переосмыслению стали называть любую моторную лодку: De pronto divisaron el *motor*, que venía trocando porque había sufrido una avería (Ibérico, 63). При том, что в испанском языке Испании существует слово *motora* (f.), перуанцы, живущие на Укаяли, предпочитают метафору *motor* (m.).

Об употреблении лексики *plata* в значении 'деньги', а не только 'серебро' известно.⁴ Этим словом стало обозначаться близкое понятие: серебро, то, что делалось из серебра, — монеты, а позднее — вообще деньги: Mi padre me dió... la mayor

cantidad de *plata* que había visto en mis manos: dos soles (Alegria, 158).

Испанское имя собственное *Sancho* оказалось сперва прозвищем для cerdo 'свинья', а затем, расширив свое значение, закрепилось в Латинской Америке в фонетически трансформированной форме *chancho* как синоним cerdo: El alcalde murió de un momento a otro. Unos decían que de un atracón de carne de *chancho* (Alegria, 159). Отсюда — производное *chanchada* = porquería 'свинство': Como había hecho incontables *chanchadas*, no sabían a quién echarle la culpa de las piedras (Ibid.). Возник новый синонимический ряд: cerdo=chancho, porquería=chanchada.

Исп. *montera* 'суконный берет' или 'шляпа' в Боливии и Перу приобрело значение, близкое испанскому, но особое 'конический головной убор индейцев': Su *montera* se mecía con todos sus espejos; en nada se parecía mejor el ritmo de la danza (Arguedas, 168).

Испанское слово *quebrada* 'ущелье' приобрело в Перу значение 'ручей', 'речка', значение как бы возможного содержимого ущелья: ...esperando la noche para proveerse de agua en los manantiales y *quebradas* (Albújar, 133).

«Американизм» *cimarrón* 'дикий' образован метафорически от исп. cima 'вершина'. Cimarrón 'тот, кто живет на вершине гор одиноко, дико': Un bravísimo toro que... había vivido *cimarrón* en el monte... (Calderón, 80).

На грамматические особенности устной речи перуанцев указывают нам не только лингвисты этой страны,⁵ но и перуанские писатели, обращающие внимание на своеобразие устной речи.

Если говорить о существительных, то в просторечии может происходить изменение рода испанских существительных путем изменения окончания. Например, trozo — troza: Las trozas estaban alineadas en el llano, junto al talud del río, sujetas con cupas (Ibérico, 99). Новому слову придается своеобразный оттенок значения: troza=trozo de madera en tronco.

Нами отмечено образование от испанских корней новых существительных, не функционирующих в испанском языке Испании. При этом образование новых слов может происходить по несколько измененной модели. Ср.: luchar — luchador, vender — vendedor, но contender — *contendor*, а не contendedor: Después de un violento forcejeo, en que los huesos crujían y los pechos jadeaban, Maille logró quedar encima de su *contendor* (Albújar, U., 120).

К грамматическим особенностям разговорной перуанской речи можно отнести неизменяемое по нормам испанского литературного языка местоимение nadie, которое иногда приобретает в просторечии форму множественного числа: — ¿Quién está enfermo en tu casa? — *Nadies*... (Canseco, 140).

В области глагольного управления обращает на себя внимание частое употребление глаг. *entrar* с предлогом *a*: *Cunce Maille ha entrado a su casa* (Albújar, U., 115); *El pequeño entró a la habitación* (Arguedas, 167).

Следует отметить, что и в испанском языке Испании обе конструкции (*entrar en, entrar a*), хотя и воспринимаются по-разному, — первая как правильная,⁶ а вторая только как допустимая, — представляются естественными.⁷

В речи персонажей литературных произведений угадываются многие особенности, присущие разговорному языку билингвов. Ср.: — *Bueno, no vamos hablar mentiras* (Ibérico, 133); — *Me voy casar el mes que viene* (Ferrando, 173), где испанская конструкция *ir a + infinitivo* «упростилась» до *ir + infinitivo*.

Некоторые латиноамериканские синтаксические особенности, возникшие на уровне речи, затем перешли в язык образованных людей, литераторов, обычно ориентирующихся на нормы испанского языка Испании. Так, наречие *recién*, употребляющееся по нормам испанского языка только перед причастием (*recién nacido, recién venido*), в испанском языке Перу расширило свои возможности. Например, у перуанского писателя Хосе Феррандо оно употребляется перед глаголом: *Al perderlo, recién abrierónse los ojos...* (Ibid., 174).

Изучение испано-перуанского словообразования на уровне речи позволяет отметить ряд слов, возникших, как правило, в результате экстенсивного способа образования. Мы принимаем в данном случае определение Г. В. Степанова: «...экстенсивный способ пополнения лексики, сущность которого заключается в том, что для близко „родственных“ предметов и явлений, сходных по значению действий и состояний, используются одни и те же корни (основы) и новые слова создаются путем присоединения к ним различных аффиксов».⁸

Так, в разговорной речи перуанских билингвов наряду с литературным *dormitorio* ‘спальня’ встречается в этом же значении слово *dormida*: *Este cuarto... es mi sala; adentro está el comedor; otro cuarto es mi “dormida”* (Ibérico, 29).

Из двух корней, которые имеются в общенациональном языке, перуанские билингвы предпочитают при образовании новых слов тот корень, который является более ясным по смыслу, о чем писал Г. В. Степанов в связи с основами *fuerg* и *for*.⁹ Например, при образовании слова *школьник* используется корень, лежащий в основе слова *escuela*: *escuelero* вм. испанского литературного *escolar*.

Благодаря своеобразному образному мышлению аборигенов в испанском языке Перу образовалось много новых словосочетаний. При этом используется обычно испанская модель. Например, некоторые названия деревьев образуются по схеме: существительное + *de* + существительное. Второе существитель-

ное в этой формуле часто имеет метафорический смысл: *palo de águila* — разновидность терпентинового дерева, *palo de balsa* — дерево типа баобаба. Точно так же образуется синоним красного дерева — в литературном языке *saoba*, в разговорном — *palo de sangre*: *La hamaca, blanca y perfumada con flores de shangapilla, se guardaba en un pequeño estuche en forma de baúl hecho con palo de sangre* (Ибérico, 27).

Как показывает материал, нарушения фонетического и грамматического плана, за редким исключением (ср. употребление наречия *gescién*), не выходят за рамки разговорной речи, в то время как семантические изменения испанских по своему происхождению лексем отмечаются не только на уровне речи, но и на уровне языка (ср. упомянутые выше *chancho*, *montera*, *plata* etc.).

Употребление «американизмов», органично вошедших в испанский язык Перу, позволяет писателям этой страны в художественных произведениях передавать бесконечное множество семантических и стилистических оттенков, служит целям более глубокого, тонкого и образного описания перуанской действительности. В процентном же отношении функционирование перуанизмов в художественной литературе сравнительно невелико: по нашим подсчетам оно составляет от 3 до 6% от общего числа словоупотреблений.

СОКРАЩЕНИЯ

- Albújar — López Albújar E. El campeón de la muerte. — In: Cuentos peruanos. Lima, 1973.
- Albújar, U. — López Albújar E. Ushanan Jampi. — In: Cuentos peruanos. Lima, 1973.
- Alegria — Alegria C. Calixto Garmendia. — In: Cuentos peruanos. Lima, 1973.
- Arguedas — Arguedas J. M. La agonía de Rasu Niti. — In: Cuentos peruanos. Lima, 1973.
- Beingolea — Beingolea M. Historia de un Tambor. — In: Cuentos peruanos. Lima, 1973.
- Calderón — Camino Calderón C. La familia Pichilín. — In: Cuentos peruanos. Lima, 1973.
- Canseco — Diez Canseco J. El trompo. — In: Cuentos peruanos. Lima, 1973.
- Ferrando — Ferrando J. Ley de fuga. — In: Cuentos peruanos. Lima, 1973.
- Ibérico — Caller Ibérico C. Doña Shabi. Lima, 1956.
- Viaña — González Viaña E. Identificación de David. Lima, 1974.
- Vicuña — Vargas Vicuña E. Tata Mayo. — In: Cuentos peruanos. Lima, 1973.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Американизмами» мы называем «те языковые факты, которые отсутствуют в пиренейском стандарте, или же те явления, которые возникли, по мнению исследователей, в данном варианте испанского языка Америки» (Степанов Г. В. Некоторые соображения по поводу лингвистических тер-

минов «американизм», «иберизм». — В кн.: Общее и романское языкознание М., 1972, с. 106).

² Кузнецов В. С. Перу. М., 1976, с. 12.

³ Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977, с. 29—34.

⁴ Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976, с. 109.

⁵ El reto del multilingüismo en el Perú. Lima, 1972.

⁶ Сердюкова Н. Н. Словарь глагольного управления испанского языка. М., 1966, с. 78.

⁷ Henríquez Ureña P., Alonso A. Gramática castellana. II. La Habana, 1977, p. 235.

⁸ Степанов Г. В. Об испано-американском словообразовании. — Вопросы языкознания, 1960, № 1, с. 70.

⁹ Там же.

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Т. А. АБРОСИМОВА

О СЕМАНТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ КОНСТРУКЦИИ «SE FAIRE : INFINITIF» В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Во французском языке аналитический каузатив (*faire + infinitif*) может функционировать как рефлексивная фактитивная конструкция: субъект каузации в таком случае является одновременно объектом каузируемого действия: *Mme Frioulat se fit conduire en taxi rue Elysée-des-Beaux-Arts* (Ayimé, 193); *Quant au bohémien, il se fit longtemps attendre...* (Alain-Fournier, 105). Рефлексивная фактитивная конструкция (в дальнейшем РФК), отличаясь направленностью каузируемого действия, по характеру субъектно-объектных отношений подобна нерефлексивной, выражающей каузацию действия (ср. соответственно *Il fit conduire Mme F. en taxi; il fit longtemps attendre son client*).

Однако конструкция «*se faire + инфинитив*» значительно чаще выступает с тем особым значением (напр., *Alfred s'est fait tuer*), которое одними исследователями рассматривается как ослабленное побудительное (каузация действия выражена менее отчетливо),¹ другими же квалифицируется как пассивное.² Для Ж. Дюбуа основанием для причисления «*se faire + инфинитив*» к пассиву служит возможность преобразований типа: *La police l'a pincé sur le fait* → *Il a été pincé sur le fait par la police* → *Il s'est fait pincer par la police sur le fait*. С этой точки зрения *L'orateur est écouté des auditeurs* закономерно трансформируется в *Il se fait écouter des auditeurs*.³

Проблема пассивного значения рефлексивных каузативных конструкций привлекала внимание советских ученых, занимавшихся типологией каузативных конструкций в различных языках и, в частности, немецком.⁴ Однако романистов этот вопрос интересовал в меньшей степени. Уделяя, в частности, некоторое внимание пассивизации «*se faire + инфинитив*», исследователи в меньшей мере стремились выявить соотношение РФК с аналитическим пассивом (АП).⁵

Вопрос о возможной пассивизации «se faire+инфинитив» может быть решен более определенно путем сопоставительного изучения фактитивной конструкции и пассива.

Для Ж. Дюбуа⁶ и вслед за ним для Е. Шпанг-Хансена⁷ предпочтение, отдаваемое говорящим РФК, связано с тем, что «être+participe» и «se faire+infinitif» находятся в видовой оппозиции: «se faire+infinitif» принадлежит сфере «non-accompli» (незавершенность), «être+participe» по видовому значению соответствует сфере «accompli» (завершенность). Так, по мнению Ж. Дюбуа, *Il est aimé de ses amis* — *Il se fait aimer de ses amis* и образуют подобную оппозицию. Ж. Дюбуа, говоря о видовом различии структур, ограничивается скорее констатацией факта, не оперируя достаточным языковым материалом. Можно согласиться с Ж. Дюбуа в том, что действительно в некоторых случаях видовое различие между «être+participe» и «se faire+infinitif» проявляется весьма отчетливо. Однако далеко не всегда в АП выражается завершенность действия. Поскольку в составе АП имеется причастие прошедшего времени, то форма «être+participe» в зависимости от предельного или непредельного характера причастия может выражать завершенный характер действия (результат факта) или соответственно процессность (ср. *Le livre est vendu* и *Pierre est aimé*).

Тезис Ж. Дюбуа действителен только в случае пассивных конструкций, образованных от причастия предельного глагола, при наличии инфектного времени: тогда аналитический пассив в видовом отношении не тождествен РФК: *Il est (était) reçu par le ministre* ≠ *Il se fait (faisait) recevoir par le ministre*. В перфектных же временах видовая оппозиция для предельных глаголов не наблюдается; в предложении *Dans cet état de chagrin ... elle se fit renverser par un Cadillac* (Chevalier, 100) РФК без ущерба для грамматического смысла трансформируется в аналитический пассив — *elle fut renversée par un Cadillac*. Ср. также возможность замены «se faire+infinitif» при помощи аналитического пассива в будущем времени, рассматриваемом обычно как время, не способное передать длительность: *Avec toutes les voitures qui passent, il se fera sûrement écraser* (Troyat, 67) → *il sera sûrement écrasé*.

Применительно же к непредельным глаголам утверждение Ж. Дюбуа мало убедительно, ибо пассивные конструкции *Il est (était) aimé de ses amis*; *L'orateur est (était) écouté des auditeurs* не отличаются соответственно в плане аспектуальном от РФК — *Il se fait (se faisait) aimer de ses amis*; *Il se fait (faisait) écouter des auditeurs*. Скорее здесь можно говорить не об оппозиции завершенность (accompli)/незавершенность (non-accompli), а о противопоставлении «состояние (*il est aimé*) — действие (*il se fait aimer*)», оба подобных предиката принадлежат сфере процессности.

Видовое противопоставление конструкций не носит, таким образом, глобального характера, проявляясь только в определенных контекстуальных условиях в зависимости от формы времени и предельности/непредельности глагола.

Итак, сопоставляемые структуры в наибольшей степени представляют оппозицию в инфектных временах при наличии предельных глаголов. Здесь, естественно, напрашивается сравнение с местоименным пассивом, который обнаруживает по отношению к АП те же свойства. В инфектных временах местоименный пассив, образованный от предельных глаголов, не может быть заменен АП в силу изменения аспектуальной характеристики действия: — *Le déjeuner se prend (se prenait) à huit heures* ≠ **Le déjeuner est (était) pris*. Ср. невозможность трансформации РФК в аналитический пассив при необходимости выразить многократное, неограниченное в своем протекании действие: *Ce sont toujours eux (les crapauds), d'ailleurs qui se font écraser sur les routes* (Robbe-Grillet, 124); наличие глаг. *faire* в презенсе дает возможность отразить повторяющийся характер действия *écraser*; АП в подобном случае мог бы сообщить действию результирующий характер (*qui sont écrasés*). Непредельные глаголы, наоборот, допускают более свободное варьирование конструкций: так, например, в предложении *Je n'étais pas le médecin attitré de la comtesse, qui préférerait se faire soigner par un confrère de Moulins* (Simenon, 18) — *se faire soigner* может быть легко заменено конструкцией *être soigné*, которая благодаря непредельному характеру глаг. *soigner*, так же как и РФК, передает процессность (...*qui préférerait être soignée par un confrère...*).

Находясь в оппозиции к пассиву как форма, в большей степени способная передавать процессность, РФК используется для передачи самой динамики действия. Справедливым представляется мнение Е. Шпанг-Хансена, что выбор именно этой структуры в ряде случаев дает возможность не только представить действие в его развитии, протекании, но и отразить приступ к действию.⁸ В приводимых ниже примерах отчетливо ощущается инкоативное значение РФК: — ...*il y en a même qui sont obligés de crever de faim pour se faire apercevoir* (Ajar, 125); *Cédant à la tentation de se faire plaindre*, il étouffa un soupir, sans répondre (Martin du Gard, 647); ...*le garçon ou la fille qui... a exprimé le souhait de se faire instruire par Paul...* (L. R. des Forêts, 162). Во всех трех случаях «*se faire* + infinitif» выражает действие, осуществления которого добавляются или желают, иными словами РФК указывает на перспективу в развитии действия. Подобное значение, в котором ярко отражается сам приступ к действию, не может быть передано пассивом из-за присущего ему значения результированности (ср.: *être aperçu, être plaint, être instruit*).

Существенным отличительным признаком РФК, помимо ее

аспектуальных возможностей, является способность употребляться с одушевленным подлежащим, что легко объясняется тесной связью с «истинной» рефлексивной конструкцией (*Il se fit longtemps attendre*).

Помимо факторов грамматического порядка, следует обратить внимание на лексико-семантическую сторону явления. Способность «*se faire+infinitif*» выступать в качестве аналога АП поддерживается известной лексической «ущербностью» последнего: далеко не каждый переходный глагол, как известно, способен фигурировать в пассивной форме. Так, например, *être vu*, *être entendu* не фигурируют, как правило, в форме пассива; форма *être moqué* употребляется только в сугубо фамильярной речи со знанием «быть предметом насмешки». Ущербность пассива в этом отношении компенсируется за счет активной формы или же РФК: *L'heureux fait un grand geste du bras pour se faire voir du confrère* (Bazin, 10). *Pourtant il en voulait à son père de l'avoir mis en situation de se faire moquer par ses camarades* (Aymé, 131). *Rieux se tut jusqu'à ce qu'il fût possible de se faire entendre* (Camus, 47).

При анализе функциональных особенностей РФК возникает немало трудностей, связанных с критериями пассивизации этой конструкции. Имеется, как нам кажется, некая пограничная зона между истинным пассивом и истинным каузативом. Несмотря на видимую грамматическую равноценность, равнозначность в ряде случаев конструкций и потенциальную возможность их варьирования, «*se faire+infinitif*» предпочитается аналитическому пассиву, если в контексте имплицитно выражена каузация действия. Можно говорить о том, что «ситуация» каузирует действие. В следующих примерах в скрытой форме присутствует идея каузации: ...*Anaïs Frigoul qui se fait applaudir* sur les scènes parisiennes (Chevalier, 387) — качества актрисы таковы, что выступления ее вызывают аплодисменты; *Je n'ai pas voulu prendre les belles feuilles de papier blanc ... parce que je me serais fait gronder* (Sempé-Gosciny, 123) — наличие РФК подчеркивает зависимость действия *gronder* от поступка мальчика; *Les crises de violence ... c'est la première chose à éviter, si on veut se faire adopter* (Ajar, 85) — вполне допустимым был бы здесь пассив (*être adopté*), однако наличие РФК усиливает значение глаг. *vouloir*, подчеркивает настоятельную необходимость, потребность осуществить действие *adopter*.

Итак, сближаясь в функциональном отношении, конструкции «*se faire+infinitif*» и «*être+participe*» находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. Неидентичный в ряде случаев характер аспектуальной характеристики этих структур исключает их варьирование. Место, которое занимает рефлексивная факитивная конструкция в системе французского глагола, в аспектуальном плане аналогично местоименному пас-

сиву, который находится в подобной же видовой оппозиции по отношению к аналитическому пассиву, маркируя процессность в инфектных временах для предельных глаголов. АП допускает свободный выбор одушевленного или неодушевленного подлежащего, РФК и местоименный пассив обнаруживают строгую избирательность: РФК сопровождается одушевленным подлежащим, местоименный пассив — неодушевленным. «Ущербность» АП в отношении лексической избирательности формы компенсируется употреблением РФК. Активная форма более универсальна в смысле валентностных связей, лексической избирательности и аспектуальных возможностей. Аналитический пассив, местоименный пассив и рефлексивная факитивная конструкция, обладающая пассивным значением, имеют более ограниченные возможности реализации формы в речи, они дополняют друг друга.

СОКРАЩЕНИЯ

Ajar	— Ajar E. La vie devant soi. Paris, 1975.
Alain Fournier	— Fournier H. A. Le Grand Meaulnes. Paris, 1913.
Aymé	— Aymé M. Le passe-muraille. Paris, 1943.
Bazin	— Bazin H. Madame Ex. Paris, 1975.
Chevalier	— Chevalier G. Clochemerle-Babylone. Paris, 1954.
Camus	— Camus A. La peste. Paris, 1947.
L.R. des Forêts	— Des Forêts L. R. La chambre des enfants. Paris, 1960.
Martin du Gard	— Martin du Gard R. Les Thibault, t. 1. Moscou, 1960.
Robbe-Grillet	— Robbe-Grillet A. Le voyeur. Paris, 1955.
Sempé-Goscinny	— Sempé-Goscinny. Le petit Nicolas. Paris, 1960.
Simenon	— Simenon G. L'affaire Saint-Fiacre. Paris, 1970.
Troyat	— Troyat H. Les Eygletière, vol. II. La faim des lionceaux. Paris, 1966.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Tesnière L. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959, p. 265.

² Dubois J. *Grammaire structurale du français. Le verbe*. Paris, 1967, p. 124; Spang-Hanssen E. Quelques périphrases passives du français moderne. — *Revue Romane, Numéro spécial*, 1, 1967.

³ Dubois J. *Op. cit.*, p. 124.

⁴ Недялков В. П. 1) О связи каузативности и пассивности. — *Вопросы общего и романо-германского языкознания*. — Учен. зап. Башкирского гос. ун-та, вып. XXI. Сер. филолог. наук, № 9(13), 1964; 2) Каузативные конструкции в немецком языке: Аналитический каузатив. Л., 1971.

⁵ Корди Е. Е. Пассивные конструкции во французском языке. — В кн.: *Типология пассивных конструкций: Диатезы и залогов* / Отв. ред. А. А. Холодович. Л., 1974.

⁶ Dubois J. *Op. cit.*, p. 124.

⁷ Spang-Hanssen E. *Op. cit.*, p. 140—141.

⁸ *Ibid.*, p. 142.

О ГРАММАТИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ ЭЛЕМЕНТА *le* В СУПЕРЛАТИВЕ ФРАНЦУЗСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В настоящее время на материале различных языков интенсивно разрабатывается основная проблематика степеней сравнения, включающая такие вопросы, как грамматический статус категории, ее количественный и качественный состав и другие проблемы, специфические для того или иного языка.¹ Интерес лингвистов разных специальностей к проблематике степеней сравнения вызван ее актуальностью в общелингвистическом плане и свидетельствует о ее значении для теоретического языкознания.

Степеням сравнения французского языка посвящен ряд исследований,² однако по многим важным проблемам до сих пор не достигнуто единства мнений.³ Одной из спорных проблем генезиса степеней сравнения является вопрос о грамматической сущности элемента *le* в суперлативе прилагательных и наречий.

Языковая сущность элемента *le* в суперлативе прилагательных в настоящее время трактуется трояко: 1) артикль (мнение большинства); 2) местоимение (Ивон, Потье); 3) формант суперлатива, не имеющий собственного содержания (Лс Флем).

Изучение генезиса степеней сравнения прилагательных и наречий, а также некоторые данные романских языков позволяют высказаться в пользу точки зрения А. Ивона и Б. Потье.

Инвариантное значение суперлатива есть выделение одного предмета на фоне множества однородных по признаку наивысшей степени качества. Выделить один предмет среди других возможно, лишь только указав каким-нибудь образом на его исключительность. Латинский язык использовал для этой цели суффикс *-issimus*, который, как отметил Э. Бенвенист, имел дейктическое значение: он указывал на место в ряду однородных предметов и на завершенность признака в предмете. Эту мысль, в частности, подтверждает совпадение суффикса порядковых числительных и суперлатива во многих древних и современных индоевропейских языках.⁴ Впоследствии, когда стали развиваться романские аналитические степени сравнения, потребовалось другое средство указания на предмет, обладающий высшей мерой качества среди других. Как показывает позднелатинский материал, таким указателем могло стать местоимение *ille* — служебное слово, специально предназначенное для выражения данного значения.⁵ В старофранцузском языке мы находим конструкции типа *li plus proz* с элементом *li*, восходящим к *ille*.

Чтобы выяснить природу элемента *le* в суперлативе, сопоставим значения артикля и местоимения. Как уже доказано,

общим между ними является способность актуализации, хотя и различного характера.⁶ Как артикль, так и местоимение являются детерминативами, показателями того, что предмет речи в обозначаемой реальности конкретен и вследствие этого идентичен для говорящих. Однако, сужая объем виртуального понятия до единичного, конкретного, артикль лишь соотносит предмет мысли с действительностью, не привнося никакой семантики, так как он ее не содержит. Что же касается местоимения, оно привносит, помимо значения единичности и конкретности, также значение принадлежности, указательности и др. Иными словами, объем значения, выражаемого местоимением, больше артиклевого.⁷ С другой стороны, природа местоимения такова, что оно может выступать субститутотом имени существительного, других частей речи и целых отрезков высказывания, причем субституция может быть полной или неполной.⁸ Артикль же субститутотом не является, он есть лишь абстрактный сигнал соотнесенности с действительностью. Другим важнейшим свойством местоимений является их дейкτικότητα — соотнесенность с актом речи; артикль этим свойством не обладает.

Обратимся к языковому материалу и рассмотрим его, исходя из изложенных позиций.

Уже в старофранцузском языке мы обнаруживаем типы суперлативных конструкций, которые характерны для современного языка, например: *Mais la voie li est molt diverse et estreite Ne set quel part aler por trouver la plus droite* (Berte, 14).

La в суперлативе *la plus droite* является субститутотом имени существительного *la voie*. Однако суперлатив лишь подхватывает понятие дороги, поскольку речь во второй части приведенного стиха идет не о той же самой дороге, а о другой, которую следует найти. Используя термины Ф. Брюно, можно сказать, что *la* в данном случае *nominal*, а не *représentant*, так как понятие представляется не в полном объеме. Ограничение объема понятия выражается в том, что называется признак, предполагающий избирательность и, следовательно, неполную субституцию.

В примерах: *Artus prist la parole en main Qui fu d'Iseut le plus prochain* (Tristan et Iseut, 132); *Par l'ost chevauchent les puceles ... La plus bele en vuelent choisir Mais il n'i pueent avenir* (Thèbes, 194) — *le* (*la*) в суперлативе замещает одну из сем существительных *Artus* и *les puceles*. Поскольку денотат суперлатива *le plus prochain* и *Artus* — одно и то же лицо, род и число элемента *le* совпадает с родом и числом имени собственного *Artus*. Однако полное совпадение денотатов имени и его субститута не обязательно, как это и наблюдается во втором из приведенных выше примеров. Повторение понятия *pucele* в суперлативе предопределяет сохранение рода имени

существительного, так как род является неотъемлемым признаком самого понятия. Несовпадение в числе объясняется значением суперлатива — выделением одного предмета или группы из многих ему (им) подобных.

В приведенных ранее примерах элемент *le* суперлатива употреблен анафорически, поскольку в составе суперлатива он повторяет ранее названное понятие. *Le* в суперлативе может быть и антиципантом имени существительного, что, как нам представляется, также подтверждает его местоименный характер: *Et si sachiez qu'ele i a mis Des plus privés de ses amis Tant qu'il i ot grant garnison* (Rose, 130). Суперлатив *des plus privés* является антиципантом имени существительного *ses amis*, причем также с сокращением объема понятия — имеются в виду не все друзья, а только самые близкие.

В старофранцузских текстах встречаются также предложения, в которых имя существительное, характеризующее прилагательным в суперлативе, только подразумевается: *Or verron ja, al torner tost Qui serra li plus proz de l'ost* (Thèbes, 166). В данном примере *li* является субститутутом имени существительного *chevalier*, которое подразумевается при назывании слова *ost*. *Li* в этом примере — *nominal*, как и во всех предыдущих. Так же, как и в случае анафорического употребления, обязательно имеет место совпадение в роде имени существительного, число же может не совпадать. Это согласование в роде и несогласование в числе — местоименный, а не артиклевый признак.

Характерным признаком местоименный является, как известно, дейктичность. Формант суперлатива заслуживает рассмотрения и с этой точки зрения. В старофранцузском примере: *Li baron tencent par grant desmesurance, Les clevals broichent, snascuns d'aus c'en avance, Li plus hardis ot de la mort doutance* (Шишмарев, 89) — *li* в суперлативе *li plus hardis* является субститутутом совокупности *li baron*, иначе говоря, *li baron* есть семантический источник *li* в суперлативе. *Li plus hardis* — это признак совокупности *li baron*, связанный с определенным денотатом, а через него — с моментом речи. Поэтому *li* в суперлативе дейктичен.

Таким образом, во всех синтаксических конструкциях, включающих суперлатив в анафорическом или катафорическом употреблении, формант суперлатива *le* выполняет местоименные функции — он дейктичен и служит субститутутом имени существительного.⁹

Наиболее спорной проблемой является трактовка элемента *le* в случае препозиции прилагательного: *Et freres Andrius disoit ... au roy, que li plus grand princes des Tartariis avoit esté crestiens...* (Lettre, 359).

Объем значения элемента *li* в суперлативе *li plus grand* больше артиклевого, ибо этот элемент дейктичен. Как и в пре-

дыдущих случаях, li указывает на признак предмета, связанный с определенным денотатом и через него — с моментом речи. Следовательно, и в случае препозиции прилагательного формант суперлатива не может считаться артиклем.

Таким образом, материал старофранцузского языка позволяет выдвинуть в качестве аргументов в защиту точки зрения о местоименной природе элемента *le* в суперлативе следующие положения: 1) формант суперлатива *le* в анафорическом и катафорическом употреблении является субститутот имени существительного; 2) во всех суперлативных конструкциях элемент *le* дейктичен, что не свойственно артиклю.¹⁰

СОКРАЩЕНИЯ

- Шишмарев — Шишмарев В. Ф. Книга для чтения по истории французского языка. М.; Л., 1955.
 Berte — *Adenet le Roi's Berte aus grans piés*. Chapel Hill, 1946.
 Lettre — *Sarrasin J. Lettre à Nicolas Arrode: Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France, t. I*. Paris, 1836.
 Rose — *Le Roman de la Rose / Publié par E. Langlois, t. I*. Paris, 1914.
 Thèbes — *Le Roman de Thèbes / Publié par L. Constans, t. I*, Paris, 1840.
 Tristan et Iseut — *Les Tristan en vers*. Paris, 1974.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр. на материале русского языка работы С. Г. Ильенко, А. В. Никитевича, А. П. Сазонова, Е. В. Скворецкой, Т. А. Тулиной, Л. К. Шпак; на материале английского языка работы В. Л. Оскотской, Б. Б. Песарскаса, Е. Н. Сергеевой; на материале немецкого языка работы И. М. Жилина, на материале румынского в сопоставлении с французским работы З. М. Зубку и др.

² Yvon H. *Le la les article ou pronom?* — *Le français moderne*, 1949, N 4; 1950, N 1, 4; 1957, N 4; Valin R. *Esquisse d'une théorie des degrés de comparaison*. — *Cahiers de psychomécanique du langage*, 1952, N 2; Pottier B. *Comparatifs et superlatifs*. — *Acta linguistica Hafniensia*, vol. 9, 1966, N 2; Henry A. *A propos de certains nombrants selon B. Pottier / Mélanges de linguistique et de philologie offerts à Monseigneur P. Gardette*. Strasbourg, 1966; Fleim D. *Système des degrés de comparaison en français contemporain et statut du morphème "le" dans l'expression du superlatif*. — *Vox romanica*, 1975, N 34.

³ «Мы не найдем однозначного определения категории степеней сравнения или хотя бы приблизительно одинаковой ее трактовки не только в предыдущих исследованиях ученых, но и в работах, появившихся в самое последнее время» (Скрелина Л. М. Некоторые вопросы развития языка. Минск, 1973, с. 112).

⁴ Ср.: *septimus* — *optimus* (lat.), *treisme* — *saintisme* (a. fr.) etc. Benveniste E. *Noms d'agent et noms d'action en indoeuropéen*. Paris, 1948, p. 167.

⁵ Ср.: «Направление развития от латинской структуры к романской предстанет... как путь от расчлененности грамматического оформления... к его централизации в пределах одного, служебного, специально предназначенного для этого инструмента...» (Репина Т. А. Аналитизм романского имени. Л., 1974, с. 66).

⁶ См. работы Ш. Балли, Э. Бенвениста, Е. М. Вольф, Е. Косерну.

⁷ Ср.: "La quantité d'information de l'article est très inférieure à celle du démonstratif ou du possessif..." (Dubois J. Grammaire structurale du français: Nom et pronom. Paris, 1965, p. 149).

⁸ Если сравнить следующие примеры: 1) J'ai acheté des pommes. Prends-les(toutes); 2) J'ai acheté des pommes. Prends les plus mûres, то различие между значениями *les* состоит в том, что в первом случае *les* — это *représentant*, оно представляет имя *les pommes* в полном объеме, а во втором — *nominal*, оно представляет имя в неполном объеме, что обусловлено названием лишь одного признака. Ср.: Brunot F. La pensée et la langue. Paris, 1936, p. 63, 171—199.

⁹ Указательное и местоименное содержание *le* в суперлативе прилагательных находит косвенное подтверждение в румынском языке: французскому *le plus fort* соответствует, как известно, румынский суперлатив *cel mai puternic*. Многие исследователи румынского языка трактуют формант *cel* как указательное местоимение (Floarea M. Cel, cea, cei, cele într-un manual pentru străini. — Limba română, N 3, 1976).

¹⁰ Все приведенные рассуждения справедливы и для современного французского языка, так как указанные типы конструкций сохранились до наших дней.

Н. В. ЕЛИСЕЕВА

СИМВОЛИКА СОЛНЦА И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ПОВЕСТИ А. КАМЮ «ПОСТОРОННИЙ»

В течение многих лет творчество А. Камю, большого художника и своеобразного мыслителя, привлекает внимание советских и зарубежных ученых. Это свидетельствует об актуальности его литературного наследия.

Настоящая статья посвящена стилистическому анализу темы солнца в повести "L'Etranger" («Посторонний») и выяснению его символического звучания.

В первой части повести нами выделено 36 отрывков, рисующих средиземноморскую природу Алжира: безграничные просторы моря, ослепительной голубизны небо и нещадно палящее солнце. На фоне этой природы и происходят события повести.

В первых четырех отрывках, описывающих сцену похорон матери Мерсо, от лица которого ведётся повествование, читателю сообщается: *Il faisait très chaud* (p. 27). *Le soleil était monté un peu plus dans le ciel: il commençait à chauffer mes pieds* (p. 33).¹ Нейтральные языковые средства пока еще не привлекают особого внимания к описываемым явлениям; но при дальнейшем изложении читателю сообщается о том, что **жара усиливалась**: *Le ciel était déjà plein de soleil. Il commençait à peser sur la terre et la chaleur augmentait rapidement* (p. 34). *Aujourd'hui le soleil débordant qui faisait tressaillir le paysage le rendait inhumain...* (p. 35). В этом отрывке при

описании состояния солнца автор добавляет глаг. *peser*, образно передающий усиление жары, и использует метафорическое выражение: *le soleil débordant qui faisait tressaillir le paysage* *le rendait inhumain*, которое включает элемент персонификации солнца с его лучами, «бьющими через край» (*le soleil débordant*). Природа (*le paysage*) испытывает воздействие испепеляющих лучей солнца, которые подавляют человека, вызывая в нем упадок сил и депрессию. Раскаленный воздух под влиянием беспощадных солнечных лучей становится невыносимым (*insoutenable*) для человека.

В завершающей сцене похорон матери Мерсо солнце описывается следующим образом: *Autour de moi, c'était toujours la même campagne lumineuse gorgée de soleil. L'éclat du ciel était insoutenable... Le soleil avait fait éclater le goudron. Les pieds y enfonçaient et laissaient ouverte se pulpe brillante... Tout cela, le soleil, l'odeur de cuir et de crottin de la voiture, celle du vernis et celle de l'encens, la fatigue d'une nuit d'insomnie, me troublait le regard et les idées... Moi, je sentais le sang qui me battait aux tempes* (р. 35—36). Экспрессивно употребленное причастие *gorgée*, необычно сочетающееся со словами *la campagne lumineuse*, подчеркивает еще большую степень излучения солнца: интенсивная «работа» солнца заставляет «расплавиться асфальт». Столь сильная жара начинает влиять на физическое состояние человека: *je sentais le sang qui me battait aux tempes*. Мерсо, вернувшись домой после похорон, садится у окна: вдали перед ним простирается порт (*brûlant de soleil*), охваченный пламенем жгучего солнца.

Поворотным моментом в композиции повести становятся события на пляже, встреча Мерсо и его друзей с арабами, их ссора. В отрывках, описывающих эти сцены, подчеркивается «тяжесть» солнца, его «давление» на окружающую природу: жара (*la chaleur de pierre*), от которой, по-видимому, могли бы расплавиться и камни, поскольку они были нагреты до предела, поднималась снизу от земли, а раскаленный песок казался от этого красным в отблесках жгучих солнечных лучей: *On respirait à peine dans la chaleur de pierre qui montait du sol... Le sable surchauffé me semblait rouge maintenant* (р. 58). Мерсо и его друзья были как бы «прикованы к земле» под воздействием невыносимых лучей солнца: *... nous restions cloués sous le soleil... Le soleil était maintenant écrasant. Il se brisait en morceaux sur le sable et sur la mer* (р. 59). Причастие *cloués* подчеркивает физическое состояние людей, которые не могли избавиться от жары и остались на месте под воздействием лучей солнца прикованными к земле, лишенными способности сопротивляться. Прилагательное *écrasant* также подчеркивает «давление» солнца на физическое состояние людей, а сила его как бы удваивается, утраивается, так как оно представляется «разбитым» на мелкие «отблески», каждый из

которых — солнце в миниатюре. В глубоком молчании, царящем на пляже, люди ощущают только жгучие лучи солнца: пагубное действие его представляется неустрашимым бедствием.

После ссоры с арабами и ранения Раймонда Мерсо сопровождает друга до хижины, находящейся на пляже; он испытывает мучительную головную боль, вызванную палящим солнцем (*la tête retentissante de soleil*). Экспрессивное отглагольное прилагательное *retentissante* характеризует состояние Мерсо в этот момент. Жара усиливается, она сравнивается с ослепляющим дождем лучей солнца, падающих с неба: *...la pluie aveuglante qui tombait du ciel* (p. 60).

Проводив Раймонда, Мерсо возвращается на прежнее место. Его взору вновь открываются небо, солнце, простирающийся до бесконечности пляж, прибрежная полоса моря. Все окружающее представляется ему красным отблеском громадного диска солнца. Действие его жгучих лучей он начинает чувствовать сильнее: *je sentais mon front se gonfler sous le soleil* (p. 60). Употребленный метафорически глагол *se gonfler* подчеркивает степень воздействия солнца на Мерсо.

Далее: *Toute cette chaleur s'appuyait sur moi et s'opposait à mon avance. Et chaque fois que je sentais son grand souffle chaud sur mon visage, je serrais les dents, je fermais les poings... je me tendais tout entier pour triompher du soleil et de cette ivresse opaque qu'il me déversait. A chaque épée de lumière jaillie du sable... mes mâchoires se crispaient* (p. 60—61). В этом отрывке описывается не только степень физического воздействия солнца на человека, но и ответная реакция героя: *je serrais les dents, je fermais les poings, mes mâchoires se crispaient* (p. 61). Мерсо сопротивляется этой разрушительной силе (*pour triompher du soleil*) и состоянию оцепенения (*cette ivresse opaque*), которое явилось ее следствием. Он хочет укрыться от изнуряющей жары и приходит к источнику, где и встречает араба (*son bleu de chauffe fumait dans la chaleur*). А. Камю образно употребляет глг. *fumer* по отношению к одежде араба, что также подчеркивает силу воздействия солнечных лучей на окружающих. Жара как бы приостановила ход времени, все застыло в безмолвном молчании. Испепеляющие лучи солнца были настолько сильны, что вся природа представляла собой *océan de métal bouillant*.

На пляже (*une plage vibrante de soleil*) Мерсо ощущает жгучие лучи солнца, которые почти уподобляются «ожогам» (*la brûlure du soleil*). Фраза, завершающая статичную картину средиземноморского пляжа (*C'était le même soleil que le jour où j'avais enterré maman et, comme alors, le front surtout me faisait mal et toutes ses veines battaient ensemble sous la peau* — p. 61—62), напоминает читателю о том, что герой ранее уже испытывал подобное физическое состояние от жары в день

похорон своей матери (ср. начало повести). В ней содержится намек на трагические события не столь отдаленного прошлого. И звучит она предостерегающе для героя, настораживая читателя: в жизни Мерсо должно произойти что-то непоправимое, а может быть, и роковое. Под непрерывным воздействием солнца Мерсо почувствовал, что глаза его покрылись пеленой (*mes yeux étaient aveuglés derrière ce rideau*), и он ощущал только жгучие лучи солнца (*les cymbales du soleil sur le front*), которое постепенно превращается в орудие разрушительной силы, становится как бы стимулом к совершению поступка: герой повести убивает араба на пляже. А. Камю красочно и выразительно использует сочетание слова *les cymbales* со словом *le soleil*: эта метафора передает максимальную степень излучения солнца, от которого небо полыхало, чтобы «испустить адский дождь огня»: *La mer a charrié un souffle épais et ardent. Il m'a semblé que le ciel s'ouvrait sur toute son étendue pour laisser pleuvoir du feu* (p. 62). Сочетание глагола *pleuvoir* и существительного *feu* построено на антитезе, которая передает то невыносимое ощущение жары, которое несли с собой жгучие лучи солнца. Заключительная фраза всей главы (*J'ai secoué la sueur et le soleil* — p. 62), характеризующаяся необычным сочетанием слов, раскрывает результат влияния солнца, разрушительную силу его воздействия на природу и одновременно подчеркивает абсурдность мироздания. Солнце, олицетворяющее разрушительную силу, несет с собой смерть: герой постепенно движется к трагической развязке, на всем протяжении повествования его сопровождает «тема солнца», он постоянно испытывает его губительное воздействие. Мерсо выступает против этой разрушительной силы. Выстрел в араба, как ему кажется, на мгновение избавляет его от невыносимого, рокового, преследующего «присутствия» солнца, от давления физического и морального. Подобный исход является неожиданным для читателя повести, но он закономерен для А. Камю, который в период ее создания проповедовал идею абсурдности мира,² где истиной являлась только смерть. Солнце — символ бытия, несущего смерть, поэтому Мерсо находит только один выход: он убивает человека и сам оказывается перед судом, готовящим ему суровый приговор.

Во время судебного процесса на вопрос, заданный ему о причинах, побудивших его к убийству, Мерсо отвечает: *...c'était à cause du soleil*. В зале среди присутствующих раздается смех. Это естественная реакция окружающих на подобное заявление. Но для Мерсо, который является рупором идей А. Камю, произнесенная им фраза объясняет этот поступок так, как представляется ему на самом деле. Своей абсурдностью высказывание Мерсо подчеркивает отчужденность героя повести, его изоляцию от общества.

Таким образом, раскрытию основной идеи произведения

служит стиливой прием: выбранное А. Камю явление внешнего мира — солнце, которое приобретает в тексте особое символическое звучание и способствует донесению до читателя основного философского кредо автора в момент создания повести. Этот стиливой прием осуществляется посредством использования ярких образных средств, преимущественно метафор, метафорических сравнений, антитезы и градации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Страницы указываются в тексте по изданию: Camus A. *L'Etranger*, La Peste. М., 1969.

² Андреев Л. Г. Две ипостаси А. Камю. — Там же, с. 9.

Р. В. ИВАНОВА

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В КОНТЕКСТЕ ОБОБЩЕНИЯ (на материале французского языка)

Определяя нейтрализацию, большинство ученых считает, что в ее основании лежит процесс снятия различий между противопоставленными единицами, формирующими оппозицию.¹ Теория нейтрализации была разработана Н. С. Трубецким² применительно к фонологической единице, которая характеризуется одноплановостью (план выражения). В фонологии, следовательно, нейтрализация рассматривается как процесс снятия различий в плане выражения единиц.

Морфологическая нейтрализация отличается от фонологической, так как морфология оперирует единицами, имеющими, кроме плана выражения, план содержания. Двуплановость морфологической единицы вызывает трудности в определении морфологической нейтрализации и порождает разные точки зрения, которые представляют в основном три подхода к изучению данного явления.³ При первом подходе (Бюиссанс и др.) нейтрализация морфологических (и лексических) единиц связывается исключительно с планом выражения; при втором (Рюиперез, Людтке и др.), напротив, она рассматривается как снятие противопоставления в плане содержания единиц. Сторонники третьего подхода (Курилович, Потье) считают нейтрализацию двусторонней единицы возможной в обоих планах.⁴

В настоящее время внимание ученых направлено на семантический и функциональный аспекты характеристики языковых единиц, в связи с чем в ряду их вторичных функций (транспозиции, десемантизации) интенсивно изучается явление семантической нейтрализации.⁵

Анализ нейтрализации грамматических форм в контексте обобщения проводится в настоящей статье на основе функцио-

нального подхода: нейтрализация понимается как вторичная значимая функция, приобретаемая формой в специальных условиях контекста, отличных от тех, в которых форма реализует свою первичную функцию.

Обобщение представляет собой процесс, направленный от единичного к общему, где неким свойством наделяется не один объект, а класс объектов, т. е. подчеркивается общее (родовой признак) для всех объектов данного класса. В логике эти отношения формируют общее суждение, где признак — предикат, класс объектов — субъект, которому этот признак приписывается. Функция предложений, являющихся формой выражения общего суждения, состоит в обозначении обобщения. Анализ таких единиц показывает, что основная роль в реализации значения обобщения принадлежит грамматическим формам глагола, существительного, местоимения, семантика которых в контексте обобщения подвергается нейтрализации.

Среди грамматических форм, выражающих обобщение, прежде всего следует назвать категорию времени, так как она является «организующим центром предложения в модальном плане индикатива».⁶ Временная категория французского языка представлена тернарной оппозицией⁷ (прошедшее/настоящее/будущее), члены которой противопоставляются по их отношению к моменту речи. При нейтрализации парадигматическое различие между настоящим, прошедшим и будущим исчезает, реализуется категориальный признак (архисема). Следовательно, нейтрализация временного значения основана на устранении дифференциальных семантических признаков и реализации категориального признака временной системы. Поэтому в функции нейтрализации (обобщения) употребляется любая временная форма: *Celui qui lirera l'épée périra par l'épée* (Sartre, 36); *Les hommes pleurent parce que les choses ne sont pas ce qu'elles devraient être* (Camus, 39). Для таких предложений конкретная временная характеристика несущественна, поскольку речь идет не о локализации действия в определенном отрезке времени, а о его «всевременности» или состоянии и качественной характеристике. Наличие в обобщающей ситуации действия или состояния и качества обуславливает употребление определенных типов сказуемого, а значит временных форм в контексте обобщения. Состояние и качество соотносятся с аналитическим сказуемым: составным именным и глагольно-адъективным, включающим формы настоящего времени: *L'ironie est la trame invisible du monde* (Parturier, 18); *La malchance rend très humble* (Cocteau, 110).

В функции нейтрализации при разных формах времени используется в основном немаркированная форма 3-го лица,⁸ что согласуется с общим значением предложения, отражающим ситуацию, где конкретное лицо не называется.

Известно, что категория лица во французском языке —

основная категория личных местоимений. В контексте обобщения в обозначении лица первое место по употребительности принадлежит местоимению *оп*. В системе местоимений форма *оп*, выражающая неопределенное лицо, противопоставляется местоимениям, обозначающим определенное лицо. Употребляясь при глаголе с нейтрализованным временным значением, *оп* также подвергается нейтрализации. Дифференциация между семантическими признаками определенность/неопределенность лица стирается, так как действие относится к любому (определенному и неопределенному) лицу. Имеет место генерализация лица: *On passe sa vie à espérer, et on meurt en espérant* (Voltaire, 242); *Si on envisageait toujours le pire, on ne vivrait plus!* (Troizat, 225).

Нейтрализация различий по лицу делает возможным употребление любой формы приглагольного личного местоимения в контексте обобщения: *Si vous avez une vue nouvelle, une idée originale, si vous présentez les hommes et les choses sous un aspect inattendu, vous surprendrez le lecteur. Et le lecteur n'aime pas à être surpris! Il ne cherche jamais dans une histoire que les sottises qu'il sait déjà. Si vous essayez de l'instruire, vous ne ferez que l'humilier et le fâcher* (France, 224). Ср.: *Je pense, donc je suis*.

В контексте обобщения происходит также нейтрализация категории числа существительных. Обозначая количественные различия объектов, грамматическая категория числа представляет собой оппозицию двух членов: единственное число противопоставлено множественному числу. В контексте обобщения оппозиционные различия между единственным и множественным числом стираются, что делает возможным употребление обоих артиклей (*le, les*): *L'homme, paraît-il, cognera éternellement sa tête aux barreaux de la médiocrité féminine et il usera ses forces dans le néant des coeurs* (Parturier, 149); *Les hommes manquent singulièrement de clairvoyance* (Triolet, 119).

Необходимо отметить, что в контексте обобщения частота употребления артикля множественного числа в функции нейтрализации высока. По-видимому, этот факт не случаен и объясняется тем, что во французском языке детерминативы множественного числа нейтрализуют категорию рода, а это в свою очередь согласуется с семантической природой анализируемого контекста. Кроме того, артикль множественного числа довольно часто используется при существительных, обозначающих абстрактное понятие, которое мыслится в таких случаях какчисляемое: *Les plaisirs que l'art procure ne doivent jamais coûter la moindre fatigue* (France, 301); *De toute façon, heureusement, les chagrins ne sont pas éternels* (Camus, 17).

Для французской системы артиклей одной из основных оппозиций является оппозиция определенность/неопределенность (*le, la, les/un, une, des*). В контексте обобщения грани между

этим значениями стираются, так как сообщаемое действительно для всех без исключения объектов. В функции нейтрализации употребляются оба артикля: *Mais un homme qui sait ce qu'on lui doit n'a rien à craindre* (France, 279); *L'homme est néant* (Sartre, 226). Различие в их употреблении заключается в том, что определенный артикль обозначает нерасчлененный класс объектов, неопределенный артикль соотносится с расчлененным классом объектов: вычленяется индивидуальный объект, и через него характеризуется весь класс.⁹

Таким образом, изучение употребления грамматических форм глагола, существительного, местоимения в контексте обобщения показывает, что нейтрализация этих форм — явление закономерное, поскольку отвечает главной задаче — формированию обобщенного значения.

Нейтрализация грамматических форм не является, однако, единственно возможным средством реализации обобщенного значения. Контекст может содержать другие многочисленные факторы, служащие этой цели. Это прежде всего кванторные слова, выражающие количественные характеристики: неопределенные местоимения (*tout, tous, rien* и др.), наречие времени *toujours*, наречие места *partout*, глаголы *avoir, être, connaître, croire, espérer, penser, savoir, voir* и т. п. Для контекста обобщенности характерным является употребление абстрактных существительных, оборота *il y a*, синтаксических конструкций, выводящих за пределы контекста формы лица и др.

Исследование вопроса на конкретном языковом материале показывает, что реализация значения обобщения достигается во французском языке комплексом морфологических, лексических и синтаксических средств.

СОКРАЩЕНИЯ

Camus	— Camus A. <i>Caligula suivi de "Le malentendu"</i> . Paris, 1966.
Cocteau	— Cocteau J. <i>Les parents terribles</i> . Paris, 1967.
France	— France A. <i>La grandeur de l'esprit humain. Oeuvres choisies</i> . Moscou, 1978.
Parturier	— Parturier F. <i>L'amant de cinq jours</i> . Paris, 1960.
Sartre	— Sartre J.-P. <i>Le diable et le bon dieu</i> . Paris, 1972.
Triolet	— Triolet E. <i>Luna-Park</i> . Paris, 1971.
Troyat	— Troyat H. <i>La lumière des justes. II. La barynia</i> . Paris, 1976.
Voltaire	— <i>Romans et contes de Voltaire</i> , t. I. Genève, 1959.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мухин А. М. Понятие нейтрализации и функциональные лингвистические единицы. — Вопросы языкознания, 1962, № 5; Хлебникова И. Б. Оппозиции в морфологии. М., 1969 и др.

² Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.

³ Travaux de l'Institut de linguistique, II, 1957. Paris, 1958.

⁴ При изучении нейтрализации возникают и другие проблемы, например отграничение нейтрализации от таких явлений, как синкретизм, транспозиция, отношение формы и содержания в процессе нейтрализации и многие другие.

5 Gak V. G. Essai de grammaire fonctionnelle du français. М., 1974; Золототрубова Н. А. Системно-функциональные особенности модальных слов в современном французском языке: Автореф. канд. дис. М., 1975; Тимофеева М. А. Функциональный анализ категории числа существительных в современном французском языке: Автореф. канд. дис. М., 1979, и др.

6 Поспелов Н. С. Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке. — В кн.: Исследования по грамматике русского литературного языка / Отв. ред. Н. С. Поспелов, Н. Ю. Шведова. М., 1955, с. 206

7 Brunot F. La pensée et la langue. Paris, 1965, p. 439.

8 Бенвенист Э. Структура отношений лица в глаголе. — В кн.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 259—269.

9 Référovská E. A., Vassiliéva A. K. Essai de grammaire française, t. I. М., 1982, p. 67.

Л. А. КУРЬЯНОВА

ТИПЫ РЕТРОСПЕКТИВНОГО ПОВТОРА В СТАРОФРАНЦУЗСКИХ ТЕКСТАХ

В последние годы активно разрабатывается сравнительно новая область языкознания — лингвистика текста. Проблемы лингвистической интерпретации явлений, характерных для единиц больше предложения, многоаспектны, а объект лингвистического анализа, который получил широкое название «текст», порождает большое количество вопросов, подлежащих исследованию и выяснению.¹

Представляя собой результат сознательного процесса речевого творчества, текст подчиняется определенным закономерностям организации.² Особенности построения текста на материале разных языков изучаются в основном в синхронном плане. Диахронные аспекты остаются вне поля зрения исследователей, в том числе изучающих французский язык. Вместе с тем анализ приемов текстообразования в историческом плане не менее важен, поскольку он позволяет проникнуть в смысловую структуру связных текстов, представляющих ранние этапы истории языка.

Одной из важнейших текстообразующих категорий является ретроспекция. Вслед за И. Р. Гальпериным³ мы понимаем ретроспекцию как систему форм языкового выражения, отсылающую читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации. Особое место среди этих форм занимает повтор, к которому автор прибегает целенаправленно для того, чтобы, вызвав в памяти читателя уже ранее сообщенные факты, привлечь к ним его внимание, заставить удержать в памяти некоторые моменты сообщения и тем самым акцентировать отдельные части текста.

В настоящей статье делается попытка показать один из возможных подходов к изучению роли и функций ретроспекции на материале 4 памятников старофранцузского языка (XI—

XII вв.), в целом около 30 тыс. строк текста. Анализируются случаи ретроспекции, реализуемые повтором.

Наиболее типичными для исследованных старофранцузских текстов являются следующие случаи ретроспективного повтора.

1. Одна и та же информация, после первого ее введения, подвергается повторному изложению в последующих лессах, однако при каждом ее воспроизведении добавляется что-то новое — новая деталь или оттенок чувств, — способствующее медленному, но бесспорному продвижению повествования. Примером могут служить лессы 161, 162 и 163 из "La Chanson de Roland", где повтор выглядит следующим образом:

*Li Emperere chevalchet par irur,
E li Franceis dolent e curuꝿus;
N'i ad celui ki durement ne plurt... (ChdR, CLXI)
Li Emperere chevalchet irèment,
E li Franceis curuꝿus e dolent;
N'i ad celui ne plurt e se dement... (ChdR, CLXII)
Par grant irur chevalchet Carlemagnes...
Puignent ad ait tuit li barun de France;
N'i ad icel ki ne demeint irance... (ChdR, CLXIII).*

Статика в подобных случаях явно преобладает над динамикой. Замедленный ритм повествования, вызванный использованием ретроспекции, диктуется желанием рассказчика задержать внимание на том, что является важным для него в настоящий момент, что выдвигается на первый план. Таким образом достигается актуализация подчеркнутого отрывка текста.⁴

2. Одно или несколько действий сообщаются в конце лессы, следующая лесса начинается с ретроспективного повтора этого (этих) действия (действий). Например:

CCLXXXV

*Et dist li rois: "Vous l'arès, biaux amis".
A ces paroles manda le sor Gr.;
Et il i vint, .XX. chevalliers o 'i.*

CCLXXXVI

*Li rois manda Gr. le franc baron,
Et il i vint a coite d'esperon,
Et avec lui .XX. vaillans conpaingnon (RdC).*

Подобного рода «захват»⁵ из строфы в строфу весьма широко используется в старофранцузских текстах. Он является сигналом нижнего предела одной лессы и верхнего предела другой, соседствующей тирады.

3. Повтор используется при смене сюжетных линий. Например, в романе Беруля о Тристане смысловой фрагмент, посвященный характеристике горбатого карлика Фросина, который известил короля Марка о предстоящем свидании Тристана и

Изольды, заканчивается сообщением автора о том, что Фросин, зная о намерении короля убить его, убегает, а Марк его ищет:

*Li rois vait mout le nain querant,
Nu puet trover, s'en a duel grant* (RdTrist, 337).

Далее представлена сцена разговора Изольды со служанкой. Следующий текстовый фрагмент начинается с предложения: *Ne pout son nain trover li rois...* (RdTrist, 385). Автор использует ретроспективный повтор для того, чтобы вернуть читателя к прежней сюжетной линии.

4. В рамках одной сюжетной линии ретроспективный повтор может служить целям переключения внимания читателя на смену мыслей персонажа. Так, в романе Бенуа де Сент-Мора о Трое племянник греческого царя Пелия Ясон, услышав щедрые обещания своего дяди, думает о тех удовольствиях, которые сулит ему путешествие в далекие края за золотым руном, и о той славе, которая его ожидает по возвращении:

*Jason oï que li reis dist
E la pramesse qu'il li fist... (RdTr, 855)
Grant cuer a e grant volenté
D'aler en estrange regnè
E de veoir les regions
Dont a oï nomer les nons... (Ibid., 867).*

Затем мысль Ясона переключается на оценку самих обещаний. Он думает о том, что в них нет ничего коварного и что дядя предлагает это ради его собственного блага:

*La pramesse ot e le gran don
Que sis oncles li prameteit:
Nul mal engin n'i entendeit... (Ibid., 874).*

Повтором существительного *la pramesse* 'обещание' автор как бы меняет ход раздумий своего героя и тем самым подготавливает читателя к восприятию иного направления мысли персонажа.

В характеристике старофранцузских текстов особую роль играет, как известно, такой момент, как их жанровая принадлежность. В связи с этим возникает вопрос: зависит ли выбор того или иного приема ретроспективного повтора от жанра произведения?

Данный вопрос требует детального изучения большего количества старофранцузских текстов. Однако уже сейчас можно высказать предположение о том, что такая зависимость существует. Из четырех представленных в статье типов ретроспективного повтора 1-й и 2-й используются в эпических поэмах, тогда как 3-й и 4-й более характерны для рыцарского романа. И это, по-видимому, не случайно.

Эпическая поэма имеет коллективного автора и представ-

ляет собой образец устно-поэтического народного творчества. Она предназначалась для устного воспроизведения жонглером и восприятия на слух. Именно поэтому здесь предпочтительны те приемы ретроспекции, которые способствуют членению произведения на смысловые сегменты.

Рыцарский роман имеет своего автора, обладающего большим или меньшим литературным талантом, и предназначен для чтения. Он отличается от эпической поэмы гораздо большим богатством и разнообразием сюжетных линий и различного рода переходами от одних чувств и мыслей к другим. Приемы ретроспективного повтора, характерные для рыцарского романа, служат целям смены смысловых сегментов текста.

СОКРАЩЕНИЯ

- ChdR — *La Chanson de Roland*. Tours, 1895.
RdC — *Raoul de Cambrai*. Paris, 1882.
RdTr — *Benoît de Sainte-Maure. Le Roman de Troie*, t. 1. Paris, 1904.
RdTrist — *Béroul. Le Roman de Tristan*. Paris, 1903.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Изучению проблематики собственно филологического анализа текста, а также исследованию текста под углом зрения теории коммуникации и прагмалингвистики посвящен ряд публикаций общетеоретического плана, см.: Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981; Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста / Сост. Т. М. Николаева. М., 1978, и др.

² Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981, с. 3.

³ Гальперин И. Р. Там же, с. 105—112.

⁴ А. Н. Веселовский отмечает, что народная поэзия точнее воспроизводит действительный процесс психологического акта: именно потому, что речь идет о горестных моментах жизни, «впечатление... щемит душу, им не насытиться; веселые моменты жизни переживаются быстрее»; причину возникновения этого приема автор усматривает в специфическом способе исполнения певцами древних эпических песен (Веселовский А. Н. Эпические повторения как хронологический момент. — Журнал Министерства народного просвещения, 1897, т. 310, отд. 2, № 4, с. 276).

⁵ Термин «захват» используется, в частности, в статье: Шишмарев В. Ф. Этюды по истории поэтического стиля и форм. — В кн.: Шишмарев В. Ф. Французская литература: Избранные статьи. М.; Л., 1965, с. 51—52.

А. П. МАКАРЬЕВА

ПРЕДИЦИРОВАНИЕ ПРИЗНАКА ПРЕДМЕТУ В ЧАСТНОУСТУПИТЕЛЬНОМ ПРИДАТОЧНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В частноуступительных придаточных предложениях типа *si grand qu'il soit* уступительное значение направлено на именную часть сказуемого, выражающую признак, который припи-

сывается подлежащему. Предиктивное признание подлежащему осуществляется при помощи связочных глаголов.¹ Диапазон глаголов, используемых в предложениях данной группы, достаточно широк. К ним относятся *devenir*, *être*, *paraître*, *rester*, *sembler* и др.

Каждый глагол в зависимости от его собственного лексического значения уточняет характер предиктивного признака.² Глагол *être* выражает идею предиктивного признака в чистом виде (констатация бытия, существования данного признака у предмета (лица): *Si flatteur que fût le compliment, l'officier ne répondit rien* (Les Trois, II, 225). Глагол *devenir* заостряет внимание на процессе становления признака: *Si renfermé, si bourru, si distant qu'il fût devenu, le docteur subissait d'une manière peu explicable l'empire de cette grande femme* (Marceau, 23). Глагол *rester* подчеркивает неизменность признака: *Si secrète que restât la tragédie bourgeoise qui s'y jouait, quelque chose en avait transpiré au dehors* (Rolland, 151) и т. п.

Наиболее распространенным после глаг. *être* в рассматриваемых придаточных предложениях является глаг. *paraître*. Он содержит в своей семантической структуре значение «кажущееся состояние». Причем субъект восприятия иногда не уточняется: *Si déluré qu'il parût, il restait sentimental* (Maurois, 288) — передается то впечатление, которое возникает при взгляде на героя. Предложение может приобретать дополнительный актанта: *Aussi interminables que lui parussent les soirées, il lui arrivait pourtant de rentrer avant le crépuscule* (Mauriac, 76) — субъект восприятия выражен местоимением *lui*, заменяющим имя собственное. Содержанию главного предложения противопоставлено не реально свойственное предмету (лицу) качество, а лишь то качество, которое кажется ему присущим. Противопоставление, таким образом, ослабляется, усиливается уступительное значение структуры (т. е. невозможность факта, о котором сообщается в придаточном предложении, повлиять на действие главного предложения). Представляется, что здесь мы имеем дело со своеобразным семантико-синтаксическим согласованием (семантика глагола *paraître*, с одной стороны, уступительное значение структуры — с другой). Возможно, именно этим и объясняется большая употребительность глаг. *paraître* в предложениях рассматриваемого типа.

Близок к глаг. *paraître* по значению глаг. *sembler*, передающий «более субъективное, неточное впечатление»: ³ *Toutefois, si admirable que vous semble le Paris d'à présent, refaites le Paris du quinzième siècle* (Hugo, 141). Предложения с этим глаголом также содержат дополнительный актанта (*vous* в приведенном выше примере), или субъект восприятия в них не уточняется: *Là chaque œuvre individuelle, si capricieuse et si isolée qu'elle semble, a sa place et sa saillie* (Hugo, 193).

Структуры с глаголами *paraître* и *sembler* могут включать в свой состав инфинитив глагола *être*: *Tout braves qu'ils paraissaient être, les deux gentilshommes anglais se regardèrent en hésitant...* (Les Trois, I, 396); *Chicot guettait jusqu'au moindre geste, craignant que le chancelier tout naïf qu'il semblait être, n'eût réussi à découvrir quelque chose de moins simple que ses premières révélations* (La dame, 461). Глаг. *être*, употребление которого на первый взгляд кажется излишним, по-видимому, ослабляет сему «мнимости», присутствующую в глаголах *paraître* и *sembler*. В оборотах, используемых А. Дюма, вероятность наличия хрестоты (1) и наивности (2) выше, чем в таких оборотах, как *Tout braves qu'ils paraissaient* и *Tout naïf qu'il semblait*. Это происходит потому, что в конструкции с глаг. *être* логический акцент падает на инфинитив, который следует за глаголами *paraître* и *sembler*, в результате чего лексическое значение этих глаголов отходит на второй план (заметим также, что обе приведенные нами структуры вводятся наречием *tout*, выражающим абсолютную степень качества).

Признак может предикцироваться не только подлежащему, но и прямому дополнению. В этом случае в частноуступительном предложении используются другие глаголы: *croire, imaginer, juger, trouver* и т. д. Напр.: *Un dictionnaire de langue, si bon qu'on l'imagine, souffre néanmoins d'être un ouvrage de référence destiné au public* (Wagner, 9); *Si fine qu'elle se croie, elle finira par se couper* (Simenon, 136). Эти глаголы сравнительно легко объединяются в одну тематическую группу: глаголы субъективного восприятия и констатации.

Вторая группа глаголов, использующихся для предикцирования признака прямому дополнению, это глаголы: *créer, désirer, faire, laisser, rendre* и др. Напр.: *...mais pour simple qu'il désirât sa cravate (modeste noeud de sarah noir), encore le voulait-il choisir* (Gide, 17); *Si routinier, si automatique que je m'appliquasse à rendre ce travail, j'étais confondu pourtant de trouver les distances que je mesurais si médiocres* (Gracq, 217). На основе семантики их можно определить как группу глаголов активного воздействия и желания.

Сопоставление частноуступительных придаточных с простыми предложениями, в которых также производится предикцирование признака подлежащему или прямому дополнению, обнаруживает в большинстве случаев совпадение используемых в этих целях глаголов. Рассмотренным ранее уступительным структурам на уровне простого предложения соответствуют следующие: *Il était devenu renfermé, bourru, distant...*; *Le compliment était flatteur...*; *...On l'imagine bon...*; *Elle se croit fine* и т. д.

Помимо названных глаголов простые предложения допускают также употребление в роли средства предикцирования

признака глаголов движения. Широко известны структуры типа *Elle est partie furieuse*; *Il est arrivé indigné*. В уступительных предложениях, как показывает исследование, глаголы движения не встречаются. Данный факт требует объяснения.

Глаголы движения берут на себя значительную часть смысловой нагрузки предложения в целом. Увеличение «веса» глагола влечет за собой ослабление акцента, падающего на именную часть сказуемого. Семантика данных глаголов не совместима со значением выделения признака, присущим уступительному обороту. Вероятно, именно это и препятствует их употреблению в придаточных предложениях рассматриваемого типа (**si heureuse qu'elle parte*: **quelque heureuse qu'elle parte*). Глагол в таком обороте выражал бы действие, независимое от признака, происходящее параллельно, и уменьшал бы, таким образом, экспрессивность оборота в целом, изменяя его целевую направленность.

Как видим, усложнение семантических отношений в предложении (предицирование признака в сочетании с уступкой, относящейся к этому признаку) накладывает определенные ограничения на выбор глагола. Это в свою очередь свидетельствует о наличии тесной связи грамматических и семантических характеристик элементов, образующих синтаксические структуры.

СОКРАЩЕНИЯ

Gide	— Gide A. Les caves du Vatican. Paris, 1958.
Gracq	— Gracq J. Le rivage des Syrtes. Paris, 1951.
Hugo	— Hugo V. Notre-Dame de Paris. Paris, 1958.
La dame	— Dumas A. La dame de Monsoreau. I. Paris, 1966.
Les Trois	— Dumas A. Les Trois Mousquetaires. I, II. Moscou, 1974.
Marceau	— Marceau F. Bergère légère. Paris, 1967.
Mauriac	— Mauriac F. Thérèse Desqueyroux. Le noeud de vipères. Le sagouin. Un adolescent d'autrefois. Moscou, 1975.
Maurois	— Maurois A. Les Trois Dumas. Paris, 1967.
Rolland	— Rolland R. Jean Christophe. IV. Moscou, 1958.
Simenon	— Simenon G. Maigret se fâche. Lénningrad, 1974.
Wagner	— Wagner R.-L. Les vocabulaires français. Paris, 1970.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Илья Л. И. Синтаксис современного французского языка: Теоретический курс. М., 1962, с. 96. М. И. Улановский определяет связность на структурном уровне как «атрибутивную валентность глагола» (Улановский М. И. О структурно-семантическом аспекте сочетаемости глагола с прилагательным в современном французском языке. — Учен. зап. Рязанского гос. пед. ин-та, 1970, т. 48, с. 149). А. И. Чобану, предлагая термин «полусвязочный глагол», подробно исследует все группы таких глаголов в молдавском языке (Чобану А. И. Синтаксис полусвязочных глаголов в молдавском языке. I. Кишинев, 1976, с. 12—15).

² Следует отметить, что все связочные глаголы, кроме глаголов *devenir* и *sembler*, могут выступать как полнозначные. И. Н. Юматова говорит, что в дополнительном глагольном компоненте нуждается имя (именная часть

сказуемого), глагол же (речь идет о связочных глаголах в узком значении термина) «делает качество процессуальным признаком подлежащего, выявляя своим значением характер проявления этого качества» (Юматова И. Н. Глагольно-именная конструкция с прилагательным во французском языке: Автореф. канд. дис. Л., 1963, с. 8—9).

³ Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris, 1972, t. VI, p. 199—200.

Н. Н. МИЛЬМАН

ИЗ ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКИХ ИМЕН, ПРОЗВИЩ И ФАМИЛИЙ

Ономастика, неотъемлемой частью которой является антропонимика, как наука очень молода. Предметом ее исследования являются имена, образованные и данные людьми. Человеческие имена и их формы восходят к различным эпохам истории народа, и эта область языковой деятельности очень тесно связана с нею.

Изучение имен, прозвищ и фамилий оказывается важным и нужным как для историков, так и для лингвистов. Способы наименования людей и сам национальный именник в той или иной мере отражают социальную структуру общества, быт и характер народа. Лингвисты же, исследуя антропонимы, получают возможность установить источники фамилий и пути формирования этого объемного, исторически разнородного и трудно поддающегося интерпретации лексического пласта. Кроме того, связь множества фамилий с прозвищами из имен нарицательных является основанием для восстановления такой лексики живого разговорного языка прошлых эпох, которая не зафиксирована памятниками письменности. Антропонимы хорошо сохраняют некоторые основы и словообразовательные средства, ставшие в пределах нарицательной лексики реликтовыми.

Однако изучение антропонимики, в частности французской, затруднено как из-за отсутствия полных словарей фамилий, личных имен, прозвищ, так и из-за недостаточной разработанности теоретических основ лексикографирования имен собственных. Отсутствие исторического ономастикона в особенности затрудняет изучение современных французских фамилий.

В этом плане хартии — тексты завещаний, договоров, доверенностей и других правовых актов, отличительной чертой которых является богатый ономастический материал, представляют особенно большой интерес.

Появление первых грамот на французском языке относится к концу XII — началу XIII в. Огромным преимуществом их по сравнению с литературными памятниками является то, что они датированы, локализованы, представлены в большом коли-

честве и в оригинале. Материалом для данного исследования послужили имена и фамилии, зафиксированные в документах XIII—XIV вв.¹ Их изучение дает возможность проследить пути становления антропонимической системы французского языка.

Официально принятая в настоящее время во Франции антропонимическая система — личное имя (одно или несколько) + фамилия — является результатом длительного исторического развития. На ранних этапах истории общества наименование являлось названием-характеристикой, т. е. определяло субъект по какому-то признаку. К таким наименованиям можно отнести одночленные именования кельтов (галлов): *Vercingetorix* (*grand roi des tueurs*), *Durnacos* (*au poing fort*), *Artos* (*ours*).

С приходом в Галлию римлян кельтская система была разрушена. Однако и римская система, состоявшая из личного имени (*praenomen*), имени рода (*nomen*) и имени ветви рода (*cognomen*), а иногда и из официального прозвища (*agnomen*), не была усвоена галлами, так как сама подверглась разрушению под воздействием христианской религии: Ср.: *Publius* (*praenomen*) *Cornelius* (*nomen*) *Scipio* (*cognomen*) *Africanus* (*agnomen*); *Marcus Tullius Cicero*. Как трехчленная римская система удерживалась некоторое время на территории Галлии (ср.: *Georgius Florentius Gregorius*), причем дольше на юге; на севере же эта система разрушается под влиянием франкского элемента.

В эпоху франкского завоевания система именования сужается до имени, которое давалось ребенку при рождении, не передавалось по наследству и умирало вместе с человеком: *Clothaïre*, *Clovis*, *Garibert*. Иногда имена сопровождалась эпитетами (*Hugues Capet*, *Robert le Fort*), но они также не передавались по наследству. Эта система именования просуществовала до X в.²

Постепенно, однако, по причине большой омонимичности личных имен, ограниченности и повторяемости ономастического фонда, прежний принцип именования уступает место другому, в котором необходимая информация о соответствующем лице содержится во втором имени или прозвище.

Появление во французских документах первых прозвищ (*surnooms*) А. Жири³ относит к X в. Случаи употребления этих прозвищ еще очень немногочисленны, они характеризуют исторические личности, указывая в основном на этнический признак, и сохраняют свое первоначальное «прозвищное» значение: *Pépin de Landen*, *Pierre de Prise*, *Louis le Pieux ou le Débonnaire*, *Charles le Chauve*.

Как показывает исследованный материал, к XIII в. количество прозвищ значительно возрастает. Именно в этот период идет активизация «офамиливания» людей различных сословий, закрепление прозвища как именования, передаваемого по на-

следству, намечается переход антропонимической системы *nom de baptême* к системе *nom de baptême + surnom*, а затем к общепринятой в настоящее время формуле именования — *nom de baptême + nom de famille héréditaire*.

Все именованные, зафиксированные в хартиях, можно разделить на две группы. Первая группа — одночленные именованные, состоящие из личного имени, употребляемого либо изолированно, либо с уточняющим свободным компонентом, типа *sire, seigneur, chevalier, bourgeois, femme de, sœur de* и т. п.⁴

Je, Jehans, chevaliers, sires de Cons... (Meurthe-et-Moselle, 1270); *Je Soibers, priours de Sathenay...* (Meuse, 1268); *Nos. Yolenz, duchesse de Borgoinne...* (Côte-d'Or, 1244).

Эта группа в количественном отношении уступает примерно в три раза группе двучленных именованных, состоящих либо из двух личных имен, либо из личного имени и прозвища. Двучленные именованные и рассматриваются нами как фамильные в процессе становления.

Сам термин «фамилия» (*nom de famille*), равно как и термин «прозвище» (*surnom*), в этот период еще не употреблялся,⁵ хотя попытки со стороны сcribes зафиксировать и как-то оформить это дополнительное к основному именованию имя иногда имели место: ...*Ponceron, fille Ponsart de Maisieres, apeleit dou Chaine...* *Ponsart dou Chaine; ...fil jadis Ponsart de Maisieres, apeleit de Myrtin...* (Ardennes, 1289); ...*Pierexel dit de Trieves* (Lorraine allemande, 1286) — выделенные слова соответствуют значению «названный», «по прозвищу».

Однако подобный способ присоединения второго компонента именования не закрепился во французском языке: стабильный порядок слов в складывающемся именовании (за прозвищем сохранялось всегда второе место) исключал необходимость в употреблении дополнительных указаний на прозвищное происхождение: *Aveline Maunourrie; Godefroi de Papellon; Richart l'Engles etc.* (Rôle des cens, Oise, 1281).

Первым компонентом двучленного фамильного именования всегда выступает личное имя (*nom de baptême*). Оно давалось в обязательном порядке при крещении по календарному списку. Этимология личных имен, зафиксированных в хартиях, разнообразна. Особенно велико в исследованных хартиях количество имен германского происхождения (65%), получивших широкое распространение в связи с приходом в Галлию франкских и других германских племен. Первоначально они давались воинам, были связаны с военной терминологией или обозначали какие-либо качества, свойственные воину. Но, распространяясь среди галльского населения, эти имена теряли свой первоначальный смысл, переставали указывать на германское происхождение их носителей. Распространению личных имен германского происхождения способствовало и то, что они являлись в основном двусоставными словами, слагающие элемен-

ты которых (существительные или прилагательные) могли давать различные комбинации:

theud (=peuple bald (=audacieux) }	Thierry, Thibaud, Bauduin, Baudon
rik (=chef) land (=pays) }	Henris, Landrix etc.

Новой чертой складывающейся системы именования явилось употребление каких-либо дополнительных сведений о человеке. В качестве такого уточняющего элемента к основному имени начинают добавлять второе личное имя — патроним (имя отца). Оно всегда следовало за основным именем, однако в документах встречается именования с промежуточной конструкцией “fils de”, “fils de devant dit”.

Эта конструкция, передающая родственные связи, не находит развития в антропонимической системе французского языка. Наименование упрощается до двучленной формулы, и патроним воспринимается как неотъемлемая часть имени сына (дочери), переходит затем к следующему поколению и становится наследственной фамилией. В настоящее время почти все французские личные имена являются одновременно и фамилиями.

Изучение хартий XIII в. показывает, что в этот период личные имена в функции фамилий употребляются преимущественно в измененной форме, с добавлением суффиксов ласкательно-уменьшительного значения. Иллюстрацией к этому могут быть следующие зафиксированные в документах формы с наиболее часто встречающимися суффиксами:

а) латинского и германского происхождения

-et (-ette) < ittus	— Blanchet, Guillet, Colette, Amete
-el < ellus	— Estevenel, Ansel
-in (-ine)	— Hame in, Robin, Guillemin, Gerandin, Bauduin, Huguenin Lambin, Asceline
-on < c. régime	— Guion, Francon, Jakemon, Wion, Estevenon
-echon < germ. izo, izeon	— adechon
-ard < germ. hart	— Bernart

б) романского образования

-ier	— Bertier, Herbier
-ence	— Florence
-aul	— Perreaul

Суффиксы -in, -on, -et особенно часто используются для образования новых форм с целью передачи родственных связей.

Разнообразны также и суффиксы, образующие формы женского рода: Nychoulate (Haute-Saône, 1270); Johanne (Oise, 1270); Jahennete (Oise, 1281); Perrine (Oise, 1260).

Создание новых форм происходило различными способами: добавлением суффикса к первоначальной основе личного имени (Guillaume — Guillaumet), заменой одного суффикса на

другой (Lambert — Lambin), добавлением второго суффикса (Etienne — Estevene — Estevenon), изменением основы (Nicolas — Colard — Colin — Colette).

Многообразие формообразовательных способов хорошо прослеживается при изучении вариативности одного и того же личного имени: Pierre, Perre, Perrin, Pierron, Perrine, Perren-tin, Perrinet, Perreaul, Pierexel, Peyra; Hues, Hueit, Huet, Hugue, Huon, Huson, Hugun, Huguenin etc.

Личные имена собственные, таким образом, значительно пополняют словник для исследования словообразовательных элементов французского языка изучаемого периода.

Помимо указанной выше группы фамилий от личных имен (составившей 15%) в памятниках в большом количестве (35%) представлены фамильные наименования, образованные от топонимов и этнонимов. Они указывают на место проживания или место происхождения именуемого.

В актах зафиксировано несколько десятков фамилий, образованных от названий людей по занятиям, профессии, часто наследственной в семье: Adan le Marquant (Tournai, 1269) — marchand; Thomas le Pevrier (Deux-Sèvres, 1277) — marchand de poivres; Lorenz le Fournier (Oise, 1281) — fournier и т. п. Эти фамилии довольно прозрачны, по ним можно судить о профессиях предков — их носителей. Особенно многочисленными были профессии торговцев, кузнецов и других ремесленников, занимающихся старинными ремеслами, — плетельщиков, колесников, каретников. Возникновение их объясняется бурным развитием торговли, ремесел во Франции XIII—XIV вв. Изучая подобные антропонимы, можно многое узнать о жизни народа в прошлом, о его занятиях; они воскрешают названия старинных ремесел, исчезающих или уже исчезнувших в настоящее время, как, например, профессия каретника — Le Royle, charron.

Но, пожалуй, особенно интересный материал для исследования представляют ставшие основой фамилий слова, называющие людей по особенностям их внешности, характера, поведения, по склонностям. Фамилии с такой основой довольно распространены в актах (около 27%). Эти прозвища (или клички — sobriquets) отражают различные особенности внешности человека: цвет волос и их густоту (Blond, Roussel, Brunel, Bayart), цвет глаз, лица (Blouet, Vair, Ver, Persel, Per-sete, Frequel), особенности роста (Le Lonc, Le Bref, Cudot), телосложения (Maigre, Larquelle, Legros), индивидуальные особенности-недостатки (La Boisteuse, Clochiers, Choppard, Bes-quillon, Tardiu) или качества характера человека — болтливость (Bes, Bequete, Bavate), хитрость (Goupi, Burdel, Gourle), гордость (Cretel, Boberel), неуживчивость (Malvoisine, Sauvage, l'Ermite), злобность (Malisse, Dur, Grifon, Roide), доброту, смелость, красоту (Li Bons, Bel, Li Biaux, Franchomme).

В большинстве подобных прозвищ отразилось отрицательное, критическое, ироническое отношение к тем людям, которым их давали. Реже в прозвищах отражены положительные качества. Прозвища с отрицательной характеристикой относились в основном к представителям низших слоев общества. Они красноречиво отражают состояние общества того времени, уровень его культуры, социальное положение человека, а вместе с тем и социальную структуру самого общества.

Итак, изучение фамильных именований в актах деловой письменности раннего периода помогает восстановить картину прошлого, нравы и обычаи эпохи. Оно дает возможность устанавливать источники французских фамилий и пути формирования этой части лексики французского языка. Кроме того, связь множества фамилий с прозвищами из имен нарицательных расширяет наше представление об эмоционально окрашенной лексике прошлого и помогает выявить многие слова, бытовавшие только в живой народной речи и не попавшие в обработанные тексты литературных произведений или документов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование проводилось на материале хартий, опубликованных в кн.: Carolus-Barré L. Les plus anciennes chartes en langue française, t. I. Paris, 1964; Schwan E., Behrens D. Grammaire de l'ancien français: Troisième partie. Leipzig, 1913.

² Lebel P. Les noms de personnes en France. Paris, 1968, p. 60.

³ Giry A. Manuel de diplomatique. Paris, 1894, p. 361.

⁴ Здесь и далее примеры даны по материалам проанализированных хартий. В скобках указывается место и год создания хартии.

⁵ Фиксация фамилии (второго имени) закрепляется во Франции с XV в. (Dauzat A. Les noms de famille de France. Paris, 1949, p. 47—48).

Т. П. НИКИТИНА

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ АРТИКЛЬ В ИМЕННОЙ СИНТАГМЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ XI в.

В настоящей статье изучается вопрос о функционировании неопределенного артикля в именной синтагме обстоятельства в начальный период развития французского языка. Подобный анализ производится впервые; он был сделан достаточно подробно лишь в отношении именных синтагм субъекта и объекта.¹

В истории становления французского неопределенного артикля многое отлично от развития определенного артикля: как по времени появления в языке, так и по интенсивности распространения неопределенный артикль отстает от определенного. Внимание исследователей привлечено к причинам более позднего, по сравнению с определенным, развития артикля ип,

к механизму его проникновения в язык, а также к тем функциям, которые артикль *un* выполнял в старофранцузском языке.

Большинство исследователей относит процесс ослабления латинского *unus* к поздней латыни, вместе с тем *unus* в значении 'один из многих', 'некий' встречался и в архаической,² и в классической латыни, где он употреблялся параллельно с *quidam*.³ Начиная с IV в., *unus* получает широкое распространение в силу развивающейся в нем многозначности. По мнению Е. Б. Ройзенблит,⁴ зачатки многозначности *unus* находятся в архаической латыни, причем основным значением его как в архаической, так и в поздней латыни является экспрессивно-выделительный оттенок, явно преобладающий над значением неопределенности. Развитие значения неопределенности у французского артикля *un* стимулируется возникшим ранее значением определенности у артикля *le*. Двойственность значений *un*, сочетание в нем двух взаимоисключающих оттенков — выделительного и неопределенного, объясняет замедленную, по сравнению с определенным, эволюцию неопределенного артикля.

С иных позиций рассматривает причину отставания в развитии неопределенного артикля Д. К. Чебялис. Он указывает, что соотнесенность с классом, составляя грамматическое содержание артикля *un*, оказывается более абстрактной, чем соотнесенность с ситуацией, выражаемая определенным артиклем *le*.⁵ Это обусловило проникновение неопределенного артикля в именную синтагму на 150 лет позже, чем артикля *le*.

На раннем этапе развития французского языка неопределенный артикль встречается в 15 раз реже, чем определенный.⁶ Как указывает Я. С. Гусев, лишь к XV в. неопределенный артикль постепенно приближается к тем же количественным характеристикам, что и определенный артикль. Так, существительное в единственном числе в функции подлежащего в XI в. сопровождается определенным артиклем в 88% случаев, а неопределенным — в 44,5%, в XV в. цифры другие — соответственно 83,4 и 77,8%.⁷

Все исследователи отмечают, что более поздняя морфологизация неопределенного артикля и постепенность его распространения связаны с особыми функциями, которые неопределенный артикль выполнял в старофранцузском языке в отличие от современного.

Исходя из концепции «неопределенной» детерминации, осуществляемой неопределенным артиклем, большинство историков языка признает артикль *un* определяющим, детерминирующим элементом, актуализатором имени существительного. В IX—XI вв. *un* выполняет функцию организатора именной синтагмы, непосредственно связанного с ее коммуникативной функцией в предложении. Д. К. Чебялис указывает, что «вы-

бор детерминатива на этом первоначальном этапе развития языка находился в особой зависимости в первую очередь от информативной нагрузки именной синтагмы и лишь затем от ее грамматической функции».⁸

Неопределенный артикль появляется в синтагмах субъекта, объекта, обстоятельства, совмещаая указание на конкретность одного предмета (лица) с указанием на принадлежность к классу соответствующих предметов (лиц или понятий).

Включение неопределенного артикля в обстоятельственную синтагму имеет свои отличительные черты и проливает дополнительный свет на функционирование артикля *un* в ранний период развития французского языка. В этом плане наибольший интерес представляет языковой материал XI в. В XII в. произошел значительный сдвиг в сторону обобщенности артикля *un*, в связи с чем изменилась специфика именной установкой с неопределенным артиклем. Что касается памятников более ранней поры, т. е. IX—X вв., то они почти не предоставляют необходимого материала (в «Страсбургских клятвах» неопределенного артикля нет, в «Кантилене о святой Евлалии» он употреблен лишь один раз).

При анализе языка памятников XI в. бросается в глаза следующий факт: неопределенный артикль входит в именную синтагму, выполняющую обстоятельственную функцию, чаще, чем в синтагму субъекта и объекта, удерживая в этой позиции, как правило, первое место в «неопределенной» детерминации существительного. Так, в «Песни о Роланде» 9,7% от общего числа неопределенных артиклей входит в синтагму субъекта, 28,3% — в синтагму объекта и 37,6% — в синтагму обстоятельства; в «Хождении Карла Великого в Иерусалим и Константинополь» 12,2% — в синтагму субъекта, 33,3% — в синтагму объекта, 40,3% — в синтагму обстоятельства; в «Житии св. Алексея» 19% — в синтагму субъекта, 33,3% — в синтагму объекта, 33,3% — в синтагму обстоятельства.

Столь активное проникновение *un* в синтагму обстоятельства объясняется, по-видимому, тем, что в плане коммуникации обстоятельство весьма часто входит в состав ремы. Так как в XI в., по мнению Д. К. Чебялиса, среди детерминативов намечается разделение на выражающие основу, известное, и на выражающие новое в высказывании,⁹ то неопределенный артикль включается с этого времени в синтагму обстоятельства для выполнения коммуникативного задания — передачи нового, тем более что место обстоятельственной группы в составе предложения наиболее подвижно, так что позиция ни в коей мере не способствует выявлению ее коммуникативной функции: *Desuz un pin i est alet curant* (Ch. R., 2357); *Desuz un arbre l'unt mis lez un sentier* (Ch. G., 929); *Demain les ferai pendre en som cel pui/A unes forz estaches... al vent* (P. Ch., 760—761). Как видно из приведенных примеров, синтагма обстоя-

тельства может находиться в начале, конце и середине предложения.

Нам представляется, что в именной синтагме обстоятельства неопределенный артикль функционирует несколько иначе, чем в синтагме субъекта и объекта. В синтагме обстоятельства *un*, как правило, не выступает структурным сигналом, направляющим внимание на последующую информацию, не создает «ожидания», как это имеет место в синтагме объекта.¹⁰ Для обстоятельственной синтагмы характерна большая независимость лексического содержания, отсутствие непосредственной связи с соседними сегментами речевого потока: *Li emperere s'est culcet en un pret* (Ch. R., 2496); *Marsilie vient par mi une valee* (Ch. R., 1449); *Uns reis i est, si ad num Corsablix, / Barbarins est, d'un estrange pais* (Ch. R., 1235—36).

В этом отношении синтагма обстоятельства с неопределенным артиклем носит более обобщенный характер, чем синтагма объекта. Она более обобщенна и чем синтагма субъекта, которая в этот период достаточно конкретна, что проявляется в возможности определить предмет или явление, составляющее смысловое содержание самой синтагмы, как единственное в своем роде, наделенное рядом индивидуальных свойств.¹¹ Как нам кажется, описательный характер в еще большей степени присущ номинативному предложению, содержащему единственный главный член — подлежащее, выраженное существительным с неопределенным артиклем: *Ais li devant uns chevalers, Tierris, / Frere Gefrei, a un duc angevin* (Ch. R., 3818—19). В приведенном примере неопределенный артикль в синтагме субъекта, по нашему мнению, отчетливо выполняет индивидуализирующую функцию, т. е. выделяет одно лицо на фоне ему подобных.

В обстоятельственных синтагмах с артиклем *un* нереализованное «ожидание» в большинстве случаев приводит к обобщенности. Проявляя наименьшую зависимость от контекста, *un* при обстоятельстве является артиклем в полном смысле слова. Этим объясняется, по-видимому, тот факт, что в синтагме обстоятельства неопределенный артикль чаще, чем в других именных синтагмах, выполняет так называемую вводящую функцию, а это свойство становится на современном этапе основной функциональной чертой неопределенного артикля.

Ряд примеров убеждает нас в том, что именно в обстоятельственной синтагме вводящая функция нередко была присуща неопределенному артиклю: *Oliver est desur un pui muntet* (Ch. R., 1028) / *Cum einz il pout, del pui est avalet* (Ibid., 1037); *Li empereres est en un grant verger* (Ibid., 103) / *El grant verger fait li reis tendre un tref* (Ibid., 159); *Entrat en un mostier de marbre peint a volte* (P. Ch., 113) / *Alez, sire, al mostier, por les fonz aprester* (Ibid., 135); *Danz Alexis entrat en unc nef* (V. A., 39) / *Eist de la nef e vait edrant a Rome* (Ibid., 43).

Во всех приведенных примерах из памятников XI в. неопределенный артикль выполняет функцию «ввода» в повествование нового предмета, и мы наблюдаем четкую корреляцию артиклей *un* — *le*. Это позволяет предположить, что именная синтагма в синтаксической функции обстоятельства являлась благоприятной почвой для развития неопределенного артикля как основного актуализирующего элемента.

Итак, своеобразие функционирования неопределенного артикля в синтагме обстоятельства заключается в том, что вся синтагма носит более обобщенный характер, чем синтагма объекта, в которую также включается *un* на раннем этапе развития языка: синтагма обстоятельства с артиклем *un* имеет меньшую степень конкретности, так как «вакуум», создаваемый неопределенным артиклем, обычно не заполняется. В связи с этим в обстоятельственной синтагме легче создаются условия для развития у *un* вводящей функции, той функции, которая в первую очередь свойственна неопределенному артиклю в современном французском языке.

СОКРАЩЕНИЯ

- Ch. G. — *La Chançon de Guillelme* / Herausgeg. von H. Suchier. Halle, 1911.
 Ch. R. — *La Chanson de Roland* / Publ. d'après le manuscrit d'Oxford. L'édition d'Art H. Piazza. Paris, 1931.
 P. Ch. — *Pèlerinage de Charlemagne* — Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel / Herausgeg. von E. Koschwitz. Leipzig, 1907.
 V. A. — *La vie de saint Alexis* / Publ. par G. Paris et L. Pannier. Paris, 1887.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Чебялис Д. К. Грамматическая установка существительного и именное склонение во французском языке IX—XVI вв. Вильнюс, 1978.
- ² Regula M. *Historische Grammatik des Französischen*, Bd. II. Heidelberg, 1956, S. 62; Wartburg W. von. *Evolution et structure de la langue française*. Berne, 1950, p. 32—33.
- ³ Bruneau Ch., Brunot F. *Précis de grammaire historique de la langue française*. Paris, 1956, p. 221.
- ⁴ Ройзенблит Е. Б. К вопросу истории развития определенного и неопределенного артикля во французском языке: Автореф. канд. дис. М., 1954.
- ⁵ Чебялис Д. К. Указ. соч., с. 31.
- ⁶ Ройзенблит Е. Б. Указ. соч., с. 20.
- ⁷ Гусев Я. С. О некоторых особенностях эволюции системы французских артиклей в XI—XV вв. — В кн.: Форма и значение в языке и речи. Горький, 1976, с. 128.
- ⁸ Чебялис Д. К. Указ. соч., с. 30.
- ⁹ Там же, с. 25.
- ¹⁰ В объектной синтагме неопределенный артикль обычно служит структурным сигналом, направляющим рецептора на последующие сегменты речевого потока и указывающим на обязательную связь между ними и синтагмой объекта. Неопределенный артикль выступает признаком того, что должно последовать объяснение, необходимое для семантической и структурной законченности предложения. В результате этого *un* порождает в созна-

ний слушающего своего рода «вакуум» или «ожидание», которые должны быть заполнены (там же, с. 38—39).

¹¹ В синтагму субъекта неопределенный артикль входит гораздо реже, так как субъект чаще всего является основой высказывания. Характер субъектной синтагмы с *un* определяется всем предложением, которое обычно носит исключительно описательный характер (там же, с. 32).

М. К. САБАНЕЕВА

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА И ДИАЛЕКТОВ в XVI в.

Начало языковой политики французского абсолютизма знаменует издание 15 августа 1539 г. Франциском I Ордонанса в Вилле-Котрэ, явившегося важной вехой в экстралингвистической истории французского языка. Этот документ закрепил позиции французского языка, окончательно отстранив из сферы государственного аппарата, правосудия, администрации не только латинский и провансальский языки, но и диалекты.¹ Что касается общепроанцузского письменно-литературного языка XVI в., то в нем еще нередко встречаются диалектизмы, причем их использование оказывается весьма разнородным.

Ряд авторов в силу своего социального положения, образования и места жительства пишут на французском языке, в большей или меньшей мере окрашенном диалектизмами разного порядка: фонетическими, лексическими, грамматическими. Именно так обстоит дело с языком мемуаров Филиппа де Виньоля, буржуа из Меца.² К числу систематически представленных в тексте его мемуаров черт лотарингского диалекта³ относятся: дифтонгизация *a > ai* в закрытом ударном слоге (*quairt* — p. 1, *mallaide* — p. 2, *abaitre* — p. 11); в начальном слоге независимо от открытости или закрытости слога (*paigler* — p. 1, *mairchant* — p. 3); переход *bl > ul*, отраженный в полуэтимологических написаниях типа *notauble* (p. 3), *tauble* (p. 12), *imprenauble* (p. 203); характерный для северо-востока трифтонг *iau*: *tonniaulx* (p. 4), *tretiaux* (p. 5) и т. д.

Лексические диалектизмы являются обычно результатом своеобразия фонетического развития, как, например, *waint < gwant* (p. 12) или *tis < tectus* (p. 232) и др.

Также спонтанно, но в меньшем количестве возникают диалектизмы в новеллах Никола де Труа, уроженца Шампани, седельщика по профессии.⁴

Совсем иного рода диалектизмы встречаются у Рабле, Бонавентуры де Перье, Ноэля дю Фай. Не останавливаясь на конкретных, частных диалектных элементах, с исчерпывающей полнотой описанных Л. Сэнеаном,⁵ отметим принципиально общую особенность их употребления: в авторском повествовании диалектные элементы представляют собой лексические заим-

ствования, вполне сознательно использованные с целью передачи местного колорита, точной локализации описываемых событий и персонажей, изображения реалий, типичных для той или иной области.

На таких правах у Бонавентуры де Перье фигурируют *gobelin* 'лукавый бесенок' (нормандский диалект); *rassepiedz* и *trihoriz* 'танцы, исполняемые в быстром ритме' (бретонский диалект) и многие другие. С подобной же целью Ноэль дю Фай употребляет *couette* 'вид матраца' (нормандский диалект); *avoir dronos* 'получать удары' (анжуйский диалект); *huet* 'рогносец' (пикардский диалект) и т. д.⁶

В творчестве Рабле еще одним стимулом к использованию диалектной лексики является любование словами, игра созвучиями, представление о том, что каждое слово вносит свой неповторимый смысловой нюанс. Таким образом, языковая практика Рабле является осуществлением той теоретической программы использования диалектизмов, которая два-три десятилетия спустя будет сформулирована А. Этьеном: «Наш язык подобен богачу, который имеет не только роскошный и хорошо обставленный дом в городе, но и дома в различных сельских местностях, пусть меньшие по размеру и менее изысканные, куда он может отправиться на отдых, если он находит нужным переменить место».⁷

Необходимо особо отметить использование Бонавентурой де Перье диалектизмов фонетического и грамматического порядка.⁸ Если у него лексические диалектные элементы время от времени расцветивают как авторское повествование, так и диалоги, то диалектизмы фонетического и грамматического уровней встречаются исключительно в прямой речи персонажей. Такие диалектные черты не придают ни большей точности, ни большего богатства языку, а сообщают ему комический местный колорит, способствуют речевой индивидуализации действующих лиц. Эта особенность стилистической направленности диалектизмов отличает Бонавентуру де Перье от других его современников. Особенно часто у де Перье фигурирует пуатевинская диалектная речь. Так, например, пуатевинский крестьянин говорит *vien* вместо *vien*, в чем отражается типичное для запада развитие восходящего дифтонга; в предложении *ol est bon iquou chevreau* представлены особенности пуатевинской морфологии, к которым следует отнести *ol < illud*, личное местоимение среднего рода; *iquou = i* (старофранцузская морфема указательного значения в классах местоимений и наречий) + *quou* (новелла LXIX).⁹

Яркие образцы диалектной речи содержатся в переписке пуатевинского крестьянина со своим старшим сыном (новелла LXXI). Узнав о болезни отправившихся в город сыновей и смерти одного из них, крестьянин написал старшему сыну: "Micha, mande moay lo quau ol est qui est mort, de ton frere

Glaume ou de toay, car j'en sui en un gran emoay..." и получил ответ: "Mon pere, i vous averti que n'est pas moay qui suis mort, mais ol est mon frere Glaume; ol est bien vray qu'i estay pu malade que li, car la pea me tombet".

Помимо нарочито безграмотной орфографии и нелепости содержания комизм достигается использованием диалектизмов: ol вм. se; quau вм. quel; li вм. lui (для XVI в. ударная форма местоимения li становится маргинальным явлением так же, как форма lo вм. le); pea вм. peau.

У Бонавентуры де Перье забавная необычность диалектной речи персонажей сопровождается юмористические зарисовки ситуаций и характеров. Фразы, произнесенные на диалекте, рассчитаны как по содержанию, так и по форме на комический эффект. Именно ради него де Перье воспроизводит целые диалоги на диалектах (новеллы XV, LXIX, LXX, LXXI, LXXXII). Отношение к диалектным отклонениям как ресурсу комического свидетельствует о том, насколько стандартным осознается уже в XVI в. общепольский язык.

В теоретических высказываниях и поэтической практике поэтов Плеяды проявляется другой вариант сознательного использования диалектных элементов. Поэты Плеяды, как известно, полагали, что диалекты представляют собой неисчерпаемый источник лексического обогащения общепольского литературного языка. Наиболее ярко эта позиция выражена в знаменитом высказывании Ронсара: «Я далек от того, чтобы отказываться от пикардских, анжуйских, турэнских и мэнских слов, когда они обозначают то, что отсутствует в нашем польском». ¹⁰

Может создаться впечатление, что, с точки зрения поэтов Плеяды, употребление диалектного слова целесообразно, если этим восполняется отсутствие адекватного слова во польском литературном языке. Тем не менее списки лексических диалектизмов, употребленных поэтами Плеяды, ¹¹ свидетельствуют о том, что данный принцип далеко не всегда соблюдался. Так, если в примерах: astelle=éclat de bois; arrocher=viser quelque chose avec une pierre ou un bâton; companage=tout ce qu'on met sur la table hors le pain et le vin диалектизм действительно заменяет перифразу, то другие диалектизмы дублируют существующие во польском литературном языке слова: courget=fouet; dougé=mince; puiaux=puages. Употребление такого рода неоправданных диалектизмов связано со стремлением поэтов максимально использовать внутренние языковые возможности.

Борьба за престиж польского языка в научной и художественной литературе проявляется в призывах ограничить иноязычные заимствования и всемерно обогащать польский литературный язык за счет его собственных ресурсов. ¹² Казалось бы, это противоречит понятию нормирования, кодифика-

ции, поскольку норма предполагает отбор. Судя по высказываниям теоретиков языка в XVI в., отбор в основном декларировался по линии ограничения чужеродного элемента в лексике, в то время как внутриязыковым средствам предоставлялся широкий диапазон вариантности.

Обращает на себя внимание резко отрицательное отношение теоретиков языка к итальянским и испанским заимствованиям.¹³ Очевидно, заимствования из живых языков представлялись недостойными французского языка, в то время как латинская лексика пользовалась большим престижем и подвергалась крайне слабым ограничениям.

Показательно, что декларации поэтов, теоретиков языка и объективные результаты языкового развития значительно расходились. Несмотря на стремление обогащать французский литературный язык за счет использования его внутренних резервов, в том числе диалектизмов, эти последние, подобно многим архаизмам и неологизмам, не вошли в литературный язык. В то же время большое количество лексических заимствований из живых и мертвых языков (итальянского, испанского, латинского, греческого) проникли и закрепились во французском языке, поскольку обычно они проникали вместе с соответствующими новыми понятиями и реалиями. Такое положение вещей свидетельствует о том, что сознательное нормирование литературного языка не всегда совпадало с процессом стихийного отбора и закрепления языковых элементов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Реферовская Е. А. Формирование романских литературных языков: Французский язык. Л., 1980, с. 6.

² Vigneulles, Philippe von. Gedenkenbuch. Stuttgart, 1852. — В тексте статьи в дальнейшем указываются страницы.

³ Об особенностях лотарингского диалекта см. Шишмарев В. Ф. Книга для чтения по истории французского языка. М.; Л., 1955, с. 180—184; Катагощина Н. А. О соотношении литературного языка и диалектов в старофранцузский период (до XIII в.): К изучению проблемы формирования общепольского письменного литературного языка: Автореф. докт. дис. М., 1955; Бородин М. А. Лотарингский диалект французского языка: Автореф. докт. дис. Л., 1962.

⁴ Troyes, Nicolas de. Le grand parangon des nouvelles nouvelles. Paris, 1869.

⁵ Sainéan L. La langue de Rabelais, t. II. Paris, 1923, p. 132—183.

⁶ Sainéan L. Mélanges du XVIe siècle: A propos de du Fail: Les provincialismes chez Des Périers. — Revue du seizième siècle. Nouvelle série, t. 3, 1915, p. 18—59.

⁷ Estienne H. Projet du livre intitulé: De la précellence du langage français. Paris, 1896, p. 167.

⁸ Bonaventure des Périers J. Nouvelles récréations et joyeux devis suivis du Cymbalum mundi, t. I—II. Paris, 1874.

⁹ В доступных нам исторических и этимологических словарях французского языка не оказалось фонетического объяснения согласному [к] в этом местонаимении. В работе Ж. Пиньона (Pignon J. La gente poitevine: Recueil de textes en patois poitevin du XVIe siècle. Paris, 1960, p. 49) игоу возводится

к *essu+ille*. Представляется, что можно допустить контаминацию *essu+ille* и *essu+ille* (с переходом *ei>oi* и вокализацией *i* при последующем согласном).

¹⁰ Ronsard P. Oeuvres, t. 1. Paris, 1887, p. CXVI.

¹¹ Marty-Laveaux Ch. La langue de la Pléiade, t. 1. Paris, 1896, p. 352.

¹² О сложности языковых проблем во Франции изучаемого периода см.: Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967, с. 351—360.

¹³ Brunot F. Histoire de la langue française des origines à 1900, t. II. Paris, 1906, p. 198—215.

Т. М. УШАКОВА

О СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО АФФЕКТИВНОГО СИНТАКСИСА

Язык, как известно, представляет собой систему, целостное образование, в котором все взаимосвязано и взаимообусловлено. Системность языка прослеживается на всех его уровнях, в том числе на синтаксическом, причем характеризуется различными проявлениями.

Одной из форм проявления системности организации языка, в частности французского, является соотнесенность частей речи (морфологических разрядов слов) с определенными синтаксическими функциями. Так, прилагательному отведены в предложении синтаксические позиции определения и именной части сказуемого, глагол в личной форме замещает позицию сказуемого. Беспредложное существительное, в зависимости от его положения по отношению к сказуемому, выполняет синтаксические функции подлежащего или прямого дополнения, в некоторых семантически ограниченных случаях — функцию обстоятельства времени и т. д.

Нас интересовал вопрос: наблюдается ли регулярность в соотнесении тех или иных средств эмоционального выражения (структур аффективного синтаксиса)¹ с определенными синтаксическими позициями, т. е. характеризуется ли французская эмоционально окрашенная речь системностью организации в данном понимании этого термина.

Для изучения вопроса были отобраны оценочно-эмотивные предложения, коммуникативным центром которых является существительное. Это, во-первых, двусоставные глагольные предложения, которые распределились на две большие группы. Первые включают предложения типа: — *Ah! je suis d'une faible avec vous* (Barillet, 28); — *As-tu vu ce corsage? ... Je trouve ça d'une finesse, d'une légèreté!* (Troyat, S., 421). Группу существительного в них мы назвали структурой "*d'une beauté!*". Вторые представлены предложениями, подобными следующим: — *J'ai eu hier soir une insomnie! J'ai d'abord pris Belladéal, il me fait un effet...* (Mallet-Joris, 112); — *Moi, un homme*

marié! Ça me fait *un de ces effets!* (Barillet, 18); — Il a *des mots*, ce Longvy (Mithois, 32); — On a *de ces mots* à dix-huit ans! (Bazin, L., 25). В эту группу входят в их разновидностях для единственного и множественного числа два варианта одной и той же структуры, которая в дальнейшем условно обозначается как структура “*un effet!*”.

Кроме двусоставных предложений в исследовательский материал вошли односоставные номинативные предложения, которые включают либо просто существительное (*Merveille! Comédie! Voyou!*), либо существительное с детерминативами (*Une merveille! La comédie! Ce voyou! Quel artiste!*). Существительное может также иметь при себе определение, выраженное, как правило, прилагательным: — *Ces voyageurs de commerce, toujours pleins de blagues, d'histoires drôles. Un vrai bout-en-train, ce Bécot!* (Mithois, 27); — *Tout cela me navre. Pauvre famille! Quel panier de crabes vous allez faire quand je ne serai plus là* (Bazin, M., 160); — *quels jolis sujets de causette!* (Bazin, L., 25). В данном случае для обозначения группы существительного используется термин «номинативная структура».

Все названные типы предложений были изучены с точки зрения тех синтаксических позиций, которые занимает в них существительное. Исследование показало следующее:

I. ...*d'une beauté!* В предложениях, строящихся с этой структурой или с ее адъективной разновидностью ...*d'un beau!* (ср.: *Cette rue R. est d'une saleté!* (Triolet, 24) — ...*un mouchoir d'un sale!* — Bazin, M., 118), группа существительного в подавляющем большинстве случаев входит в состав именной части сказуемого при связке — глаголе *être* (*Tu es d'une beauté!*), глаголах становления (*Tu restes, tu deviens d'une beauté!*), субъективного восприятия (*Tu parais, tu te sens, je te trouve d'une beauté!*) и некоторых других, оформляющих отношения между подлежащим и его предикативной характеристикой. Второй синтаксической позицией является позиция определения: ...*parfums divers imbibant un haute-laine d'un moelleux!* (Bazin, L., 85). Характерно и обособленное употребление: — *C'était un charmant vieillard. — D'une courtoisie! — D'une réserve! — D'une simplicité! — D'une adresse! ...un homme du dix-huitième siècle!* (Capron, 40). Обособленная позиция также представляет либо предикативное (*le vieillard est d'une courtoisie!*), либо атрибутивное определение (*le vieillard d'une courtoisie!*).

Синтаксические позиции, занимаемые в предложении структурой ...*d'une beauté!*, являются позициями, которые в нейтральном синтаксисе замещаются чаще всего прилагательным.

II. ...*un effet!* Предложения, строящиеся с названной группой, чрезвычайно разнообразны.² Оценка может касаться состояния (— *J'ai une de ces faims!* — Troyat, E., 107), действия

(— Votre ami Nouy était là. Il a plaidé ma cause avec *une chaleur!* — Bazin, L., 109); предмета обладания, в широком смысле (— ...j'ai *un travail!* C'est fantastique! Avec Aimé on ne peut plus suffire! — Camoletti, 32; Elle en avait *des cheveux!* Une toison riche de béliet brun — Groult, 79).

Данная структура чаще всего встречается в позиции дополнения;³

— Ah! le bougre, il a vraiment *une voix!* (Feydeau, 10). — Il a *une de ces voix!* (Lanoux, 14).
— Ah! c'est toi! Tu m'as fait *une peur!* (Roussin, 262). — Tu m'as fait *une de ces peurs!* (Troyat, E., 22).

или выступает в роли обстоятельства, в основном обстоятельстве образа действия:

— Elle s'est conduite *d'une façon!* (Anouilh, 69). — Ce Pérou s'est conduit *d'une de ces façons!* (Mithois, 12).
Rien derrière? Si. Un point vert. Qui En payant son taxi, elle s'effara de se rapproche *à une vitesse...* Terrible son prix. Son argent filait *à une de* (Parmelin, 31). *ces vitesses!* (Groult, 114).⁴

Группа ...un effet!, замещающая правую валентность глагола, соотносится с позициями, характерными в нейтральном синтаксисе для существительных во вторичных синтаксических функциях (не подлежащего).⁵

III. Номинативные структуры. В предложениях типа *Une honte! Comédie! Quelle merveille!* существительное, составляющее номинативную структуру, занимает синтаксическую позицию главного члена предложения⁶ (*C'est une honte! C'est une vraie comédie!* и т. п.). Оно входит в предикативное ядро предложения и соотносится с существительным в позиции именной части сказуемого.

Изученный материал показал, таким образом, что типы аффективных структур, в зависимости от их синтаксических функций, распределились следующим образом:

Тип аффективной структуры	Тип предложения	Синтаксическая позиция, занимаемая аффективной структурой	Соотнесенность с частью речи
... d'une beauté!	Tu es d'une beauté!	Определение, в том числе предикативное	Прилагательное
... un effet!	Cela me fait un effet (des effets)! Cela me fait (un) de ces effets!	Дополнение и обстоятельство	Существительное в функции второстепенных членов предложения
Comédie! Une merveille! Quelle honte!	Comédie! Une merveille! Quelle honte!	Предикативное ядро предложения	Существительное в функции одного из главных членов предложения

Как видим, прослеживается своеобразная парадигма, в которой за каждой аффективной структурой закреплены определенные синтаксические функции. Замещение синтаксических позиций не является произвольным, средства выражения в их соотношении с синтаксическими функциями упорядочены. Это, как нам кажется, дает основание говорить о *системности* французского аффективного синтаксиса и, следовательно, утвердительно ответить на поставленный в начале статьи вопрос.

Системность аффективного синтаксиса, однако, не воспроизводит автоматически организацию нейтрального синтаксиса. В последнем она проявляется в соотношенности с теми или иными синтаксическими функциями морфологических разрядов слов; в аффективной речи регулярную замещаемость синтаксических позиций обнаруживают определенные структуры, сами по себе представляющие синтаксические построения. В стилистически нейтральной речи зависимость обнаруживается в плане: морфология — синтаксис; в аффективной речи: синтаксис словосочетания — синтаксис предложения. Впрочем, возможно, синтаксические структуры (словосочетания) в силу их стереотипности становятся на уровне эмоциональной речи своеобразными морфологическими средствами, служащими целям оформления предложений. Вопрос о своеобразии системы французского аффективного синтаксиса по сравнению с системой нейтрального синтаксиса является самостоятельной теоретической проблемой, нуждающейся в специальном изучении.

СОКРАЩЕНИЯ

- Anouilh — Anouilh J. Le voyageur sans bagages. Paris, 1958.
 Barillet — Barillet P., Grédy J.-P. Fleur de cactus. L'Avant-Scène-Théâtre 1965, N 322 (в дальнейшем — AST).
 Bazin, L. — Bazin H. Lève-toi et marche. Paris, 1952.
 Bazin, M. — Bazin H. La mort du petit cheval. Paris, 1950.
 Camoletti — Camoletti A. Sémiramis. — AST, N 297, 1963.
 Capron — Capron M. Le tabique-taboque. — AST, N 330, 1965.
 Feudeau — Feydeau G. Occupe-toi d'Amélie. Paris, 1954.
 Groult — Groult F. Maxime ou la déchirure. Paris, 1972.
 Lanoux — Lanoux V. Le péril bleu ... or méfiez-vous des autobus. — AST, N 556, 1975.
 Mallet-Joris — Mallet-Joris F. Lettre à moi-même. Paris, 1963.
 Mithois — Mithois M. Croque-monsieur. — AST, N 325, 1965.
 Parmelin — Parmelin H. Le voyage à Lucerne. Paris, 1965.
 Roussin — Roussin H. La locomotive. — AST, N 376, 1967.
 Triolet — Triolet E. L'âme. Paris, 1963.
 Troyat, E. — Troyat H. Les Eygletière. Paris, 1965.
 Troyat, S. — Troyat H. Les semailles et les moissons. Paris, 1953.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наряду с термином «аффективный синтаксис» в литературе используются термины «экспрессивный синтаксис» (Henry A. Etudes de syntaxe expressive. Paris, 1960), «эмоциональный синтаксис» (Долнин К. А. Стилистика французского языка. Л., 1978). По своему содержанию термин

«экспрессивный синтаксис» должен отличаться от термина «эмоциональный», ибо «выражение эмоции в языке всегда экспрессивно, но экспрессия не всегда эмоциональна» (Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке. — В кн.: Сборник статей по языкознанию, посвященный академику В. В. Виноградову / Под общ. ред. проф. А. И. Ефимова. М., 1958, с. 121). Понятие экспрессивного шире понятия эмоционального. Из двух синонимичных терминов «аффективный» и «эмоциональный» мы приняли первый как более традиционный для отечественного и зарубежного языкознания.

² Подробнее об анализе структур, включающих указательный детерминатив, см.: Ушакова Т. М. Семантико-синтаксическая характеристика аффективной структуры "(un) de ces effets!" в современном французском языке. — В кн.: Древняя и новая Романия, вып. 2. Исследования по романской филологии / Отв. ред. А. А. Касаткин. Л., 1978, с. 109—114.

³ Условно считается дополнением существительное и в тех случаях, когда оно лишь формально является таковым, а по смыслу входит в сказуемое.

⁴ Встречается использование структуры ... un effet! в роли именной части сказуемого или определения. В связи с тем, что такие случаи единичны, их следует отнести к пограничным зонам между первой и второй группами изучаемых структур.

⁵ В синтаксической функции обстоятельства конструкция может быть также соотнесена с наречием.

⁶ Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1970, с. 546.

Е. М. ЧЕКАЛИНА

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПАРАДИГМЫ ФРАНЦУЗСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЦВЕТА в XI—XVI вв.

Способность цветового термина к образованию производных является одним из важных показателей его языковой значимости, определяющей в конечном счете занимаемое им положение в семантическом поле цвета. Наличие более или менее полного комплекта производных форм, включающего 1) имя существительное — абстрактное наименование цвета; 2) несколько типов производных прилагательных, в которых суффиксы сообщают значению слова-основы различные дополнительные понятийные и экспрессивные оттенки; 3) глагол — характерно в первую очередь для членов ядра семантического поля, наиболее часто выступающих в качестве производящей основы. Таковы в старофранцузском прилагательные blanc, noir, rouge, vermeil, vert, jaune. От периферийных прилагательных (bloi, blou, gris, inde, pers, citrin, roux, blond, fauve и др.) образуются лишь некоторые производные формы.

Среди имен существительных — абстрактных наименований цвета прослеживается общая для старофранцузской лексики тенденция к недифференцированному употреблению суффиксов -eur (-or), -esse (-ece), -té и параллельное существование разнооформленных, но тождественных по значению образований: blanchor — blanchece; noireté — neiror; verdor — verdeté;

jaunor — jaunece; rugor, vermeillece, griseté, bisor, russur и др.¹ Еще более разителен параллелизм глагольных образований на -oier (-oyer) и -ir, которые имеют нерасчлененное общее значение 'быть (становиться, казаться) — делать того или иного цвета':

blanchoir	blanchir
nerceier	nercir
rogeoier	rogir
vermeillier	vermeillir
verdoler	verdir
jaunoier	jaunir
roussoler	roussir
rovoier (от rovent 'красный')	rovir
blondoir	blondir
indoier	—
persoler	—

В сериях производных прилагательных с суффиксами -ase (-az), -et, -el, -elet, -art наблюдается смысловое расхождение:

blanchace	blanchet	—	blanchart
noiraz	noiret	—	—
rougiace	rouget	—	—
—	vermeillet	—	—
verdasse	verdet	—	—
gainace	jaunet	—	—
roussaz	rousset	roussel	—
aubornaz	—	—	—
paonaz	—	—	—
—	rosinet	—	—
—	blondet	blondel	blonsart
—	biset	—	—
—	indet	—	—
—	brunet	brunel	—
—	grisel	grisel	grisart
—	soret	sorel	—
—	—	fauvel	fauvelet
—	—	morel	morelet

Суффиксы -ase (-az, -asse) и -art передают ослабленность хроматического качества: noiraz 'черноватый', blanchart 'беловатый'. Примечательно взаимное этимологическое притяжение суффикса германского происхождения -art и прилагательных — германизмов blanc, blond, gris. Суф. -et совмещает в своем значении уменьшительность двоякого рода: понятийную (т. е. указывает на приблизительность цветовой характеристики) и экспрессивно-оценочную (гипокористическую) — rouget 'красноватый' и 'красненький'.² Чисто гипокористическую уменьшительность несет в себе суф. -el; эта серия производных явно идет на убыль и сохраняется только у прилагательных, называющих либо цвет волос человека, либо масть животного. Формы grisel, fauvel, morel, roussel способны к субстантивации и часто фигурируют как имена собственные — клички животных. По-видимому, преимущественно уменьшительно-ласка-

тельное значение имеет комбинация суффиксов -el и -et (fauvelet, morelet). Наличие довольно значительного количества уменьшительных форм является еще одной специфической чертой старофранцузской лексики, которую цветообозначения разделяют на уровне всей системы.³

К среднефранцузскому периоду в указанных типах производных слов происходят некоторые изменения; наиболее существенные из них касаются имен прилагательных. На смену вышедшим из употребления формам с суффиксами -asse (-az) и -art приходит новая парадигма с суф. -âtre, также обозначающим приблизительность, ослабленность хроматического качества:

verdâtre, 1350 г.	violâtre, 1468 г.
rougeâtre, 1360 г.	bleuâtre, 1493 г.
blanchâtre, 1372 г.	grisâtre, 1500 г.
sanguinâtre, 1375 г.	jaunâtre, 1530 г.
noirâtre, 1395 г.	brunâtre, 1557 г.
roussâtre, 1401 г.	

Процесс образования этих новых форм, которые появляются не только у ядерных, но и у периферийных прилагательных цвета, в основном заканчивается к концу среднефранцузского периода; только jaune и brun получают соответствующие формы к середине XVI в. Вытесненный -âtre суф. -asse вновь появится среди цветообозначений в конце XVII в. в единичном образовании blondasse 'белобрысый', где он придает основе отчетливо уничижительный оттенок.⁵ Значительно сокращается серия с суф. -el (от 7 до 3 членов); ряд с суф. -et, напротив, отличается активностью и продуктивностью. Пополнился ряд образований с двойным суф. -elet: rougelet, verdelet, griselet, blondelet, brunelet. На протяжении среднефранцузского периода (XIV—XV вв.) все уменьшительные формы продолжают совмещать гипокористическое значение со способностью передавать пониженную интенсивность цветового тона: Jacinte est une fleur et si est une pierre, si sont *bleuetes* come li airs (Guiart, Bible. — In: God, I, 662); Un marbre *verdelet* (Comptes de N. Bracque. — Ibid., X, 844).

Сохранение понятийной уменьшительности в формах, значение которых явно развивается в направлении к экспрессивно-оценочной уменьшительности, можно объяснить тем обстоятельством, что парадигма на -âtre в этот период находится в процессе формирования и не стала еще преобладающей формой выражения ослабленного цветового значения.

Среди имен-существительных с абстрактным значением цвета в среднефранцузском наблюдается большая упорядоченность и суффиксальная однородность. Оформленные разными суффиксами морфологические варианты вытесняются единой моделью с суф. -eur: blancheur, noirceur, rougeur, verdure и т. п. Глагольная парадигма сильно сократилась из-за утраты большинства глаголов I группы с суф. -ouer:

blanchir	blanchoyer
blondir	—
jaunir	—
noircir	—
rougir	—
roussir	—
verdir	verdoyer *
vermeillir	—

Наречие не характерно для деривационной системы цветообозначений. Возникшие в XIV—XV вв. образования на -ment соотносятся не с прямыми, а с переносными значениями соответствующих прилагательных: *noirement* 'мрачно', 'злобно'; *rougement* 'хитро'; *verdemment* 'сильно', 'резко'. В современном языке сохранилось только наречие *vertement*; в глагольных же фразеологических единицах типа *voir rouge*, *rire jaune* грамматическую функцию наречия выполняет имя прилагательное.

В XVI в. словообразовательные парадигмы прилагательных цвета подвергаются значительным изменениям. В этот период происходит размежевание значений форм, передающих понятийную и экспрессивно-оценочную уменьшительность: за -et и -elet закрепляется в основном гипокористическое значение (так называемые *superdiminutifs* с двойным уменьшительным суф. -elet становятся принадлежностью поэтического стиля), а ослабленность хроматического качества выражает отныне суф. -âtre. Аналогичное значение имеет суф. -aud в прилаг. *poiraud* (1538); однако он не является серьезным конкурентом для -âtre, так как не обладает продуктивностью: лишь через столетие появляется форма *rougeaud* (1640), и дальнейшего развития этот ряд не получает. Изначально не имевшие пейоративного оттенка значения и ограничений в сочетаемости, прилаг. *poiraud* и *rougeaud* приобрели их впоследствии. В качестве цветообозначений начинают широко употребляться адъективированные причастия настоящего времени от глаголов хроматического значения: *blanchissant*, *noircissant*, *rougissant*, *verdissant*. К известным ранее в этой функции формам причастия прошедшего времени *poirci* (с XIII в.) и *rougi* (с XV в.) прибавилось *jaunu*.

Именная парадигма пополнилась новообразованиями от глагольной основы с суф. -ment: *noircissement*, *rougissement*, *verdoisement*, обозначающими процесс приобретения той или иной окраски.

Особый интерес представляет возникший в XVI в. новый тип синтаксической конструкции, в которой к прилагательному цвета — члену ядра семантического поля в качестве приложения присоединяется другое цветовое прилагательное, обычно называющее какой-либо довольно редкий оттенок этого же или близкого цвета: *Et estoit le cordage de fil d'or de cypre, et de soie bleue turquine* (M. du Bell. — In: Littré, IV, 2381); *Ces oiseaux ont un collier de plumes rouges vermillonnées qui leur*

embrasse le col (Du Pinet. — In: God, VIII, 195—196). В приведенных примерах наличие согласования с определяемым словом у обоих прилагательных указывает на то, что вся конструкция в целом воспринимается как своего рода распространенное определение-прилагательное. Первый компонент подобных конструкций довольно часто выступает в субстантивированной форме как абстрактное наименование цвета: Les excellens chiens ont à l'eschine *un gris noirastre*, les jambes cannelées et ondées de rouge (Du Fail, 117). Lafnis estoit parée d'estofes d'estime dont la couleur estoit *jaune paillé* (Merlin, 64). По-видимому, так закладывается начало современной нормы, когда при указании на оттенок цвета оба прилагательных остаются неизменяемыми. Как второй компонент, уточняющий оттенок, в отдельных случаях используются и имена существительные. У Добинье в перечне модных цветов упоминается le rouge sang-de-bœuf (Faeneste, 390), а у Рабле встречается сочетание le rouge grenat (Rab, 277).

Языковой материал XIII—XVI вв. позволяет проследить постепенное зарождение нового способа обозначения цветового тона или оттенка, ранее не имевшего языкового наименования. Этот способ, получивший название конверсии и являющийся в наши дни преобладающим при создании неологизмов в области цветообозначений, достаточно изучен в современной лингвистической литературе.⁷ Исторический анализ этого явления, столь современного на первый взгляд, позволяет вскрыть его давние истоки, относящиеся к XIII в. Первым существительным цветового значения, употребленным аппозитивно в функции определения к другому существительному, было наименование красителя *la pourpre* 'пурпур'. В средневековых лапидариях это слово называет цвет драгоценных камней наряду с производным прилагательным *pourprin*: *Ametiste ad purpre* culur, et *retret a sanc martyre* (ANL, 126). Адъективация *pourpre* нерегулярна, носит спорадический характер; однако проявляющаяся уже в XIII в. способность формы *pourpre* выступать в функции именной части сказуемого свидетельствует о том, что семантические преобразования, которым подвержено это слово, отнюдь не поверхностны: *Chelonites est une piere que un limaçon portet en Indie, ele est purpre et vaire* (ANL, 106). Факт употребления *pourpre* в качестве прилагательного с XIII в. отмечен в словаре Литтре: «Вожла, Шаплен, Менаж, Т. Корнель не допускали использования *pourpre* в качестве прилагательного; обычай решил против них: *pourpre* употребляется как прилагательное с XIII в.»⁸ Окончательная адъективация формы *pourpre* относится к XVII в.

В словаре Годфруа приводятся отрывки из деловых документов XIV—XV вв., в которых в функции определения к названию тканей *le sanguin* (*la sanguine*) употреблено имя существительное — наименование красителя *écarlate* 'шарлах':

Une heuke de sanwin *eskerlat*. Une robe de sanguine *escarlata* (Livre de comptes. — In: God, VII, 308). Тематическая группа имен существительных — названий красителей одна из первых подверглась процессу транспозиции в класс имен прилагательных. В основе семантического сдвига «краситель — цвет» лежит своеобразный метонимический перенос, закрепляемый аппозитивным употреблением имени существительного в нехарактерной для него функции. Процесс адъективации названий красителей продолжался в последующие века (*carmin*, *garance*, *vermillon* и др.) и остается активным в современном языке.

Постепенно аппозитивное употребление становится возможным и для имен существительных других тематических групп. В счетах портнихи Изабеллы Баварской существительное *satin* определено существительным же *azur*: *Pour la ferreure de deux jartieres de satin azur, pour lier les chausses de Madame la Roync* (DAMP, 406). В произведениях XVI в. встречаются употребленные в функции прилагательного имена существительные *orange*, *tan*, *turquoise*: *Soye orange* (Ronsard, Eclog. II. — In: God, X, 237); *Velours orange* (Compte de tutelle. — Ibid.); *En cinq volumes couvertz de velours tan, noir, verd, bleu* (Brantôme, 127); *Vous philosophez sur les bas de chausses de la Cour, sur un velours turquoise, un orenzé, feuille morte...* (Faeneste, 390). В подавляющем большинстве случаев определяемое имя существительное является названием ткани. Повидимому, именно такой микроконтекст исключал возможность двусмысленного понимания значения аппозитивно употребленного имени существительного. Отметим также, что в описываемый период уже существовали производные прилагательные *orangé* 'оранжевый' и *tanné* 'темнокоричневый'. Существительные *orange* и *tan* выступали как функциональные прилагательные лишь окказионально, но сама возможность принципиально иного (при тождестве исходного слова) оформления одного и того же смыслового содержания свидетельствует о сосуществовании в языке двух противоположных тенденций. В дальнейшем параллелизм значения форм *orange* — *orangé* *rose* — *rosé*, *tan* — *tanné* был нарушен либо утратой одной из форм (*tan*), либо семантическим размежеванием: *orange* 'оранжевый', *orangé* 'близкий по цвету к оранжевому' (*tirant sur l'orange*). В современном языке в формировании словаря цветообозначений участвуют имена существительные самых разнообразных тематических групп.⁹

Таким образом, к XVI в. деривационная система прилагательных цвета приобрела некоторую законченность и стройность. Уточнились значения аффиксов, разграничились сферы их употребления. Конечно, нельзя говорить о закрытом отныне характере этой системы — частичные изменения остаются возможными, но в целом словообразовательные средства не отвечают более потребностям развивающегося словаря цветообо-

значений, что и обусловило обращение к новому способу его пополнения — конверсии, и по сей день не исчерпавшему себя. В общезыковом плане переход от деривационного способа к конверсии является еще одним проявлением аналитизма как определяющей тенденции в развитии французского языка.

СОКРАЩЕНИЯ

- ANL — Anglo-norman lapidaries, by P. Studer and J. Evans. Paris, 1924.
- Brantôme — Brantôme. Oeuvres complètes, t. X. Paris, 1864—1881.
- DAMP — Franklin A. Dictionnaire historique des arts, métiers et professions exercés dans Paris depuis le XIII siècle. Paris et Leipzig, 1905—1906.
- Du Fail — Du Fail N. Propos rustiques, baliverneries et discours d'Eu-trapel. Paris, 1842.
- Faeneste — D'Aubigné Th.-A. Les aventures du baron de Faeneste. Paris, s. a.
- God — Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle. Paris, t. I, 1881; t. VII, 1892; t. VIII, 1895; t. X, 1902.
- littré — Littré E. Dictionnaire de la langue française, t. IV. Paris, 1883.
- Merlin — Histoire macaronique de Merlin Coccaie, prototype de Rabelais. Paris, 1876.
- ab — Rabelais. Oeuvres, t. III. Berlin, s. a.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гурьчева М. С. О закономерностях в словообразовании романских языков. — Вопросы языкознания, 1954, № 1, с. 74.

² Ср. в современном языке: Rouget. Fam. Légèrement rouge (Petit Robert. Paris, 1976, p. 1579).

³ Hasselrot B. Etudes sur la formation diminutive dans les langues romanes. Uppsala, 1957, p. 169.

⁴ Хронологические данные приводятся по словарям: Bloch O., Wartburg W. von. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 1960; Petit Robert. Paris, 1976; sanguinâtre датировано по примеру, приведенному в словаре Годфруа (см. в сокращениях God).

⁵ Штейнберг Н. М. Аффиксальные словообразование во французском языке: Суффиксация и префиксация. Л., 1976, с. 92.

⁶ В дальнейшем от парадигмы на -ouer останется только глг. verdooyer, и лишь в середине XIX в. к нему добавится заново образованный глг. gougeoyer.

⁷ Список работ, посвященных этому вопросу, весьма обширен. Упомянем лишь одну из последних: Михайлова Е. А. ЛСГ имен прилагательных со значением цвета в современном французском языке: Синтагматическая и парадигматическая характеристика: Автореф. канд. дис. М., 1975.

⁸ Littré E. Dictionnaire de la langue française, t. III. Paris, 1883, p. 1252.

⁹ Gougenheim G. Les mots français dans l'histoire et dans la vie, t. I. Paris, 1972, p. 280.

СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РАЗРЯДА НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ ОТ ЛАТЫНИ К ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ

Формирование разряда неопределенных местоимений французского языка привлекло внимание исследователей почти полным обновлением состава форм. На пути развития языка от латыни к французскому унаследованной из латинского языка оказалась лишь небольшая часть неопределенных местоимений (формы с количественным значением — *aliquantus* < *alquanz*, *tantu* > *tant*, *totu* > *tout*; *aliquis*, превратившееся в наречие *alques*, *aliu* > *el*, *alter* > *autre*, *nullus* > *nuls*). Основные же формы неопределенных местоимений французского языка являются результатом прономинализации существительных *homo*, *res*, *causa*, *persona* или лексикализации позднелатинских словосочетаний с компонентом “*unus*” (*aliquis unus* > *aucuns*; *cata* + *unus* > *chascuns*, *ne* + *ipse* + *unus* > *neissuns*; *qualis quisque unus* quot + *unus* > *quelqu’un*). В центре внимания исследователей оказывались при этом прономинализация существительных и развитие обобщенно-отрицательных значений в исходно положительных формах.¹ В структурно-семантическом аспекте проблема формирования разряда неопределенных местоимений французского языка исследована еще недостаточно.

Основным формообразующим компонентом латинских неопределенных местоимений был *quis* (*quis*, *aliquis*, *quisquam*, *quilibet*, *quispiam*, *quivis*, *quidam*). Генетическая связь *quis* с вопросительным местоимением² предопределила, по-видимому, его неопределенно-гипотетическое значение и содержательную структуру всего разряда неопределенных местоимений латинского языка, характеризующуюся противопоставлением форм гипотезы, с одной стороны, формам реальности, а с другой — формам отрицания.³

Утрата противопоставления форм гипотезы формам реальности в период развития языка от латыни к французскому является основным структурным преобразованием разряда неопределенных местоимений. Это явление до сих пор не имеет удовлетворительного объяснения.

Сама возможность выражения модальных значений (реальность/гипотеза) в подсистеме неопределенных местоимений объясняется, по нашему мнению, спецификой их семантической структуры. В формах неопределенных местоимений закреплены отвлеченные представления о самых общих свойствах предметов материального мира — бытии/небытии, одушевленности/неодушевленности, дискретности/недискретности, единичности/множественности.⁴ Эти понятия являются логическими катего-

рными, составляющими пресуппозиции самого общего характера.

Наряду с названными выше выделяемыми обычно семами всем неопределенным местоимениям свойственна сема подобия или тождества в отношении какого-нибудь признака. Высказывания типа: *Chacun peut apprendre à nager*, *Personne ne saura prédire l'avenir* предполагают, что существует некоторое количество агентов, в равной мере наделенных свойствами, благодаря которым они являются или могут стать носителями действий, выраженных сказуемым.

В силу абстрактности своего значения неопределенные местоимения могут функционировать, т. е. соотносить предмет речи с неопределенным денотатом, только в неразрывной связи с ограничителями их бесконечной неопределенности. Таким ограничителем является прежде всего глагол в личной форме, обеспечивающий предмету речи связь с действительностью через категории времени и наклонения, конкретизирующий сему тождества через выраженный в нем лексически предикативный признак.

Противопоставление гипотеза/реальность в формах неопределенных местоимений латинского языка (*quisquam/aliquis*) является, видимо, результатом отражения в языковом сознании неразрывной связи между степенью неопределенности денотата и степенью реальности/нереальности признака, благодаря которому неопределенный денотат может составить предмет речи. Таким же образом объясняется и существовавшее в классической латыни правило, согласно которому в предложениях с местоимениями гипотетического ряда глагол стоит в конъюнктиве: *Decrevit quondam senatus, ut L. Optimus consul videret ne quid rei publica detrimenti caperet* (Cic., II₄).

Регулярность употребления форм гипотезы с конъюнктивом в поздней латыни нарушается и к концу этого периода утрачивается полностью.⁵ В старофранцузском языке форма *qui* (рефлекс *quis*) функционирует как вопросительная, относительная и неопределенная.⁶ Ее значение реализуется на синтаксическом уровне в тесной связи с формой глагола. В неопределенной реализации форма *qui* полностью утрачивает автономность. Степень же ее неопределенности раскрывается через наклонение и время глагола. Так, в известном клише эпических поэм *qui veïst ... porroit dire* денотат *qui* гипотетичен и в высшей мере неопределенен; в пословице *Qui langue a à Rome va* денотат *qui* почти столь же неопределенен, но вполне реален; в следующей строке из «Жития св. Алексея»: *Ki lui portast suef le fist nurrir* (Al. 32) речь идет о вполне конкретном лице — матери Алексея.

Утрата местоимением *qui* структурной автономности в старофранцузском языке явилась следующим этапом в развитии формального выражения неразрывности внутренней связи не-

определенного местоимения с глаголом, завершающим этапом которого будет лексикализация конструкций типа *qui que se soit, quoi que se soit, je ne sais quoi*.

Исчезновение смысловой специфики *qui* как формы гипотезы разрушило тот стержень, на котором строилась система неопределенных местоимений латинского языка *quis, quisquam, aliquis*. Формирование романских неопределенных местоимений стало базироваться на компоненте *ipus*, происходящем из числительного «один» и включавшем уже исходно сему реальности, существования. Расширение функций *ipus* связано самым непосредственным образом с грамматизацией категории соотнесенности и формированием системы артиклей.

СОКРАЩЕНИЯ

- Al. — Sankt Alexius. Altfranzösische Legendendichtung des 11. Jahrh. Rohlf's G. Halle. 1950.
Cic. — Cicero, M. Tullius. In Catilinam: Oratio prima. Moscou, 1947.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Spitzer L. Remarques sur personne, aucun, rien, jamais. — *Le français moderne*, 1938, N 6, p. 51—55; Weerenbeck B. H. J. Le pronom on en français et en provençal. Amsterdam, 1943; Martin R. Le mot rien et ses concurrents en français. Paris, 1966.

² Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980, с. 222—224.

³ Ламина К. В. О внутренних закономерностях развития формулы отрицания от латыни к испанскому языку. — В кн.: Исследования по романской филологии. Сер. «Древняя и Новая Романья», вып. 2 / Отв. ред. А. А. Касаткин. Л., 1978, с. 122—123.

⁴ Greimas A. Analyse du contenu: Comment définir les indéfinis? — In: *Etudes de linguistique appliquée*. Paris, 1963, N 2, p. 110—125.

⁵ Juret A. *Système de la syntaxe latine*. Paris, 1926.

⁶ Moignet G. Le système du paradigme qui, que, quoi. — *Travaux de linguistique et de littérature*, N 1. Strasbourg, 1967, p. 75—96.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Адмони В. Г. 86
Алисова Т. Б. 45, 46, 56, 66
Андреев Л. Г. 114
Ардентов Б. П. 50
Арутюнова Н. Д. 56, 92

Барби М. 45
Бахтин М. М. 92
Башкин Е. И. 10
Бенвенист Э. 56, 71, 118
Бондарко А. В. 81
Бородинна М. А. 138
Будагов Р. А. 139
Булах Н. А. 85
Бурло В. Д. 61

Вайшнорас А. В. 81
Васильева-Шведе О. К. 61, 66
Введенская Н. А. 86
Вежбицка А. 94
Веселовский А. Н. 121
Виноградов В. В. 92
Володина И. П. 22
Воркачев С. Г. 56

Гак В. Г. 40, 56, 92, 100
Галкина-Федорук Е. М. 143
Гальперин И. Р. 121
Гашибаязова Л. А. 71
Граудина Л. К. 14
Гуревич А. Я. 46
Гурычева М. С. 149
Гусев Я. С. 134
Гухман М. М. 71

Долинин К. А. 142

Золотова Г. А. 55
Золототрубова Н. А. 118

Илия Л. И. 124

Касаткин А. А. 9, 10, 30, 35, 45, 46.
Катагощина Н. А. 138
Кокошкина С. А. 10
Кондаков Н. И. 75
Корди Е. Е. 105
Кузнецов В. С. 100

Лamina К. В. 86, 152
Лаптева О. А. 92, 94
Латышева Р. Г. 61
Левинтова Э. И. 86

Малохеев М. Н. 15
Мамедов Б. Р. 86
Михайлова Е. А. 149
Москальская О. И. 121
Мухин А. М. 117

Недялков В. П. 105
Никонов Б. А. 75

Озерова Н. Г. 86
Орлова М. Н. 85

Панфилов В. З. 75
Перельмутер И. А. 71
Пешковский А. М. 86
Поспелов Е. М. 15
Поспелов Н. С. 118

Рахимов С. 86
Репина Т. А. 66, 109
Реферовская Е. А. 138
Ройзенблит Е. Б. 134

Сабанеева М. К. 56
Селезнева Л. Б. 15

Семереньи О. 152
Сердюкова Н. Н. 100
Сильман Т. И. 50
Симонов М. Д. 15
Сиротинина О. Б. 92
Скрелина Л. М. 109
Степанов Г. В. 61, 66, 99, 100
Степанов Ю. С. 71
Степанова А. Н. 61

Таванец П. В. 75
Таривердиева М. А. 66
Теплоухова И. Л. 10
Тимофеева М. А. 118
Толстой Н. И. 14
Тронский И. М. 26, 76
Трубецкой Н. С. 117

Улановский М. И. 124
Ушакова Т. М. 143

Ференец С. А. 86
Фирсова Н. М. 49

Хлебникова И. Б. 117

Цвейг С. 46
Цкитишвили Н. В. 75

Чебялис Д. К. 134, 135
Черданцева Т. З. 40
Чернышев В. И. 86
Чобану А. И. 124

Шишмарев В. Ф. 10, 121, 138
Штейнберг Н. М. 61, 149

Юматова И. Н. 125

Alonso A. 100
Aretino L. 45

Bacri N. 85
Behrens D. 130
Beinhauer W. 92
Benveniste E. 109
Bloch O. 149
Boccaccio G. 45
Bonaventure des Périers J. 138
Bonora E. 46
Borodina M. A. 15
Bruneau Ch. 134
Brunot F. 110, 118, 134, 139

Capuana L. 22
Carducci G. 45
Carolus-Barré L. 130
Celso Cunha 94
Chaurand J. 15
Corominas J. 17
Creția P. 49

Dante Alighieri 45, 46
Dauzat A. 130
D'Ovidio F. 35
Dubois J. 105, 110

Enriquez Salido M. C. 66
Estienne H. 138

Fernandez Perez X. L. 66
Floarea M. 110
Flora F. 45, 46
Fochi F. 30
Foscolo U. 46

Gak V. G. 118
Ginguené P. L. 45
Giry A. 130
Giusti G. 40
Gougenheim G. 61, 149
Gramsci A. 45
Greimas A. 152

Hanssen F. 71
Hasselrot B. 149
Hauvette H. 46
Henriquez Ureña P. 100
Henry A. 109, 142
Hirt H. 86

Jörnving R. 81
Juret A. 152

Klum A. 30
Koerner K. 17

Lanher J. 14
Lebel P. 130
Le Bidois R. 92
Le Flem D. 109
Lenz R. 86
Lerond A. 14
Littre E. 149
Lorenzo E. 92

Martin R. 152
Marty-Laveaux Ch. 139
Migliorini B. 35
Moignet G. 152
Moure Morino L. 66
Mulon M. 14

Nebrija A. 71
Nikonov V. A. 14

Orosius P. 45

Parodi E. G. 35
Pascua! J. 17
Petrovici E. 15
Pignon J. 138
Pinheiro Torres A. 66
Pottier B. 109

Référovská E. A. 118
Regula M. 134
Robert P. 125
Roca Pons J. 71
Rohlf G. 30, 45
Ronsard P. 139

Said Ali M. 94
Sainéan L. 138
Salviati L. 46
Sauvageot A. 92
Schiaffini A. 45
Schwan E. 130
Seco M. 92
Segre C. 45
Settembrini L. 46
Silva Dias A. E. 75
Simoni-Aurembou M.-R. 14
Spang-Hanssen E. 105
Spitzer L. 152

Sportelli L. 22
Sten H. 75

Tesnière L. 86, 105
Toussaint M. 15
Troyes N. de 138

Valin R. 109
Vassiliéva A. K. 118
Verdier R. 15
Vianu T. 49, 50
Vigneulles Ph. de 138

Wackernagel J. 86
Wartburg W. von 134, 149
Weerenbeck B. H. 152

Yvon H. 109

Zamora Vicente A. 92
Zavadil B. 56

ОГЛАВЛЕНИЕ

Репина Т. А. Научная деятельность Александра Александровича Касаткина	3
Общие вопросы изучения романских языков	
Бородина М. А. Вопросы ономастики и диалектология	11
Будагов Р. А. Романская филология как единая научная дисциплина	15
Володина И. П. Капуана и Боккаччо	18
Панфилов Е. Д. Об одной фонотактической причине звуковых изменений в романских языках	22
Итальянский и румынский языки	
Кушкина Э. Я. Из истории итальянских наречий со значением «никогда» (XII—XIV вв.)	27
Теплоухова И. Л. Компрессия гласных в итальянских поэтических текстах XIV—XIX вв.	31
Черданцева Т. З. Семантическая метаструктура фразеологических единиц (на материале итальянского языка)	35
Эстулина С. Б. «Декамерон» Джованни Боккаччо — памятник "ornato parlare", «украшенной» речи Треченго	40
Сикацкая Н. Ю. О некоторых способах передачи последовательности законченных прошедших действий в румынском языке	46
Иберо-романские языки	
Бубновская Э. Ф. Способы языкового выражения модальности высказывания в современном испанском языке	51
Васильева-Шведе О. К. Об исторической специфике грамматического строя пиренейско-романских языков (осложненное сказуемое и критерий его определения)	56
Гах А. М. Некоторые особенности галисийского в сравнении с испанским и португальским языками	61
Гашибаязова Л. А. Медиальная диатеза и синкретизм староиспанского причастия	67
Голубева Е. Г. Ирреальный условный период (на материале португальского языка)	72
Зернова Е. С. Элатив в языке Сервантеса	76
Лажина К. В. О категории частного отрицания в истории испанского языка	81

Липатова О. И. Стилистические возможности разговорной лексики современного испанского языка	86
Неустроева Г. К. Частица <i>é que</i> как средство выделения темы высказывания в современном португальском языке	92
Николаева С. П. О функционировании некоторых «американизмов» в испанском языке Перу	95

Французский язык

Абросимова Т. А. О семантическом статусе конструкции « <i>se faire</i> + <i>+infinitif</i> » в современном французском языке	101
Боголюбова Л. И. О грамматической сущности элемента <i>le</i> в суперлативе французских прилагательных	106
Елисеева Н. В. Символика солнца и языковые средства ее выражения в повести А. Камю «Посторонний»	110
Иванова Р. В. Нейтрализация грамматических категорий в контексте обобщения (на материале французского языка)	114
Курьянова Л. А. Типы ретроспективного повтора в старофранцузских текстах	118
Макарьева А. П. Предиктивное признание признака предмету в частноуступительном придаточном предложении современного французского языка	121
Мильман Н. Н. Из истории французских имен, прозвищ и фамилий	125
Никитина Т. П. Неопределенный артикль в именной синтагме обстоятельства во французском языке XI в.	130
Сабанеева М. К. К вопросу о соотношении литературного французского языка и диалектов в XVI в.	135
Ушакова Т. М. О системной организации французского афферентивного синтаксиса	139
Чекалина Е. М. Словообразовательные парадигмы французских прилагательных цвета в XI—XVI вв.	143
Щерба Г. М. Структурные преобразования разряда неопределенных местоимений от латыни к французскому языку	150
Указатель имен	153

TABLE DES MATIÈRES

<i>Répina T. A.</i> L'activité scientifique de A. A. Kassatkine	3
---	---

Problèmes généraux de linguistique romane

<i>Borodina M. A.</i> Onomastique et dialectologie	11
<i>Boudagov R. A.</i> L'unité de la philologie romane	15
<i>Volodina I. P.</i> Capuana et Le Boccace	18
<i>Panfilov E. D.</i> D'une cause phonotactique des changements phonétiques dans les langues romanes	22

Langues italienne et roumaine

<i>Kouchkina E. I.</i> Sur l'histoire des adverbes italiens signifiant "jamais" (XII—XIV siècles)	27
<i>Téplooukhova I. L.</i> La compression vocalique dans les textes poétiques italiens aux XIV—XIX siècles	31
<i>Tcherdantseva T. Z.</i> La métastructure sémantique des unités phraséologi- ques (en italien)	35
<i>Estoulina S. B.</i> Le "Décaméron" de Giovanni Boccace — monument de l' "ornato parlare", du "discours orné" du Trecento	40
<i>Sikatskaia N. Y.</i> Sur quelques moyens d'exprimer une succession d'acti- ons achevées dans le passé en roumain	46

Langues ibéro-romanes

<i>Boubnovskaia E. F.</i> L'expression linguistique de la modalité de l'énoncé en espagnol moderne	51
<i>Vassiliéva-Chvédé O. K.</i> Sur la spécificité historique du système gram- matical des langues ibéro-romanes (le noeud verbal complexe et le principe de son identification)	56
<i>Gakh A. M.</i> Quelques particularités du galicien en comparaison avec l'espagnol et le portugais	61
<i>Gachibaïasova L. A.</i> La diathèse médiale et le syncrétisme du participe en ancien espagnol	67
<i>Goloubéva E. G.</i> La période conditionnelle irréal (en portugais)	72
<i>Zernova E. S.</i> L'élatif dans la prose de Cervantes	76
<i>Lamina K. V.</i> Sur la négation partielle dans l'histoire de l'espagnol	81
<i>Lipatova O. I.</i> Les ressources stylistiques du lexique en espagnol parlé	86
<i>Néoustroïéva G. K.</i> La particule <i>é que</i> comme moyen de mise en relief du thème de l'énoncé en portugais contemporain	92

<i>Nikolaiéva S. P.</i> Sur le fonctionnement de quelques "américanismes" dans l'espagnol du Pérou	95
--	----

Langue française

<i>Abrossimova T. A.</i> Sur le statut sémantique de la construction «se faire + infinitif» en français moderne	101
<i>Bogolioubova L. I.</i> Sur la valeur grammaticale de l'élément <i>le</i> dans le superlatif des adjectifs français	106
<i>Elisséiéva N. V.</i> La symbolique du soleil et les moyens linguistiques de son expression dans la nouvelle de A. Camus "L'Etranger"	110
<i>Ivanova R. V.</i> La neutralisation des catégories grammaticales dans un contexte généralisant en français	114
<i>Kourianova L. A.</i> Les types de répétition rétrospective dans les textes de l'ancien français	118
<i>Makariéva A. P.</i> La présentation de la qualité dans les tours concessifs français	121
<i>Milman N. N.</i> Sur l'histoire des prénoms, des noms et des surnoms français	125
<i>Nikitina T. P.</i> L'article indéfini dans le syntagme nominal faisant fonction de circonstanciel dans la langue française du XI ^e siècle	130
<i>Sabanéiéva M. K.</i> Sur les rapports entre la langue littéraire française et les dialectes au XVI ^e siècle	135
<i>Ouchakova T. M.</i> Sur le principe du système dans la syntaxe française affective	139
<i>Tchékalina E. M.</i> Les paradigmes dérivationnels des adjectifs français de la couleur aux XI—XVI siècles	143
<i>Chtcherba G. M.</i> Les transformations structurales des pronoms indéfinis du latin au français	150
Index des auteurs cités	153